

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА**

**«УЩЕРБ ОТ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ»
(коллективная монография)**

Волгоград, 2026

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА»**

**«УЩЕРБ ОТ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ»
(коллективная монография)**

Волгоград 2026 г.

УДК 347.426.6
ББК 67.404.219
У 96

Коллективная монография утверждена на заседании Ученого совета
АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса»
(протокол № 5 от 15.01. 2026)

Научные редакторы:

Ващенко Андрей Александрович, доктор экономических наук, профессор, президент АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса

Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса

Рецензенты:

Коробов Олег Александрович, кандидат юридических наук, доцент, председатель Совета (председатель) Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», доцент кафедры юриспруденции и психологии Волжского филиала Волгоградского государственного университета.

Печников Геннадий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России.

Ущерб от противоправных действий: проблемы возмещения: коллективная монография / науч. ред.: проф. А.А. Ващенко, доцент С.Б. Цветков; ред. колл.: А.А. Бутенко, Е.В. Вологина, Л.В. Попова // АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса». – Волгоград; Саратов: Амирит, 2026. – 162 с.

ISBN 978-5-00279-144-6

В коллективную монографию вошли труды, представленные преподавателями российских вузов, профессиональных образовательных организаций на тему «Ущерб от противоправных действий: проблемы возмещения».

Материал коллективной монографии предназначен для научно-педагогических работников, практикующих специалистов, аспирантов, магистрантов, студентов и всех интересующихся современными правовыми проблемами возмещения ущерба от противоправных действий (межотраслевой аспект).

УДК 347.426.6
ББК 67.404.219

ISBN 978-5-00279-144-6

© Волгоградский институт бизнеса, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
РАЗДЕЛ 1. ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	9
1.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА.....	9
<i>Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса».....</i>	<i>9</i>
1.2. ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ	17
<i>Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса».....</i>	<i>17</i>
1.3. ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	21
<i>Беликова Екатерина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансово- экономических дисциплин АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	<i>21</i>
<i>Чернявская Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансово- экономических дисциплин АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	<i>21</i>
1.4. СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В АСПЕКТЕ ОБЯЗАННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА.....	29
<i>Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса».....</i>	<i>29</i>
РАЗДЕЛ 2. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА	33
2.1. О КЛАССИФИКАЦИИ ОБЯЗАННОСТИ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ ВИНЫ.....	33
<i>Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса».....</i>	<i>33</i>
2.2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО УЩЕРБА	35
<i>Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса».....</i>	<i>35</i>
2.3. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ В ОЦЕНКЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	40
<i>Бутенко Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	<i>40</i>
<i>Егоров Геннадий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Волжского филиала Волгоградского государственного университета</i>	<i>40</i>

2.4. ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ В ХОДЕ ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ	48
<i>Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	48
2.5. ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, СОЗДАЮЩЕЙ ПОВЫШЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ	51
<i>Гриднев Иван Андреевич, адвокат Коллегии адвокатов Волгоградской области (НО «КАВО»), преподаватель кафедры юридических дисциплин АНПО «Академический колледж», магистрант АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	51
2.6. ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТРАХОВЩИКА И ПРИЧИНТЕЛЕЙ ВРЕДА	55
<i>Ускова Марина Сергеевна, адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	55
2.7. ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ИЛИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА	60
<i>Кукина Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России</i>	60
2.8. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАНИНА: МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	66
<i>Голоманчук Эйда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Волгоградского института управления– филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»</i>	66
2.9. ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ И КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ	77
<i>Шаповалов Сергей Иванович, магистр юриспруденции, старший преподаватель кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	77
РАЗДЕЛ 3. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, РЕШЕНИЕ ВОЗНИКАЮЩИХ ПРОБЛЕМ	85
3.1. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ	85
<i>Вологина Елена Вильгельмовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	85
3.2. ПОТЕРПЕВШИЙ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ ВРЕДА ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВЕ НА СОБСТВЕННОСТЬ	90
<i>Попова Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	90
<i>Шаутаева Гульнара Хасановна, кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	90

3.3. ГРАЖДАНСКИЙ ИСТЕЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	95
<i>Бондарь Мария Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России</i>	<i>95</i>
3.4. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА	103
<i>Трифоновна Кристина Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	<i>103</i>
3.5. ВОЗМЕЩЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ИМУЩЕСТВЕННОГО И МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ПОРЯДКЕ РЕГРЕССА	107
<i>Большаков Александр Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	<i>107</i>
3.6. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ.....	119
<i>Носов Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	<i>119</i>
<i>Егоров Геннадий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Волжского филиала Волгоградского государственного университета</i>	<i>119</i>
РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ (КОМПЕНСАЦИИ) ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ИЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ.....	128
4.1. КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ	128
<i>Каюшников Юлия Евгеньевна, старший преподаватель кафедры Волгоградского института управления– филиала ФГБОУВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»</i>	<i>128</i>
4.2. ИНСТИТУТ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ	137
<i>Урываев Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры Волгоградского института управления– филиала ФГБОУВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»</i>	<i>137</i>
4.3. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	147
<i>Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета.....</i>	<i>147</i>
<i>Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета</i>	<i>147</i>
<i>Нарушкевич Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»</i>	<i>147</i>

4.4. НЕПРАВОМЕРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ, ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ	158
<i>Косяченко Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России</i>	<i>158</i>

ВВЕДЕНИЕ

Современное отечественное законодательство достаточно подробно регламентирует механизм возмещения ущерба, причиненного противоправными действиями.

Право на защиту прав и свобод человека и гражданина всеми способами, не запрещенными законом, включая судебную защиту, гарантировано Конституцией Российской Федерации (ст. 45 и 46). Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, в том числе явившегося следствием незаконных действий (или бездействия) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 52 и 53 Конституции РФ).

Возмещение ущерба от противоправных действий крайне актуально из-за не снижения числа таких деяний, в частности преступлений, и необходимости восстановления социальной справедливости. Количество обращений к Уполномоченному по правам человека в РФ по вопросам возмещения ущерба варьируется в зависимости от региона и специфики дел. Всего в 2023-2025 гг. поступает более 90-120 тысяч обращений ежегодно¹. Согласно ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации возмещение убытков и компенсация морального вреда отнесены к числу способов защиты гражданских прав. Возмещение вреда выступает основополагающим компонентом защиты прав граждан и юридических лиц, гарантированный ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой ущерб подлежит возмещению в полном объеме.

Однако, конституционно обусловленная задача справедливого возмещения причиненного противоправным деянием ущерба решается не всегда эффективно. Основная проблема заключается в сложности реального взыскания средств с причинителя вреда и необходимости совершенствования механизмов гражданского и уголовного судопроизводства. Вследствие этого вопросы возмещения ущерба от противоправной деятельности традиционно находятся в фокусе научного сообщества и юристов-практиков.

Изложенные обстоятельства определяют актуальность и социальную значимость подготовки настоящей монографии.

Ее цель: на основе исследования генезиса отечественного законодательства, изучения эволюции научных взглядов, критического анализа положений действующего законодательства и практики его применения рассмотреть актуальные проблемы правового регулирования отношений по возмещению ущерба, причиненного в результате противоправной деятельности.

Цель монографии определила задачи исследования, которые скоординированы со структурой публикации.

Монография представлена четырьмя разделами.

В первом из них рассмотрены общие вопросы института возмещения ущерба в российском законодательстве. В частности, как предтеча к последующему материалу, обращено внимание на взаимосвязь гражданского и уголовного законодательства в аспекте обязанности возмещения ущерба.

Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по возмещению ущерба стали предметом второго раздела.

Тематика третьего раздела: решение проблем, связанных с процессуальной регламентацией возмещения вреда потерпевшему по уголовным делам.

В четвертом разделе рассмотрены проблемные вопросы возмещения (компенсации) вреда, причиненного административным или экологическим правонарушением.

В подготовке монографии приняли участие преподаватели, в течение длительного времени плодотворно работающие в области административного, гражданского, предпринимательского, уголовного, экологического права и экономики.

¹ О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2025 году [Электронный ресурс] URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%86%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%8B/1122/00/2211/33/13/%D0%93%D0%94_%D0%9F%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%9A%D0%90_%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%94%D0%90%D0%A2%D0%9A%D0%90_%D0%BD%D0%B0_26_01_26_%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%9A%D0%98_%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93.pdf (дата обращения – 09.03.2026).

Материал коллективной монографии предназначен для научно-педагогических работников, практикующих специалистов, аспирантов, магистрантов, студентов и всех интересующихся современными правовыми проблемами возмещения ущерба от противоправных действий (межотраслевой аспект).

РАЗДЕЛ 1. ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

1.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА

Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Возникновение и становление отечественного законодательства о возмещении ущерба - довольно сложная историко-правовая тема. Развитие российской государственности не могло обойтись без института возмещения вреда. Пройден долгий путь — от древних обычаев денежного возмещения обид до сложной системы, учитывающей как материальный, так и моральный вред. Его развитие можно проследить по ключевым историческим памятникам права и законодательным актам.

Выделяют следующие основные исторические этапы эволюции правовых норм о возмещении ущерба в России:

- древнерусский период;
- феодальный;
- императорский (дореволюционный);
- советский;
- современный.

Отношения по возмещению вреда в Древнерусский период (IX-XII вв.) уже были и имели достаточно большую значимость. Основными источниками права явились Договоры с Византией (911, 945 гг.) и Русская Правда (XI век). Ответственность носила уголовно-правовой характер. Предусматривалось, в частности, за убийство — право мести («толион») или обращение имущества убийцы в пользу родственников убитого; за телесные повреждения, оскорбление действием или словом (например, удар мечом, повреждение бороды) — денежное взыскание («урок», «плата за обиду», «вира»).

Феодальный период охватывал XIV-XVII вв. Основные источники права: Псковская судная грамота (1397 – 1467 гг.), Судебники 1497 и 1550 гг., Соборное Уложение 1649 г. Были установлены штрафы ("продажа") в пользу князя/казны и вознаграждение потерпевшему. В Соборном Уложении — детальная регламентация "бесчестья" (оскорбления); размер компенсации строго зависел от социального статуса потерпевшего.

Акты Императорского (дореволюционного) периода (XVIII - нач. XX вв.): артикулы Петра I, Свод законов Российской империи, Проект Гражданского уложения 1900 г. - усиливали роль государства путем взимания штрафов преимущественно в казну. С конца XIX века актуальным стало обращение к обсуждению гражданско-правового возмещения ущерба. Хотя прямого понятия "моральный вред" не было, компенсация за "обиду" и "бесчестье" продолжала существовать. Но по существу в дореволюционный период в российском законодательстве отсутствовал гражданско-правовой институт компенсации морального вреда, что поддерживалось доктриной (прежде всего научная позиция Г.Ф. Шершеневича), ответственность за причинение нравственных или физических страданий в основном носила уголовно-правовой, а не имущественный характер.

Дореволюционное законодательство также содержало нормы о вознаграждении за ущерб, причиненный частным лицам действиями должностных лиц [18, с. 38-42]. Первоначально это было предусмотрено уголовным законодательством (ст. 62 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). Ответственность распространялась на широкий круг действий, как содержащих, так и не содержащих в себе признаки преступления.

Гражданско-правовая ответственность должностных лиц за вред, причиненный при осуществлении властной деятельности, была введена в Свод Законов Российской Империи 21 марта 1851 г. (ст. 677). Истец должен был сначала ходатайствовать о признании властных действий неправильными, что устанавливалось правительственной властью, а затем предъявлять в суд иск о возмещении вреда. Должностные лица могли обязываться отвечать за убытки, причиненные только такими незаконными действиями, которые совершались ими в качестве представителей властных

органов. Если же действия совершались ими как уполномоченными казны по управлению ее имуществом, за причиненные убытки была обязана отвечать казна.

В правиле ст. 677 т. X Свода Законов устанавливалось, что всякое должностное лицо, которое из корыстных или иных личных видов, по суду доказанных, через принятие каких-либо противозаконных мер, или иных, также противозаконных, по службе действий, причинит кому-либо вред или убытки по имуществу, обязано вознаградить за эти вред и убытки по правилам статей 644-646. То есть ответственность предусматривалась за умышленные служебные правонарушения. Кроме общего правила об ответственности за вред должностных лиц, причиненный их незаконными действиями по службе, в других отделах Свода Законов присутствовали и многие специальные нормы. Их можно разделить на две группы.

Первая из них регламентировала случаи ответственности вообще всей этой категории субъектов за убытки, причиненные теми или иными отдельными их преступлениями. В качестве примера можно привести:

1) ст. 351 Уложения о наказаниях 1885 г., обязывающую должностных лиц отвечать за убытки, причиненные небрежным хранением вверенных им по службе казенных или иных денежных сумм, или же другого казенного или частного имущества, когда вследствие этого имеет место расстройство, потеря или истребление денег или другого имущества;

2) ст. 354 того же Уложения, устанавливающую обязанность отвечать за убытки вообще всех чиновников и состоящих на службе лиц, имеющих на руках какие-либо казенные или частные вверенные по службе вещи, денежные бумаги, банковые билеты, облигации и т. п., причиненные самовольным пользованием ими, или употреблением их, или приносимых ими доходов на свои собственные расходы, или дачей их для пользования другим, или же их присвоением себе, или растратой их, или приносимых ими доходов, когда они, кроме платежа всех убытков, понесенных от этого потерпевшими, обязаны возратить им вполне все ими самовольно взятое, присвоенное или растраченное;

3) ст. 1316 Устава гражданского судопроизводства, предусматривающую ответственность за вред и убытки должностных лиц любого административного ведомства, причиненные их нерадением, неосмотрительностью или медленностью в их распоряжениях;

4) ст. 1330¹ и 1330⁶ того же Устава, устанавливающие ответственность за убытки должностных лиц, служащих по выборам дворянских, городских, общественных и сословных, а также земских учреждений и выборных должностных лиц общественного управления сельских обывателей, причиняемые также их нерадением, неосмотрительностью или медленностью в их распоряжениях.

Необходимо отметить, что принятие Устава гражданского судопроизводства в 1864 г. существенно облегчило предъявление исков к должностным лицам, так как ими уже не ограничивалась ответственность перед частными лицами за убытки теми случаями, когда чиновник действовал только из корыстных побуждений. Спор по поводу возмещения вреда, причиненного противоправными действиями, сопряженными с нерадением, неосмотрительностью или медленностью, подлежал рассмотрению в гражданском суде. Если же иск предъявлялся учреждением за нанесенный ему вред подчиненным должностным лицом, ответственность наступала на общих основаниях, а не в особом порядке, установленном ст. 1316 - 1336 Устава.

Вторую группу образовывали специальные нормы об ответственности только некоторых должностных лиц за убытки, причиненные их противоправными действиями по службе. Например, это ст. 59 и 64 Положения о нотариальной части, по которым ответственности подвергались нотариусы, старшие нотариусы и их помощники.

Чиновники административных ведомств могли быть привлечены к ответственности или в порядке уголовного судопроизводства, когда убытки явились следствием их преступных действий, или же в порядке гражданского судопроизводства, когда убытки причинялись такими их деяниями или упущениями, которые не являлись ни преступлением, ни проступком.

Русские юристы того времени высказывали свои суждения относительно ответственности за действия должностных лиц. Признавалось, в частности, целесообразным обязывать чиновников отвечать за вред, причиненный не только их нерадением, неосмотрительностью и медленностью, но и другими неправильными действиями или упущениями по службе, как это отчасти допускала судебная практика [1, с. 475-476] [7]. Указанные действия (бездействие) должностных лиц

становились предметом судебного разбирательства только тогда, когда ими были нарушены личные или имущественные права конкретного лица принятием определенных мер именно против него, а не в виде какого-либо общего акта, затрагивающего в том числе и его интересы. В последнем случае вознаграждение за убытки могло быть назначено «не иначе, как по усмотрению высшего правительства, в видах государственной справедливости, а не судом, по приложению гражданского закона» [12, с. 586]. Соответствующие иски предъявлялись в окружной суд, судебную палату или Сенат, в зависимости от класса должностей.

Таким образом, законодательство России дореволюционного периода устанавливало личную имущественную ответственность должностных лиц за причиненный ими вред при осуществлении властной деятельности.

Глобальные политические изменения, с которой столкнулась страна в советский период (1917 г. - конец 1980-х гг.), не могли не отразиться на ее правовой системе. Законодательство о возмещении вреда формировалось под очевидным влиянием государственной идеологии, отдававшей приоритет защите социалистической собственности и общественных интересов над личными.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. заложил основы советского деликтного права, ввел принцип виновной ответственности.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (ст. 88) и Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. (ст. 444-471) устанавливали общие условия деликтной ответственности: наличие вреда, противоправность поведения, причинная связь и вина причинителя ущерба. В ряде случаев закон предусматривал возмещение вреда и при отсутствии вины, например, источником повышенной опасности. Устанавливался общий принцип: вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим.

Вместе с тем наблюдался идеологический контекст: ГК РСФСР 1964 г. прямо указывал, что гражданские права охраняются законом, «за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма».

В 20-х годах XX века ученые вели дискуссии относительно необходимости в принципе возмещать моральный вред. Возобладала точка зрения, что возмещение нематериального вреда несовместимо с принципами социалистического общества. Так, А. Гейнц утверждал, что факт возмещения морального вреда в условиях развивающегося советского общества будет недопустимым. В противовес ему Б. Утевский полагал, что законодательство того времени предоставляло основания и возможности для возмещения как имущественного, так и морального вреда [13;15]. В 70-90 гг. XX века бытовало мнение, что «как советскому, так и социалистическому праву в целом материальное возмещение морального вреда, выражающегося в умалении чести и достоинства личности, неизвестно. Ибо честь и достоинство в социалистическом обществе суть ценности, которые не могут быть выражены в каком-либо материальном эквиваленте вообще, и в денежном в частности» [11, с. 166]. Утверждалось, что «включение отношений, возникающих по поводу личных неимущественных благ, в сферу гражданско-правового регулирования совершенно не согласуется с логикой социалистического права... личные неимущественные отношения... должны составить предмет конституционного регулирования, но не гражданского» [3, с. 48]. Вместе с тем в юридической литературе неоднократно подчеркивалась мысль о необходимости возмещения не только имущественного, но и морального вреда [2, с.8-10; 8, с. 22; 14, с. 28; 16, с. 141].

Законодательные акты советского периода не содержали понятия морального вреда (оно упоминалось только в ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, но и здесь не было сформулировано определение этого понятия). В уголовном законодательстве 1960-х гг. XX века некоторые преступления, например, клевета, предполагали в качестве штрафной санкции заглаживание вреда, в том числе в материальной форме, что можно трактовать как возмещение морального вреда.

Право граждан на возмещение вреда, причиненного им незаконной властной деятельностью, не было конституционно закреплено и в первом Основном Законе (Конституции) СССР 1924 г. Лишь статьей 43 п. «д» к компетенции Верховного Суда СССР было отнесено рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности. Конституция СССР

1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. содержали отдельные главы “Основные права и обязанности граждан”, однако рассматриваемого права они не декларировали. Высший надзор за точным исполнением законов исполнительными органами, подведомственными им учреждениями, а также отдельными должностными лицами возлагался соответственно на Прокурора СССР (ст. 113 Конституции СССР) и Прокурора РСФСР (ст. 117 Конституции РСФСР).

Гражданским кодексом РСФСР 1922 г. в ст. 407 была установлена ответственность государственных учреждений за вред, причиненный должностными лицами.

Первоначально в проект кодекса за основу брался принцип общего признания такой ответственности за осуществление актов административного управления. Однако комиссия ВЦИК, рассматривавшая документ, «исходя из опасения, что это может наложить большую ответственность на госучреждения, и считая, что в отдельных законах у нас такая ответственность предусмотрена, установила, что эта ответственность должна быть предусмотрена особым законом, а как общее правило, сейчас она очень опасна» [17, с. 123]. Мотивами внесения такого ограничения были: нестабильное финансовое положение в стране, невысокий уровень профессиональной подготовки сотрудников госаппарата [9, с. 7; 17, с. 123-124]. Считалось, что усиление ответственности за неправомерные властные действия опасно ввиду возможного ущемления авторитета государства, при этом к субъективным личным правам превалировало нигилистическое отношение [4, с. 49-50].

Таким образом, ответственность по ст. 407 наступала за те действия, которые не выходили за рамки служебной (должностной) деятельности работника или одобренные учреждением, и только в случаях, особо указанных в законе. Единый закон отсутствовал, а несколько действующих нормативных актов (например, ст. 7 и 8 Положения о государственных морских лоцманах, утвержденного постановлением СНК СССР в 1926 г., ст. 97 Устава железных дорог СССР 1927 г., ст. 21 Сводного закона о реквизиции и конфискации имущества от 28.03.1927, ст. 4 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 16.01. 1928) имели ограниченную сферу применения и не гарантировали полной компенсации вреда. Термин «закон» толковался расширительно, включая и акты органов исполнительной власти. За неправомерные действия должностного лица, специально в законе не выделенные, ответственность учреждения не наступала. Этим руководствовался, в частности, Народный комиссариат юстиции, разъясняя Реввоенсовету СССР в 1923 г., что в силу отсутствия соответствующей нормы в Уставе гарнизонной службы, ответственность военного ведомства за неправильные действия военнослужащего во время боевого дежурства по ст. 407 не наступает [5, с. 919]. Особенность правового регулирования вопроса о возмещении вреда, причиненного должностными лицами, заключавшаяся в его фактической фрагментарности, создавало существенные трудности как для истцов, так и для юристов-практиков по восстановлению правового статуса потерпевших.

В диспозиции ст. 407 законодатель не установил характер действий причинителя вреда или сферу его деятельности. Поэтому в первые годы принимались порой противоречивые решения. Примером могут служить два иска правления Октябрьской железной дороги, рассмотренные Высшей Арбитражной Комиссией. Так, в решении от 1 февраля 1924 г. подчеркнута, что “указанная статья имеет в виду незаконные административные распоряжения должностных лиц, причинившие вред другим лицам, а не действия, связанные с осуществлением госучреждением или предприятием возложенных на него хозяйственных функций” [5, с. 915]. В решении от 20.02. 1925 та же ВАК, не соглашаясь с Северо - Западной Арбитражной Комиссией, определила, что “ответственность учреждения за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц, установлена по ст. 407 Гр. Код. во всех случаях, а не только в случаях выступления должностных лиц в качестве органов власти” [5, с. 914]. В 1926 г. ГКК Верховного Суда РСФСР дала разъяснение: ст. 407 ГК имеет в виду причинение вреда незаконными действиями должностных лиц в сфере их административной деятельности, а не в сфере осуществления учреждениями тех или иных входящих в круг их деятельности материально-хозяйственных задач [17, с. 114]. Этой позиции придерживалась судебная и арбитражная практика.

Спорным был вопрос: являлась ли вина обязательным условием ответственности должностного лица? Так как в норме закона данный аспект не был однозначно определен, существовали две точки зрения. Сторонники первой из них (например, М. М. Агарков) исходили из обязательности наличия всех общих условий ответственности, а термин “неправильность

служебных действий” связывали с виной причинителя вреда. Юристы, придерживавшиеся иного взгляда, указывали, что ст. 407 указанного акта представляет собой специальную норму, а не частный случай ст. 403, регулирует деликтную ответственность, возникающую при особых условиях. Поскольку одно из таковых - наличие специального закона, то он и должен определять: является ли вина необходимым условием ответственности [17, с. 122-124].

Потерпевший перед предъявлением иска о возмещении вреда должен был своевременно, то есть в течение срока исковой давности, обжаловать неправильные действия должностного лица. Вина последнего устанавливалась в уголовном или гражданском процессе либо при рассмотрении жалобы, приносимой в административном порядке. Учреждение, в свою очередь, было вправе сделать начет на виновное должностное лицо в размере уплаченного потерпевшему вознаграждения.

Следующим шагом в развитии советского гражданского законодательства стало принятие Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (в дальнейшем - Основы) и Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.

Часть 1 ст. 446 указанного Кодекса, воспроизводящая соответствующую норму ч. 1 ст. 89 Основ, устанавливала, что за вред, причиненный гражданам неправильными служебными действиями должностных лиц в области административного управления, государственные учреждения отвечают на общих основаниях; они не несут такой ответственности лишь в случаях, предусмотренных специальным законом. Это был существенный законодательный прогресс, ибо, как указывалось выше, до введения в действие названных актов государственные учреждения отвечали за вредоносные действия своих должностных лиц лишь в случаях, указанных в законе, и при наличии особых условий, установленных ст. 407 ГК 1922 г. Сами Основы и ГК РСФСР 1964 г. специальной нормы, исключющей или ограничивающей ответственность государственных учреждений за вред, причиненный гражданам в связи с осуществлением должностными лицами административной деятельности, не содержали (исключением для того времени можно считать норму ч. 2 ст. 89 Основ и соответственно ст. 447 ГК, устанавливавших ответственность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда). Иски о возмещении вреда могли предъявляться в суд без предварительного обжалования и признания незаконными действий должностных лиц.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 «О возмещении вреда, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» было продолжено развитие этого вида ответственности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.10.1981 первое предложение ч. 1 ст. 89 Основ было изложено в следующей редакции: «Вред, причиненный гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей в области административного управления, возмещается на общих основаниях (статья 88 настоящих Основ), если иное не предусмотрено законом». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.02.1987 аналогично была изложена ч. 1 ст. 446 ГК РСФСР.

В своей основе эта норма в общих чертах соответствовала смыслу условий ответственности организации за вред, причиненный по вине ее работников: субъектами, обязанными к возмещению вреда, выступали те организации, незаконными действиями которых или их должностных лиц причинен вред. К особенностям нормы следует отнести: 1) характер противоправности вредоносного действия, представлявшее собой незаконный акт (письменный или устный) в сфере административного управления; 2) субъектный состав непосредственных причинителей вреда (государственные или общественные организации либо их должностные лица). Под государственными и общественными организациями понимались как те из них, которые осуществляли деятельность в области административного управления, так и иные организации (включая предприятия), если на них возлагались определенные функции в сфере административного управления (выдача справок о трудовом стаже и т. д.).

Часть 2 ст. 446 ГК РСФСР 1964 г. устанавливала, что за вред, причиненный такими же действиями должностных лиц организациям, государственные учреждения отвечают в порядке, установленном законом. То есть буквально дословно закон должен был определить лишь порядок ответственности государственного учреждения, а основания и размер этой ответственности определялись общими правилами ст. 444 ГК 1964 г. Судебная практика и ученые-юристы, однако,

считали возможным толковать термин «порядок» значительно шире, а не только как процесс реализации права на возмещение [5, с. 526] [10, с. 10] [6, с. 526].

Впервые в СССР на конституционном уровне право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, было закреплено в ч. 3 ст. 58 Конституции СССР 1977 г. (ч. 3 ст. 56 Конституции РСФСР 1978 г.). Кроме того, граждане наделялись правами: на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, личную свободу и имущество; уважение личности, охрана прав и свобод граждан провозглашались обязанностью всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц (ст. 57 Конституции СССР, ст. 55 Конституции РСФСР); обжаловать действия должностных лиц, государственных органов (ч. 1 и 2 ст. 58 Конституции СССР, ч. 1 и 2 ст. 56 Конституции РСФСР).

Однако юридически государство было признано субъектом ответственности только после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей», причем в строго определенных случаях (незаконное осуждение, незаконное применение в качестве меры пресечения заключения под стражу, подписки о невыезде, незаконное наложение административного взыскания в виде ареста или исправительных работ).

В то же время возмещение вреда от правомерных действий государства (например, в ходе боевых действий, учений, тушении пожара) оставалось нерешаемой проблемой, так как соответствующие нормы в законодательстве отсутствовали.

В целом советское законодательство о возмещении вреда прошло достаточно сложный путь развития, включая как сильные стороны (общий принцип полного возмещения), так и пробелы (слабая защита от вреда со стороны государства), но во многом повлияло на современное российское деликтное право.

Сложно достаточно точно установить, когда Россия вступила в новый этап своего развития. Во-первых, предпосылки к этому были созданы еще недостаточно последовательными мерами руководителей государства в период так называемой «перестройки». Во-вторых, сам процесс преобразования страны в переходное постсоциалистическое государство - не единовременный акт, а длительный эволюционный процесс. Представляется, что отсчет здесь надо вести примерно с августа 1991 г. после провала попытки переворота ГКЧП.

Осенью 1991 г. высшими органами государственной власти были приняты два документа, провозгласившие высшей ценностью общества права и свободы человека, его честь и достоинство: 5 сентября Съезд народных депутатов СССР принял Декларацию прав и свобод человека; 22 ноября Верховный Совет РСФСР - Декларацию прав и свобод человека и гражданина. Эти акты закрепляли право каждого на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц. Несмотря на различную терминологию, оба документа по сути устанавливали одинаковые правомочия граждан: согласно ст. 22 союзной Декларации - «на возмещение морального и материального ущерба», а по ст. 38 российской Декларации - «на возмещение всякого вреда». В 1992 г. глава пятая Конституции Российской Федерации - России 1978 г. была приведена в соответствие с Декларацией прав и свобод человека и гражданина с включением в нее статьи 67², текстуально повторяющей вышеупомянутую ст. 38.

Принятая 12.12.1993 ныне действующая Конституция подтвердила, что в Российской Федерации права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, что права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17). Этим на государство, его органы и должностных лиц налагаются определенные обязательства. Так, ст. 53 Конституции устанавливает, что «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц».

Нормативная база современного периода (с 1990-х гг. по н.в.) представлена прежде всего Основами гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. и действующим ныне Гражданским кодексом Российской Федерации.

Указанные Основы были введены в действие с 03.08.1992 в части, не противоречащей Конституции и законодательным актам Российской Федерации, принятым после провозглашения

независимости России. Но, конечно, знаменательным событием середины 90-х годов прошлого века стало принятие Государственной Думой Гражданского кодекса Российской Федерации.

Современное законодательство сформировало новые принципы и подходы, отличающиеся от исторических.

Разрешен старый научно-практический спор о том, можно ли оценить честь и достоинство в денежной форме, институт компенсации морального вреда (физических и нравственных страданий) был закреплен законодательно с принятием Закона СССР от 12.06.1990 «О печати и других средствах массовой информации» (ст. 39), в дальнейшем – в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. и, наконец, более развернуто в действующем ГК РФ (ст. 151, 1099-1101). Произошел важный терминологический сдвиг: вместо «возмещения» (предполагающего эквивалент) стал использоваться термин «компенсация», подчеркивающий, что нравственные страдания не могут быть оценены в деньгах с абсолютной точностью, но могут быть заглажены. Это не торговая сделка, а способ восстановления социальной справедливости и заглаживания причиненных страданий.

Современное законодательство значительно расширило основания для возмещения ущерба, в частности детально регулируется не только возмещение имущественного вреда как генеральный деликт, но и ответственность за вред, причиненный властными органами и их должностными лицами.

Среди поименованных в ст. 5 указанных Основ способов защиты гражданских прав были указаны такие, как признание недействительным акта государственного органа и возмещение причиненных им убытков. В соответствии с п. 1 ст. 127 Основ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу незаконными действиями государственных органов, а также должностных лиц при исполнении ими обязанностей в области административного управления, возмещается на общих основаниях, если иное не предусмотрено законодательными актами. Следовательно, юридическим лицам было предоставлено такое же право на возмещение вреда, причиненного властной деятельностью, как и гражданам. Наряду с другими новеллами Основ эта норма отражала изменения в политической и экономической жизни страны, ее качественные изменения.

В действующем ГК РФ соответствующие правила установлены ст. 16, 1069-1071 ГК РФ, предусмотрены два режима регулирования ответственности за вред, причиненный названными субъектами, в зависимости от того, в какой сфере деятельности причинен вред: в сфере законодательной и исполнительной деятельности или в сфере судебно-прокурорской деятельности.

В обоих случаях само государство (муниципальные образования) принимает на себя обязанность возместить вред, причиненный властными органами и должностными лицами. Соответствующие требования о возмещении вреда должны предъявляться непосредственно к казне Российской Федерации, казне субъекта Российской Федерации либо к казне муниципального образования в зависимости от того, должностными лицами или органами какого уровня причинен вред. От имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина (ст. 1071 ГК РФ).

Право на возмещение вреда в названных ситуациях имеют граждане и юридические лица.

Вред, причиненный в сфере законодательной и исполнительной деятельности (ст. 1069 ГК РФ), подлежит возмещению на общих основаниях, т.е. если он причинен незаконными действиями (бездействием) соответствующих органов или их должностных лиц, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, и при наличии их вины. Противоправность поведения здесь выражена в форме ее незаконности, т.к. властная деятельность основана на законе. Ответственность за вред, причиненный названными органами и их должностными лицами вне сферы законодательной и исполнительной деятельности, наступает по общим правилам.

По-иному решается вопрос, когда вред причинен действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, выразившимися в незаконном осуждении или незаконном привлечении к уголовной ответственности, незаконном применении в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконном наложении административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (ст. 1070 ГК РФ). Такой вред возмещается в полном объеме за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта РФ или муниципального образования вне

зависимости от вины должностных лиц правоохранительных органов. В ГК РФ определено, что вред возмещается в установленном законом порядке. В настоящее время порядок определен главой 18 «Реабилитация» УПК РФ.

Гражданин имеет право на возмещение при условии постановления оправдательного приговора, прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления, а также в случае прекращения дела об административном правонарушении. Поэтому, если уголовное дело прекращено, например, в соответствии с актом об амнистии, или гражданину снижена или изменена мера наказания, право на возмещение вреда не возникает. Предусмотрено не только возмещение имущественного вреда в денежном выражении, но и восстановление жилищных, трудовых, пенсионных и всех иных нарушенных прав, а также в соответствии со ст. 136 УПК РФ - компенсация морального вреда. Особый порядок возмещения ущерба выражается в том, что соответствующий орган дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда выносит постановление (определение), о размере подлежащего возмещению ущерба и на основании этого постановления (определения) производится выплата соответствующих сумм за счет казны и восстановление в других правах. При несогласии гражданина с произведенным расчетом он вправе обратиться в суд. Пенсии и пособия, выплата которых была приостановлена, компенсируются в соответствии с пенсионным законодательством органами социального обеспечения (социальной защиты).

Во всех иных случаях причинения вреда, т.е. в случаях, не связанных с неосновательным осуждением или привлечением к ответственности граждан, вред, причиненный органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, возмещается также за счет казны, но на общих основаниях, т.е. при наличии вины и противоправности в действиях должностных лиц. При этом законом специально установлено, что, в отличие от вины других должностных лиц, вина судьи должна быть подтверждена вступившим в законную силу приговором суда.

В советское время особой разновидностью вреда были массовые политические репрессии, осуществлявшиеся внесудебными органами (например, «тройками» НКВД). Процесс реабилитации жертв этих репрессий и возмещения им вреда получил законодательное закрепление в Законе РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», который признал право жертв необоснованных репрессий на восстановление в правах, установил правовые основания и механизмы реабилитации и возмещения вреда указанным гражданам.

Важным нововведением стала норма ст. 16.1 ГК РФ, которая предусматривает компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и их субъектов. Вместе с тем Н.А. Суриков справедливо отмечает, что указанная норма в полной мере не охватывает все ее аспекты. Например то, что ситуации, которые включают в себя вред, причиненный в результате правомерных действий государственных органов, могут иметь совершенно различный характер. Некоторые из таких ситуаций вполне могут быть расценены, как возникшие вследствие грубой неосторожности потерпевшего (ст. 1083 ГК РФ), но в некоторых случаях достаточно сложно понять, что можно назвать грубой неосторожностью, а что является неудачным стечением обстоятельств [15], в частности, ущерб, причиненный в результате противодействия беспилотным летательным аппаратам.

Список использованных источников

1. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Том IV. СПб., 1912. С. 475-476 со ссылкой на: Мышь. Об имущественной ответственности выборных должностных лиц городской общественной службы // Журнал Министерства юстиции. 1896, кн. 4. С. 101-102.
2. Белякова А. М. Имущественная ответственность за причинение вреда. М: Юридическая литература, 1979.
3. Боброва Н. А. , Зражевская Т. Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985.
4. Соответствующий анализ: Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Интерпретация принципа ответственности государства за ущерб, причиненный гражданам, в практике Конституционного Суда РФ // Государство и право. 1996. № 4. С. 49-50.

5. Гражданский кодекс РСФСР (с постатейно - систематизированными материалами) / Под ред. С. Александровского. Издание 3-е, переработанное и дополненное. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1928.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР. М.: Юридическая литература, 1982.
7. Лазаревский Н. И. Об ответственности должностных лиц административного ведомства за вред, причиненный их неправильными действиями // Право. 1901. № 18.
8. Малеин Н. С. Современные проблемы юридической ответственности // Государство и право. 1994. № 6. С. 22-32.
9. Мирошникова Н. И. Специальные условия ответственности государственных учреждений за вред, причиненный неправильными действиями должностных лиц в области административного управления // Вестник Московского университета. М: МГУ, 1974. № 5. С. 77-84.
10. Нор В. Т. Имущественная ответственность государственных учреждений за вред, причиненный неправильными служебными действиями их должностных лиц в области административного управления и судебно-прокурорской деятельности: автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 1972.
11. Нор В. Т. Имущественная ответственность за неправильные действия должностных лиц. - Львов: Изд-во при Львовском университете, 1974. С. 166.
12. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Третья часть. СПб., 1880.
13. Сисакьян А.К. Развитие законодательства и научных представлений о компенсации морального вреда в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №29 (244).
14. Смирнов В. Т. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973.
15. Суриков Н.А. Исторически сложившиеся проблемы института возмещения вреда в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://conf.siblu.ru/istoricheski-slozhivshiesya-problemy-institutu-vozmeshcheniya-vreda-v-rossii> (дата обращения - 05.10.2025).
16. Тархов В. А. О юридической ответственности. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. С. 141.
17. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М.: Юридическая литература, 1951.
18. Цветков С.Б. Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.

1.2. ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Необходимо остановиться на вопросе органического единства категорий «возмещение ущерба» и «справедливость».

Справедливость, как фундаментальный общепризнанный принцип, применяемый к распределению благ, ресурсов и возможностей, означает беспристрастность, каждый должен получить то, на что имеет право, в соответствии с установленными правилами. Этот принцип применяется в различных сферах общественных отношений, в том числе в праве. Лица в одинаковых ситуациях должны получать одинаковые результаты, а в разных ситуациях могут получать разные результаты.

Когда имеется в виду правовой принцип, то всегда возникает вопрос о его юридическом закреплении.

В Конституции РФ о справедливости говорится уже в преамбуле («вера в добро и справедливость»), далее в ст. 75 (применительно к социально-обеспечительным отношениям). Все принимаемые в соответствии с Конституцией РФ законы и иные правовые акты предполагаются справедливыми и признаются обществом. Категория справедливости в решениях

Конституционного Суда РФ выступает как конституционно-правовой принцип, который используется при толковании других норм права. Суд учитывает справедливость в качестве принципа, на основе которого оценивается конституционность законов в аспекте соразмерности прав и обязанностей, соответствия ответственности общественной опасности проступка, обстоятельств и личности виновного.

Статья 6 Уголовного кодекса Российской Федерации прямо закрепляет принцип справедливости («наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»).

В Гражданском кодексе РФ необходимость соблюдать справедливость регламентирована: в ст. 6 (наряду с требованиями добросовестности и разумности), ст. 65.2 («справедливая компенсация», но при этом недопустимость «несправедливого лишения иных лиц их прав»), ст. 308.3 (наряду с принципами соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения), ст. 393 (наряду с принципом соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства), ст. 451, ст. 1101 и 1252 (наряду с требованиями разумности).

В процессуальных кодексах (например, в ст. 2, 6, 12, 195 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 2, 7 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 6 и 9 Кодекса административного судопроизводства РФ) принцип справедливости тесно связан с принципом законности и обеспечения задач судопроизводства.

Несмотря на отсутствие прямого упоминания в некоторых отраслевых законах, все законодательство должно соответствовать принципу справедливости как одной из правовых категорий и моральных ценностей. Как отмечал В.К. Бабаев: «Право – это система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженная большей частью в законодательстве и регулирующая общественные отношения» [2, с. 111].

Важно подчеркнуть, что возмещение — это не только материальная компенсация, но и символическое признание прав потерпевшего.

Связь возмещения ущерба с принципом справедливости является одной из фундаментальных основ правовой системы. Это не просто механическое взыскание денег, а сложный процесс, направленный на восстановление нарушенного баланса.

Определимся, как возмещение ущерба выражает принцип справедливости, рассмотрев его в нескольких аспектах.

Во-первых, в аспекте возмещения ущерба, причиненного правонарушением, когда имеется в виду реститутивную (компенсационную) справедливость. В научном плане эта концепция утверждает, что ответственная сторона обязана возместить пострадавшим от её действий людям причинённый ущерб. Она требует нравственно-правового раскаяния правонарушителя за причинение ущерба и заглаживания его неблагоприятных последствий путём возложения на виновного обязанности юридического или нравственного характера компенсировать причинённые страдания потерпевшему» [3, с. 15-16]. Это самая очевидная форма связи рассматриваемых категорий, проявляющееся прежде всего в гражданско-правовых отношениях, а также в связи с нарушением права в рамках уголовных, административном, семейных, экологических и иных правоотношений. Сам факт того, что общество (в лице суда) обязывает причинителя вреда возместить (компенсировать) ущерб, является публичным признанием того, что права и достоинство потерпевшего были нарушены и подлежат восстановлению. Компенсационная справедливость служит цели погасить конфликт между сторонами, возникший вследствие причинения ущерба.

Во-вторых, справедливость рассматривается как исправление дисбаланса: корректирующая (уравняющая) справедливость. Восходящая к Аристотелю [1, с. 324-327], эта концепция (в наше время — Джон Ролз [4, с. 65] и др.) рассматривает ситуацию как нарушение баланса между двумя сторонами. Одна сторона совершает действие (получает незаконную выгоду), которое обогащает ее за счет другой стороны или причиняет ей ущерб, в результате чего равновесие сторон нарушено. Возмещение ущерба — это попытка восстановить этот нарушенный баланс, несправедливость

устраняется, нарушитель принуждается вернуть благо или компенсировать ущерб потерпевшей стороне. При этом справедливость здесь — не наказание, а восстановление баланса.

В-третьих, актуальна превентивная справедливость: реальная возможность возмещения ущерба служит целям справедливости, ориентированным на будущее. Осознание того, что за причиненный ущерб придется полностью расплачиваться, делает совершение правонарушения экономически невыгодным и нерациональным. Зная о потенциальной имущественной ответственности, лица ведут себя более осмотрительно. Институт возмещения ущерба справедлив, так как он защищает всех членов общества от будущих нарушений. Тем самым поддерживая социальный порядок.

В-четвертых, указывают на дистрибутивную (регулятивную) справедливость [3, с. 14-15], проявляющуюся прежде всего в сфере гражданских, предпринимательских, трудовых, семейных правоотношений. Несправедливо, чтобы бремя ущерба, причиненного по чьей-то вине, лежало на невиновном потерпевшем. Справедливо переложить это бремя на того, кто виновен в причинении вреда, или на того, кто связан с ним особыми отношениями (например, ответственность работодателя за действия работника). В более широком аспекте, это справедливо, так как ущерб компенсируется тем, кто лучше может его нести (например, владелец источника повышенной опасности) или кто извлек из связанной с риском деятельности выгоду.

В-пятых, правоохранительная справедливость, проявляющаяся в оценке социальной значимости факта причинения ущерба, требовании объективности и беспристрастности исследования обстоятельств совершения противоправного деяния, учете формы и степень вины делинквента, требовании неукоснительного соблюдения процедуры привлечения виновных к ответственности [3, с. 15].

И, наконец, в-шестых, процедурная и процессуальная справедливость, предполагающая, что строгое соблюдение процедурных и процессуальных правовых норм способствует достижению обоснованного и законного результата в форме возмещения ущерба.

В вопросах возмещения ущерба важно проводить грань между справедливостью и несправедливостью. В связи с этим отметим как минимум три условия, при соблюдении которых возмещение ущерба будет выражать принцип справедливости:

размер возмещения должен быть соразмерен причиненному ущербу. Несправедливо взыскивать символическую сумму за тяжелейшую травму, равно как и несправедливо взыскивать огромную сумму за незначительный ущерб. Когда несоразмерность, это обычно уже наказание (карательная функция, в целом не свойственная гражданскому праву);

справедливо возлагать ответственность только на того, чьи виновные действия стали непосредственной причиной ущерба;

должно обеспечиваться реальное взыскание причиненного ущерба. Если решение суда о возмещении не исполняется, сама идея справедливости обесценивается.

В ситуациях полного возмещения ущерба (ст. 15 ГК РФ) справедливость торжествует. В связи с этим есть смысл остановиться на случаях, когда возмещение невозможно или недостаточно.

Например, наряду с общими последствиями недействительности сделок (п. 2 ст. 167 ГК РФ) в определенных законом случаях применяются и специальные в виде возложения обязанности возместить ущерб, понесенный одной из сторон вследствие заключения и исполнения недействительной сделки (п. 1 ч. 3 ст. 171, п. 1 ст. 172, п. 6 ст. 178 ГК РФ). Однако возмещению подлежит лишь реальный ущерб, т. е. только умаление в имуществе и фактически понесенные стороной расходы.

Причина здесь очевидно заключена в том, что законодатель признает это справедливыми правовыми последствиями, обеспечивающими возврат сторон в первоначальное положение и компенсирующие расходы и потери, связанные с исполнением недействительной сделки, но не доход, которую можно было бы получить. Доказать реальный ущерб обычно проще, чем упущенную выгоду, которая является гипотетической и требует документального подтверждения. Возмещение упущенной выгоды возможно в случае умышленных действий одной из сторон при совершении сделки под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (п. 4 ст. 179 ГК РФ).

Другой пример: исключительная неустойка. Она применяется, когда стороны договорились, что кредитор может взыскать только неустойку, но не убытки. То есть если убытки, понесенные

кредитором, превышают сумму неустойки (даже если они значительно превышают размер неустойки), он не сможет взыскать разницу. В то же время Верховный Суд РФ разъяснил, что условие договора об исключительном характере неустойки не освобождает должника от ответственности в форме возмещения убытков, если нарушение носит умышленный характер. В противном случае нарушался бы установленный п. 4 ст. 401 ГК РФ запрет на заключение соглашений, которыми заранее устраняется или ограничивается ответственность за умышленное нарушение обязательства [5].

Исключительная неустойка также может быть установлена законом: ч. 14 ст. 155 Жилищного кодекса РФ (за несвоевременное и/или неполное внесение лицами платы за жилое помещение и коммунальные услуги); п. 1 ст. 794 ГК РФ, ст. 94 Устава железнодорожного транспорта, ст. 34 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта (ответственность перевозчика и отправителя за нарушение своих обязательств по подаче транспортных средств и предъявлению груза соответственно).

Важно подчеркнуть трансформацию роли возмещения ущерба: от простой компенсации на индивидуальном уровне до инструмента социальной реабилитации, фундаментального элемента установления социальной справедливости. Возмещение ущерба переводит идею справедливости в конкретные активные действия, направленные на восстановление баланса сторон, признание достоинства потерпевших, подтверждение принципа: не только отдельные граждане, но и государство несут ответственность за причиненный вред.

В общественно-историческом аспекте правовым механизмом реализации социальной справедливости через возмещение ущерба являются, например, репарации – основанное на принципе материальной ответственности государства-агрессора полное или частичное возмещение побежденным государством ущерба (в форме денежных выплат, поставок товаров, оказания услуг), причиненного другой стране в результате войны или иного международного правонарушения (выплаты Германии после Первой и Второй мировых войн). Другой пример, когда государство публично признает, что в прошлом были совершены системные нарушения прав целых групп людей, и материальная компенсация способствует восстановлению доверия между ними, национальному примирению. Так, целью Закона РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», как написано в его преамбуле, является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального ущерба.

Вместе с тем существуют проблемы и ограничения в аспекте возможности возмещения ущерба как элемента справедливости. Так, можно оценить в денежной форме моральный вред, но невозможно деньгами реально возместить потерю жизни или здоровья, многолетние страдания. Как оценить причиненный в связи с репрессиями материальный вред или многовековой ущерб от рабства (любая сумма будет символической)? В процессуальном аспекте не у всех граждан есть реальная возможность нанять квалифицированного юриста для защиты нарушенных (оспоренных) прав.

Обобщая изложенное, еще раз подчеркнем: возмещение ущерба — это материальное воплощение принципа справедливости в праве. Право переводит философскую категорию «справедливость» в конкретные действия, направленные на исправление последствий уже случившегося нарушения, восстановление нарушенного баланса и прав потерпевшего, предупреждение новых нарушений и справедливое распределение рисков в обществе. Без эффективного механизма возмещения ущерба принцип справедливости оставался бы лишь декларацией, благим намерением, не подкрепленных реальными инструментами для своей реализации.

Список использованных источников

1. Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4 / Аристотель. М. : Мысль, 1984.
2. Бабаев, В. К. Понятие права / В. К. Бабаев // Общая теория права. Н. Новгород: Изд-во ВШ МВД РФ, 1995.

3. Вопленко Н.Н. Понятие и виды юридической справедливости // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2011. № 2 (15). С. 7-17.
4. Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
5. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03. 2022 № 305-ЭС21-24306 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1540988/> (дата обращения – 29.10.2025).

1.3. ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Беликова Екатерина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Чернявская Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансово-экономических дисциплин АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Экономический ущерб — это стоимостная оценка потерь материальных ценностей, финансовых средств, имущества, а также упущенная выгода, возникающая из-за негативных факторов (кризисы, аварии, преступления, загрязнение среды). Он включает прямые убытки (разрушение активов) и косвенные последствия, затрагивая компании, государство и экологию.

Экономический ущерб определяется как сумма убытков, возникающих вследствие негативного воздействия различных факторов на субъекты хозяйствования и государство.

Он включает прямые и косвенные потери, такие как:

- Потеря имущества и производственных мощностей.
- Затраты на восстановление после аварий и катастроф.
- Утрата доходов и прибыли.
- Экологические издержки, вызванные деградацией природы.
- Медицинские расходы на лечение пострадавших работников.
- Судебные иски и штрафы за нарушение законодательства.

Согласно определению А.С. Тулупова, экономический ущерб охватывает широкий спектр явлений, таких как ухудшение потребительских свойств продукции, утрата инвестиций и невозможность оптимального использования имеющихся ресурсов.

Экономический ущерб охватывает не только прямые потери (утрата имущества, затраты на восстановление, медицинские расходы), но и косвенные эффекты: упущенная выгода, снижение производительности, потеря кадров, ухудшение инвестиционного климата и долговременные потери природного капитала.

Важен временной аспект: часть ущерба проявляется сразу, часть — на протяжении лет (деградация экосистем, хронические заболевания работников, снижение конкурентоспособности отрасли).

Расширение спектра угроз и глобальная взаимозависимость означают, что локальный инцидент может иметь трансграничные экономические эффекты через цепочки поставок, финансовые рынки и туризм.

Изучение экономического ущерба важно по многим причинам, например, он позволяет оценить реальные размеры потерь, вызванных неблагоприятными событиями. Способствует выработке адекватных мер по компенсации нанесённого вреда. Помогает предотвратить повторение аналогичных ситуаций путём выявления слабых мест в системах безопасности. Формирует основу для принятия управленческих решений, направленных на защиту экономических интересов государства и бизнеса.

Исследование показывает, что производственный травматизм и профессиональные болезни приводят к значительным финансовым расходам, связанным с лечением сотрудников, выплатой компенсаций и снижением производительности труда. Аналогичным образом, экологические

катастрофы вызывают значительные затраты на ликвидацию последствий загрязнений и восстановление нарушенных экосистем.

Количественная оценка убытков — не только бухгалтерская задача, но и инструмент стратегического управления организацией, и основа для принятия управленческих решений. Зная точные размеры прямых и косвенных затрат, можно приоритизировать вложения в профилактику там, где эффект от предотвращения ущерба будет наибольшим.

Практическая ценность анализа риска и возможного ущерба проявляется и в юридической и страховой плоскостях: объективные оценки нужны для справедливой компенсации пострадавшим, расчёта страховых тарифов и определения ответственности.

Методы оценки варьируются от простого суммирования прямых расходов (лечение, выплаты, восстановление) до сложных моделей, учитывающих упущенную выгоду, репутационные потери и долгосрочные экологические последствия.

Примеры подтверждают важность темы: производственный травматизм и профессиональные болезни влекут за собой значительные расходы на медицинскую помощь, компенсации и падение производительности.

Экологические катастрофы требуют больших затрат на ликвидацию последствий и восстановление экосистем, причём часть ущерба носит долгосрочный, кумулятивный характер.

Таким образом, оценку ущерба следует делать междисциплинарно (экономисты, экологи, юристы, специалисты по охране труда) и использовать её как отправную точку для инвестиций в превентивные меры, страховые инструменты и изменения в регуляторной политике.

Экономическая безопасность и устойчивость — базовые условия сохранения доходов населения, функционирования предприятий и выполнения государственных обязательств. Невозможность адекватно оценить и компенсировать ущерб подрывает эти основы.

Итак, экономический ущерб — это компенсация за объективно поддающиеся проверке денежные потери, такие как прошлые и будущие медицинские расходы, потеря прошлых и будущих доходов, потеря возможности использования имущества, затраты на ремонт или замену, экономическая ценность бытовых услуг, а также потеря работы или деловых возможностей.

Исходя из данного определения экономический ущерб рассматривается, как прямой ущерб, косвенный ущерб и полный ущерб.

Выделим основные виды ущерба:

Имущественный (реальный) ущерб: Повреждение или уничтожение имущества (автомобиля, недвижимости, товаров), а также расходы необходимые для восстановления нарушенного права.

Упущенная выгода: Неполученные доходы, которые лицо получило бы в обычных условиях гражданского оборота.

Моральный вред: Физические или нравственные страдания, причиненные гражданину, а также подрыв деловой репутации юридического лица.

Физический вред: Причинение вреда жизни или здоровью, который согласно уголовному закону делится на тяжкий средней тяжести и легкий.

Экологический ущерб: Загрязнение или разрушение окружающей среды (почвы, воды, воздуха, лесов).

Финансовый ущерб: Потеря денежных средств инвестиционные убытки.

Трудовой/бюджетный ущерб: Вред, причиненный работником работодателю либо ущерб государственным средствам

Экономический ущерб рассчитывается исходя из суммы денежных потерь, понесенных в результате аварии. Сюда могут входить расходы на медицинские услуги, потерянный заработок и ущерб имуществу. Расчет экономического ущерба прост, поскольку он, как правило, представляет собой сумму документально подтвержденных потерь и потерь, которые могут произойти в будущем.

Экономический ущерб представляет собой ключевую категорию, отражающую негативные последствия воздействия неблагоприятных факторов на экономику субъекта хозяйствования или государства в целом.

Экономический ущерб государства — это стоимостное выражение потерь материальных ценностей, финансовых ресурсов и недополученного национального дохода из-за негативных факторов (кризисов, ЧС, преступлений). Он включает прямые убытки (разрушение

инфраструктуры) и косвенные потери (снижение производства, социальные выплаты, экологический вред).

Определим основные составляющие и причины экономического ущерба:

Чрезвычайные ситуации и стихийные бедствия: Разрушение жилья, производственных объектов, инфраструктуры, требующее колоссальных затрат на восстановление (например, лесные пожары, наводнения).

Совокупный ущерб, нанесенный мировой экономике стихийными бедствиями, в 2024 году достиг \$320 млрд, что примерно на треть выше показателя предыдущего года.[9] Совокупный экономический ущерб от стихийных бедствий в мире по итогам 2025 года составил \$224 млрд. Это примерно на 40% ниже показателя предыдущего года, который с учетом инфляции достиг \$368 млрд.[27]

Экономические преступления и коррупция: В России ущерб от таких правонарушений может исчисляться сотнями миллиардов рублей (например, 266,2 млрд руб. за 10 месяцев 2025 г.).

Социально-экономические факторы: Расходы на здравоохранение, снижение производительности труда из-за болезней, социальные пособия и списание долгов.

Экологический ущерб: Загрязнение природных ресурсов, требующее затрат на ликвидацию последствий и снижение качества жизни населения.

Методы оценки и влияния:

Ущерб измеряется в денежной форме и используется для оценки рисков, безопасности, а также эффективности экономических мер (например, инвестиций или борьбы с инфляцией). Глобальные стихийные бедствия способны наносить ущерб в сотни миллиардов рублей.

Последствия для государства:

- Снижение темпов экономического роста.
- Увеличение бюджетного дефицита.
- Снижение уровня жизни населения.

Предотвращение ущерба достигается через укрепление национальной экономики, эффективное государственное управление, контроль экологической безопасности и борьбу с криминализацией.

В 2025 году экономический ущерб от преступлений в России достиг максимальных показателей с 2022 года, превысив 320 млрд рублей по данным МВД, при этом более 68% преступлений относятся к тяжким и особо тяжким. Ключевыми факторами стали рост киберпреступлений (до 1,5 трлн руб. потенциального ущерба), коррупционные дела и хищения в ОПК.

Основные показатели экономического ущерба за 2025 год:

Общий ущерб от экономических преступлений: превысил 320 млрд рублей (по данным на начало 2026 года), выявлено более 82 тыс. нарушений. В частности, по данным на ноябрь 2025 г. ущерб оценивался в 266,2–316 млрд руб. [20]

Коррупционные преступления: рост числа выявленных случаев на 10%, материальный ущерб составил около 16 млрд рублей, при этом арестовано имущество на сумму свыше 45 млрд рублей [7]

Ущерб в ОПК: превысил 8 млрд рублей (задокументирована почти 1 тысяча противоправных деяний) [19]

Киберпреступность: ущерб от кибератак на бизнес за первые 8 месяцев 2025 года достиг колоссальных 1,5 трлн рублей [6]

Незаконный вывод средств: из экономики за рубеж вывели около 8,5 млрд рублей, обналичили через сомнительные схемы 23,6 млрд рублей [21]

Возмещение ущерба: правоохранительные органы (СК РФ) вернули государству и потерпевшим 128 млрд рублей, арестовано имущество на сумму 196,5 млрд рублей [8]

Основные тенденции 2025 года указывают на рост крупных, многоэпизодных дел, связанных с госконтрактами и цифровыми финансовыми инструментами.

В сложившейся ситуации возрастает значимость экономической безопасности как фактора устойчивого развития любой страны.

Расширяется спектр угроз, влияющих на национальную экономику, включая природные катаклизмы, техногенные аварии, экологические нарушения, производственные травмы и профессиональные заболевания.

Усиление интеграции экономик усиливает зависимость между странами, повышая чувствительность к международным экономическим потрясениям.

Таким образом, изучение экономического ущерба как экономической категории имеет важное значение для выработки эффективных мер по защите национального богатства и повышению устойчивости экономики.

Можно выделить следующие методологические подходы к измерению ущерба:

- Классификация по типу: прямой (материальный), косвенный (производственный), нематериальный (репутационные потери, экологические услуги).

- Инструменты оценки: бухгалтерские расчёты, статистические и эконометрические модели, модели вход-выхода (для оценки мультипликативного эффекта по отраслям), CGE-модели (для макроэффектов), метод оценки нематериальных потерь (контингентная оценка, стоимость замены экосистемных услуг).

- Учет временной стоимости: дисконтирование долгосрочных последствий, сценарный анализ для оценки неопределённости.

Также можно выделить методы экономической оценки как инструмента управления предприятием:

- Оценка ущерба должна быть инструментом принятия решений: приоритезация мер, расчёт экономической эффективности превентивных инвестиций (CBA — cost-benefit analysis), выбор оптимальных страховых и фискальных решений.

- Результаты исследований помогают формировать нормативную базу (требования по охране труда, экологические стандарты) и мотивируют частные инвестиции в риск-минимизирующие технологии.

При оценке ущерба могут возникать информационные риски которые характеризуются следующими информационными и институциональными вызовами:

- Нехватка качественных данных и недооценка косвенных потерь затрудняют корректную оценку. Требуется стандартизованные методики учёта ущерба и единые регистрационные практики.

- Необходимы механизмы прозрачной отчетности и независимого аудита оценок ущерба, чтобы избежать занижения или завышения величин в политических целях.

Итак, исследование экономического ущерба — не абстрактная академическая задача, а практический инструмент укрепления устойчивости: оно позволяет заранее оценить уязвимости, рационально распределять ресурсы на превентивные меры, обеспечивать справедливую компенсацию и сокращать долговременные потери национального богатства. Только комплексный подход — от точной методики оценки до институциональных нововведений и международной кооперации — даст реальную возможность снизить масштаб будущих экономических потерь.

Экономическая безопасность подразумевает способность государства защищать свои национальные интересы перед лицом внешних и внутренних угроз. Важнейшими элементами экономической безопасности являются:

- ❖ Устойчивость экономики к внешним шокам.
- ❖ Эффективность институтов, обеспечивающих стабильность финансового рынка.
- ❖ Наличие резервов для преодоления кризисных ситуаций.

Экономический ущерб напрямую влияет на экономическую безопасность, поскольку он снижает потенциал экономики, увеличивает нагрузку на бюджет и ослабляет конкурентоспособность отечественных производителей. Следовательно, понимание механизма образования и измерения экономического ущерба помогает принимать упреждающие меры по укреплению экономической безопасности.

Экономическая безопасность — это способность государства защищать национальные интересы и обеспечивать устойчивое развитие в условиях внешних и внутренних рисков. Понимание связей между экономическим ущербом и элементами безопасности позволяет выстраивать эффективную политику предотвращения и реагирования.

Как экономический ущерб подрывает экономическую безопасность (каналы воздействия)

- Снижение ВВП и инвестиционной активности приводит к уменьшению долгосрочного потенциала роста.

- Увеличение бюджетной нагрузки (восстановление, компенсации, соцпомощь) приводит к ослаблению фискальной устойчивости.

- Использование резервов и снижение ликвидности приводит к ограничению возможностей для поддержки экономики во время шоков.

- Давление на финансовую систему (рост проблемных кредитов, падение капитала) → приводит к увеличению риска системных кризисов.

- Ослабление конкурентоспособности производителей приводит к потере рынков и рабочих мест.

- Рост социального напряжения и падение доверия к институтам приводит к усложнению политико-экономического управления.

Основные показатели, с которыми экономика входит в 2026 г., выглядит следующим образом:

- Рост кредитования юридических лиц замедлился до 9,4% г/г с 22,5% в октябре 2024 г.

- Потребительские кредиты сократились до -5,5% г/г с 13,8% в октябре 2024 г.

- Качество кредитов ухудшается (проблемные кредиты ЮЛ — 11,4%, розничные — 6,1%).

- Вложения в основной капитал снизились на 3,1% кв/кв.

- Базовая инфляция — 4,2%.

- Гражданский сектор экономики находится в стагнации/рецессии.

- Рост ВВП за III квартал — 0,6%, SA — 0,1% [12]

После введения санкций экономика столкнулась с шоком предложения: рост цен был вызван логистическими ограничениями и сложностями с расчетами. Именно это стало причиной инфляции.

Сегодня Центральный банк борется с последствиями шока предложения не за счет его расширения, а через подавление потребления. Это хорошо видно по данным о расходах населения: домохозяйства всё активнее переходят к сберегательной модели поведения.

Определим инструменты эффективной политики профилактики и реагирования:

- - Буферы: фискальные резервы, валютные запасы, стратегические товарные запасы;

- - Сильные институты: прозрачная фискальная политика, независимые регуляторы, эффективная банковская надзорная система;

- - Макропруденциальная политика и стресс-тестирование финансового сектора;

- - Диверсификация экономики и цепочек поставок;

- - Социальные механизмы защиты и программы переобучения для смягчения последствий для рабочей силы;

- - Правовые механизмы ответственности и страховые решения для покрытия рисков.

Рассмотрим развернутое описание каждого инструмента профилактики и реагирования с практическими рекомендациями, показателями эффективности и типичными проблемами внедрения.

1) Буферы: фискальные резервы, валютные запасы, стратегические товарные запасы.

Буферы — накопленные ресурсы, которые государство может использовать для сглаживания шоков (фискальных, платежно-балансовых, снабженческих).

Компоненты:

- - Фискальные резервы (аварийные фонды, «подушка» в бюджете).

- - Валютные резервы (валютные запасы и доступные кредитные линии/своп-линии).

- - Стратегические товарные запасы (запасы продовольствия, топлива, медицинских материалов).

- - Механизмы управления: правила накопления и использования (fiscal rules), критерии размера буфера (процент ВВП, месячный импорт, расчёт по стресс-сценариям), прозрачная отчётность.

- - Показатели эффективности: месячное покрытие импорта, соотношение резервов к внешнему долгу, число месяцев покрытия бюджетного дефицита резервами.

➤ - Практические шаги: установить целевые уровни, автоматические правила пополнения, стресс-тестирование на сценариях кризисов, создание оперативных процедур быстрой мобилизации.

➤ - Риски/ограничения: политическое искушение использовать резервы в мирное время, стоимость удержания больших запасов, риск истощения при длительных кризисах.

2) Сильные институты: прозрачная фискальная политика, независимые регуляторы, эффективный банковский надзор. Институты формируют доверие рынков и населения, предотвращают накопление рисков и обеспечивают оперативное реагирование.

К основным элементам можно отнести:

➤ - Прозрачность бюджета (публичные прогнозы, регулярная отчетность, независимая оценка макропрогнозов).

➤ - Независимость и компетентность центрального банка и финансовых регуляторов (четкие мандаты, защита от политического давления).

➤ - Оперативный банковский надзор (контроль качества активов, требования по капиталу и ликвидности).

➤ - Меры совершенствования: создание законодательства, гарантирующего прозрачность; публичные порталы данных; регулярные аудиты и независимые оценки; мотивация кадров (конкурсный отбор, обучение).

➤ - Индикаторы: индекс прозрачности бюджета, рейтинги институционального качества, доля проблемных кредитов (NPL), достаточность капитала банков.

➤ - Проблемы: институциональные реформы долгосрочны и политически чувствительны; требуются инвестиции в человеческий капитал.

3) Макропруденциальная политика и стресс-тестирование финансового сектора, ее цель ограничить системные риски и повысить устойчивость финансовой системы к шокам.

➤ - Инструменты: буферные капитальные требования, лимиты концентрации кредитного риска, требования по ликвидности (LCR, NSFR), макропруденциальные кондициональные правила (countercyclical capital buffer), меры по защите от валютного риска.

➤ - Стресс-тесты: регулярные сценарные тесты банков и страховых компаний — макроэкономические сценарии (шоки по ВВП, процентным ставкам, валюте), оценка вторичных эффектов и взаимосвязей.

➤ - Реализация: методики разработки сценариев, стандарты моделирования, публичные и закрытые варианты тестов, планы корректирующих действий для банков с недостатками.

➤ - Ключевые метрики: коэффициенты достаточности капитала, покрытие ликвидности, падение капитала в стресс-сценариях.

➤ - Ограничения: модельный риск, недостаток данных, координация между регуляторами.

4) Диверсификация экономики и цепочек поставок, снижает уязвимость к отраслевым и внешним шокам, уменьшает зависимость от узких источников импорта/экспорта.

Подходы:

➤ - Структурная диверсификация (поддержка новых секторов, добавленная стоимость в традиционных отраслях).

➤ - Географическая диверсификация поставщиков и рынков сбыта.

➤ - Развитие резервных и гибких логистических маршрутов, локализация ключевых производств.

➤ - Политики и инструменты: налоговые стимулы, гранты на НИОКР, инфраструктурные инвестиции, поддержка кластеров, торговые соглашения и логистические хабы.

➤ - Показатели: доля высокотехнологичного экспорта, диверсификация экспорта по странам (Herfindahl index), время снабжения (lead time), доля импорто-замещения в критических товарах.

➤ - Ограничения: ресурсо-затратность, возможное удорожание продукции, торговые и геополитические ограничения.

5) Социальные механизмы защиты и программы переобучения, с целью смягчения социальных последствий кризисов, поддержание спроса и сокращение длительной безработицы.

Используемые инструменты - временная поддержка доходов (пособия, субсидии по заработной плате), программы краткосрочной занятости, программы переqualификации и обучения, меры активной политики занятости.

Подходы к проектированию: таргетированность (наиболее уязвимые группы), быстрый доступ к выплатам, интеграция с рынком труда (стажировки, субсидирование занятости).

KPI эффективности: доля восстановившихся рабочих мест, снижение длительной безработицы, показатели участия в программах переобучения и последующая занятость.

б) Правовые механизмы ответственности и страховые решения.

Их роль - создание правовой и финансовой инфраструктуры для компенсации потерь, распределения рисков и мотивации соблюдения норм.

Правовые инструменты: чёткое регулирование ответственности за техногенные и экологические инциденты, штрафы и обязательные фонды восстановления, механизмы суброгации, прозрачные процедуры возмещения ущерба.

Страховые решения: развитие рынков страхования рисков (катастрофическое, промышленное, ответственности), государственно-частные партнерства (PPP) для покрытия экстремальных рисков, катастрофические облигации и другие финансовые инструменты трансформации рисков.

Практическая интеграция: обязательное страхование для критических отраслей, планы покрытия для государственных объектов, механизмы быстрой выплаты страховой суммы при кризисах.

Эффективная система профилактики и реагирования сочетает в себе финансовые буферы, сильные институты, проактивный финансовый надзор, структурные преобразования экономики, социальную защиту и развитую систему правовой/страховой ответственности. Ключ к успеху — интегрированный подход, чёткие правила управления рисками и постоянный мониторинг эффективности всех инструментов.

Экономический ущерб напрямую уменьшает способность государства защищать свои интересы. Поэтому политика экономической безопасности должна сочетать профилактику (укрепление институтов и инфраструктуры), наличие буферов и механизмы быстрого реагирования, а также качественные инструменты оценки ущерба для принятия взвешенных управленческих решений.

Следует отметить, что одним из главных глобальных вызовов обществу является цифровая трансформация, протекающая практически во всех сферах жизнедеятельности. Вопросы развития цифровой экономики становятся для государства приоритетным направлением обеспечения его экономической безопасности. Исследование экономической безопасности неразрывно связано с вопросами определения имеющихся вызовов и выявления потенциальных угроз экономической системе и безопасности государства. В связи с этим были конкретизированы и выделены те угрозы экономической безопасности, которые напрямую связаны с цифровизацией.

В связи с многоплановостью цифровизации, затрагивающей большинство сфер жизни общества, можно определить максимально широкий перечень угроз, которые могут возникнуть при развитии цифровой экономики и цифрового государства. Прежде всего, нами были выделены и раскрыты основные кластеры угроз, объединенные однотипными характеристиками или направлениями воздействия, а именно:

- ❖ - финансово-экономические угрозы;
- ❖ - угрозы в сфере информационной безопасности;
- ❖ - политические угрозы;
- ❖ - социальные угрозы.

Однако невзирая на опасности, риски и негативные последствия для отдельных групп населения, развитие цифровизации становится неизбежным процессом, который является, безусловно, полезным для общества [11].

Анализ современного состояния вопроса свидетельствует о необходимости дальнейшего углубления научных исследований в области экономического ущерба. Это позволит создать надёжную систему предотвращения и смягчения последствий неблагоприятных воздействий на экономику, повысить качество жизни населения и укрепить позиции государства на международной арене.

Список использованных источников

1. Аванесян, Э.А. Проблемы обеспечения экономической безопасности на предприятиях малого бизнеса [Текст] / Э.А. Аванесян // Вектор экономики. — 2021. — № 10 (64). — С. 297
2. Артемьев, Н.В. Правовое обеспечение экономической безопасности [Текст] / Н.В. Артемьев // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 5. — С. 274-278.
3. Артемьева, Е.С. Анализ и оценка уровня финансовой безопасности предприятия [Текст] / Е.С. Артемьева // Вестник науки. — 2021. — Т. 3. — № 12 (45). — С. 59-64.
4. Беликова Е.В., Чернявская Е.Ю. Особенности обеспечения продовольственной безопасности в условиях геополитической нестабильности и западных санкций //Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6. № 3 (17). С. 91-106.
5. Беликова Е.В., Чернявская Е.Ю. Шамрай-Курбатова Л.В. Анализ показателей, характеризующих продовольственную безопасность региона // Продовольственная политика и безопасность. – 2025. – Том 12. – № 4. – doi: 10.18334/ppib.12.4.123956
6. Беликова Е.В., Чернявская Е.Ю., Чумакова Е. А. Оценка состояния продовольственной безопасности современной России // Продовольственная политика и безопасность. – 2024. – Том 11. – № 3. – doi: 10.18334/ppib.11.3.121186
7. В 2025 году в России на 10% выросло количество коррупционных преступлений, ущерб от них составил 16 млрд рублей / <https://mstrok.ru/news/v-2025-godu-v-rossii-na-10-vyroslo-kolichestvo-korruptsionnyh-prestupleniy-ushcherb-ot-nih#>
8. В 2025 году следователи СК России вернули государству и потерпевшим 128 млрд рублей ущерба / <https://abn.agency/2026/03/04/v-2025-godu-sledovateli-sk-rossii-vernuli-gosudarstvu-i-poterpevshim-128-mlrd-rublej-ushherba>
9. Глобальный экономический ущерб от стихийных бедствий в 2024 году достиг \$320 млрд/ <https://www.interfax.ru/world/1002093>
10. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в совершенствовании / И.Г. Ушачев, А.Ф. Серков, В.С. Чекалин, В.И. Тарасов, Н.Д. Аварский, Л.В. Бондаренко // АПК: экономика, управление. - 2024. - №9. - С. 3-12.
11. Золаев, Э. А. Экономическая безопасность государства: понятие и угрозы цифровизации / Э. А. Золаев // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 571-582. – DOI 10.18334/ecsec.5.2.114826
12. Как подобрать «ключ» к экономике в 2026 году / <https://expert.ru/mnenie/kak-podobrat-klyuch-k-ekonomike-v-2026-godu>
13. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире 2021 [Электронный ресурс]/ Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. – URL.: <https://www.fao.org/documents/card/ru/c/cb4474ru>(Дата обращения: 02.02.2026)
14. Столярова А.Н., Шамрай-Курбатова Л.В., Дарелина О.В., Чумакова Е.А. Угрозы экономической безопасности региона //Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 10. С. 3923-3940.
15. Столярова А.Н., Шамрай-Курбатова Л.В., Дарелина О.В., Чумакова Е.А. Продовольственная безопасность как элемент национальной безопасности страны // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10. № 2. С. 219-236.
16. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]/ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Дата обращения: 02.02.2026)
17. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. N 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]/ Справочно-правовая система «Гарант». – URL.: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (Дата обращения: 02.02.2026)
18. Ущерб от кибератак с начала 2025 года может достичь 1,5 трлн рублей /<https://bosfera.ru/press-release/ushcherb-ot-kiberatak-s-nachala-2025-goda-mozhet-dostich-15-trln-rublej>
19. Ущерб от преступлений в сфере ОПК в России в 2025 году превысил 8 млрд руб. /<https://www.interfax.ru/russia/1073620>

20. Ущерб от экономических преступлений в РФ превысил 266 млрд рублей в 2025 году / <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/11/19/1156275-uscherb-ot-ekonomicheskikh>
21. Ущерб от экономических преступлений вырос на 20% в 2025 году / <https://www.klerk.ru/buh/news/669295/>
22. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (Дата обращения: 02.02.2026)
23. Федеральная служба государственной статистики <https://volgastat.gks.ru/agriculture> (Дата обращения: 02.02.2026)
24. Центр экономики рынков. <https://research-center.ru/gynok-produktov-pitanija-v-rossii-v-2024-godu/> (Дата обращения: 02.02.2026)
25. Чернявская Е.Ю. Анализ продовольственной безопасности России в период санкционного воздействия // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 2 (12). С. 29-44.
26. Чумакова Е.А., Шамрай-Курбатова Л.В. Индикаторы и риски продовольственной безопасности // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2022. № 4 (48). С. 56-64.
27. Экономический ущерб от природных катастроф в мире сократился на 40% / [https://expert.ru/news/ekonomicheskij-ushcherb-ot-prirodnikh-katastrof-v-mire-sokratilsya-na-40.](https://expert.ru/news/ekonomicheskij-ushcherb-ot-prirodnikh-katastrof-v-mire-sokratilsya-na-40/)

1.4. СООТНОШЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В АСПЕКТЕ ОБЯЗАННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА

Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Поскольку в следующих разделах монографии речь пойдет о возмещении ущерба в частноправовой и публично-правовой сферах, то логично остановиться на вопросе о цели (целях) гражданского и уголовного законодательства в аспекте обязанности возмещения ущерба.

Идея о том, что возмещение ущерба является единой или общей целью гражданского и уголовного законодательства, не совсем корректна с юридической точки зрения. Правильнее рассуждать о в определенной мере смежных («восстановление справедливости»), но все же принципиально разных целях, которые могут пересекаться в рамках защиты прав одного потерпевшего, поскольку обе указанные отрасли права в конечном счете служат защите прав человека и стабильности в обществе, но делают это разными методами и с разными акцентами. Как в гражданском, так и в уголовном праве термин «потерпевший» означает лицо, которому причинен вред, но его правовой статус, роль в процессе и последствия для причинителя вреда кардинально отличаются.

Возмещение ущерба не является единой целью гражданского и уголовного законодательства, поскольку возмещение осуществляется в рамках разных видов юридической ответственности, преследующие разные цели.

Потерпевший в гражданском праве - сторона обязательства (кредитор), чьему имущественному или неимущественному субъективному праву причинен вред гражданским правонарушением вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательства. Его правовой статус определяется правами и правовыми средствами, доступными для защиты своих нарушенных прав и законных интересов, процессуальный статус - сторона в гражданском процессе (истец), является фигурой частного процесса. В соответствии с принципом диспозитивности дело возбуждается только по заявлению (иску) самого потерпевшего. Бремя доказывания факта нарушения и размера убытков лежит на самом потерпевшем.

Представляется логичной сложившаяся научная позиция, в соответствии с которой основной функцией гражданского права выступает регулятивная, а – гражданско-правовой ответственности – восстановительная функция (компенсаторно-восстановительная). Главной целью анализируемого вида юридической ответственности является именно восстановление первоначального имущественного положения потерпевшего, компенсация нарушенного в его личной неимущественной сфере за счет имущества правонарушителя или лица, ответственного за

правонарушение другого. Возмещение ущерба — это основной способ защиты права и суть ответственности (ст. 12, 15 ГК РФ). Без ущерба, как правило, нет и гражданско-правовой ответственности в ее классическом виде. Возмещение ущерба - универсальная форма гражданско-правовой ответственности (ст. 393 ГК РФ).

А отрицательные последствия для должника (правонарушителя) — это вторичное. И не имеет юридического значения, кто выступает в качестве кредитора (физическое, юридическое лицо или, учитывая правило п. 2 ст. 124 ГК РФ, публично-правовое образование). В обоснование факта нетождественности категорий, с одной стороны, «ответственность за нарушение обязательств», «ответственность вследствие причинения вреда» и, с другой стороны, «наказание» следует привести также следующие аргументы. Известно, что в гражданском праве предусмотрены случаи так называемой безвиновной ответственности (п. 3 ст. 401, ч.1 ст. 1067 ГК РФ и др.), а также разграничения фигур правонарушителя и ответчика (п. 2 ст. 1074, ст. 1079 ГК РФ и др.). Разумеется, некорректно говорить о каре лиц, невиновных и (или) не нарушавших закон; устанавливая такие правила, законодатель преследовал иные цели.

Наказывая за преступление или административный проступок, суд учитывает форму вины правонарушителя (умысел или неосторожность). А для привлечения к гражданско-правовой ответственности индивидуальные качества должника, в частности его психическое отношение к своему поведению, не имеют юридического значения, кроме тех редких случаев, которые предусмотрены законом (например, п. 4 ст. 401, ст. 169, п. 3 ст. 1083, п. 2 ст. 1104 ГК РФ).

Таким образом, гражданско-правовая ответственность, как правило, не является наказанием. И.А. Покровский, анализируя обязательства из правонарушений, отмечал, что карательная функция названных обязательств исторически перешла в сферу уголовно-правового регулирования, оставив для гражданского права задачу организации возмещения причиненного вреда [1, с. 276]. Он же применительно к деликтным обязательствам справедливо сформулировал следующий вывод: «Конечно, необходимость возместить вред будет всегда субъективно ощущаться правонарушителем как некоторая кара для него, но нельзя это субъективное ощущение смешивать с истинной, объективной задачей гражданско-правового института возмещения вреда» [1, с. 276].

Гражданско-правовую ответственность можно рассматривать в качестве наказания (в изъятие из общего правила о ее правовой природе) только в том случае, если отрицательные последствия для должника (правонарушителя) превышают те выгоды, которые он получил вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей. Это может, в частности, иметь место при установлении ответственности в форме так называемой штрафной неустойки [3, с. 262-266], когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки (ч. 2 п. 1 ст. 394 ГК РФ), а именно, как следствие несвоевременного возврата арендованного имущества (часть третья ст. 622 ГК РФ), нарушения прав потребителей (п. 2 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей») и т.д. Другой пример: правило о возмещении абстрактных убытков при нарушении должником договора, которое повлекло его досрочное прекращение (п. 2 ст. 393¹ ГК РФ, п. 3 ст. 524 ГК РФ). Следующая иллюстрация ответственности-кары: в случае принятия вклада от гражданина лицом, не имеющим на это права, или с нарушением порядка, установленного законом или принятыми в соответствии с ним банковскими правилами, вкладчик может потребовать, наряду с немедленным возвратом суммы вклада, уплаты на нее процентов по правилам ст. 395 ГК РФ и возмещения кумулятивно взыскиваемых всех причиненных вкладчику убытков, то есть сверх суммы процентов (часть первая п. 2 ст. 835 ГК РФ).

Таким образом, в гражданских отношениях в исключительных случаях отечественное право допускает имущественное взыскание, имеющее штрафную (карательную) природу. Однако, предусматривать такую санкцию следует прежде всего для ситуаций, когда одновременно существует реальная угроза не только правам и законным интересам конкретных участников гражданских правоотношений, но и публичным интересам.

В целом же возмещение ущерба в гражданско-правовом аспекте - это центральная и самодостаточная цель.

В уголовном праве потерпевший - физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Уголовно-процессуальное понятие «потерпевший» формально определено в российском законодательстве (ст. 42 УПК РФ). Его процессуальный статус - участник уголовного судопроизводства со своими

правами и обязанностями, фигура публичного процесса. Дело возбуждается органом власти (следователем, дознавателем) независимо от желания потерпевшего (принцип публичности). Заявление потерпевшего часто необходимо, но дальнейшее ведение дела — обязанность государства. Согласно ст. 14 УПК РФ бремя доказывания вины обвиняемого возлагается на сторону обвинения (дознавателя, следователя, прокурора), потерпевший участвует в доказывании, но не несет основного бремени.

Главной целью уголовной ответственности является защита общества от преступных посягательств (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ) через наказание виновного, его исправление и предупреждение новых преступлений. Это отношения между государством и преступником в интересах общества, государства. Возмещение ущерба в уголовном процессе — это инструмент, который служит вспомогательной цели и заимствован из гражданского права для более эффективной защиты жертвы преступления. Характер ответственности: публично-правовой, карательный. Основные функции: карательная (наказать виновного), превентивная (предупредить новые преступления), исправительная.

В уголовном праве возмещение ущерба (заглаживание вреда) — это: смягчающее обстоятельство при назначении наказания (п. "к" ч. 1 ст. 61 УК РФ); основание для освобождения от уголовной ответственности в некоторых случаях (например, по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести - ст. 76 УК РФ).

элемент воспитательного и исправительного воздействия на преступника;

способ защиты прав потерпевшего, который уголовный процесс пытается решить в рамках одного дела для удобства и эффективности.

Таким образом, в уголовном праве возмещение ущерба — не цель, а средство, которое способствует достижению целей наказания (например, исправление преступника) и одновременно решает задачу защиты прав потерпевшего. Почему возникает идея о «единой цели» гражданского и уголовного законодательства в аспекте возмещения ущерба? Она есть следствие практического взаимодействия двух отраслей в случае совершения преступления, которое одновременно является гражданским правонарушением (деликтом).

Наиболее характерный пример: преступления против собственности (глава 21 УК РФ). Так, государство привлекает тайного похитителя чужого имущества к уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ («Кража»), чтобы наказать его (виды предусмотренных Законом наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест, лишение свободы) и защитить общественный порядок. А в гражданско-правовом аспекте потерпевший - собственник украденного имущества имеет право на возмещение преступником ущерба в размере стоимости украденного имущества. Аналогичные примеры можно привести по применению положений главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

Потерпевший вправе:

- подать гражданский иск в рамках уголовного дела. Суд, рассматривая уголовное дело, одновременно разрешает и гражданско-правовой спор о возмещении причиненного ущерба [2];
- подать отдельный иск в гражданском судопроизводстве после завершения уголовного дела.

Таким образом, уголовное право использует гражданско-правовую цель возмещения ущерба для возможного смягчения наказания (ст. 61 УК РФ), освобождения от уголовной ответственности (ст. 76, 76.1, 76.2 УК РФ) и удовлетворения имущественных интересов потерпевшего. Это важный, но вспомогательный инструмент, который служит целям защиты прав потерпевшего, исправления преступника и оптимизации правосудия.

Кроме того, в аспекте взаимодействия указанных отраслей в отношениях, вытекающих из причинения ущерба, необходимо упомянуть реализацию гражданским законодательством функции по предупреждению возможных преступлений путем включения в Закон императивных правил, например:

конкретизация принципа добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 3 и 4 ст. 1, п. 3 ст. 307 ГК РФ);

норма п. 3 ст. 37 ГК РФ, запрещающая опекуну, попечителю, их супругам и близким родственникам совершать сделки с подопечным, за исключением передачи имущества

подопечному в качестве дара или в безвозмездное пользование, а также представлять подопечного при заключении сделок или ведении судебных дел между подопечным и супругом опекуна или попечителя и их близкими родственниками;

возложение ответственности на лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица за причинение убытков организации своими виновными действиями (ст. 53.1 ГК РФ);

норма пп.8 п.2 ст. 235 ГК РФ, предусматривающая обращение в судебном порядке в доход государства имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы.

Список использованных источников

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М: Статут, 1998.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. 2020. № 240, 23 октября.
3. Цветков С.Б. Штрафная неустойка: анализ теоретических подходов к оценке правовой природы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 4 (37). С. 262-266.

РАЗДЕЛ 2. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА

2.1. О КЛАССИФИКАЦИИ ОБЯЗАННОСТИ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ УЩЕРБА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ ВИНЫ

Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Обязанность по возмещению ущерба может быть классифицирована по различным основаниям. В частности, таковым является наличие или отсутствие вины его причинителя. Актуальность выделенного критерия классификации обусловлена тем, что законодатель в одних случаях предусмотрел вину в качестве обязательного условия возникновения обязанности по возмещению ущерба, в других - нет. Вместе с тем обе разновидности указанной обязанности закон именуется ответственностью.

Положение, при котором неблагоприятные последствия устанавливались для правонарушителя независимо от наличия его вины, было характерно для древнейшего права. В этом сказывался пережиток эпохи частной мести, при которой к правонарушению подходили с позиции потерпевшего. Юристы Древнего Рима признавали, что вред может быть вызван как виной, так и случаем (*dumnum aut culpa aut casu accidit*). Вместе с тем в связи с развитием товарно-денежных отношений и усложнением всей хозяйственной жизни в римском праве, отраженном в кодификации Юстиниана, наличие вины лица, совершившего деликт, стало необходимым условием ответственности.

В XIX веке этот же принцип был положен в основу гражданских кодексов: французского 1804 г. (параграфы 1382 и 1383 Кодекса Наполеона), австрийского 1811 г. («Общее гражданское уложение»), саксонского 1863 г. («Гражданское уложение для королевства саксонского»), итальянского 1865 г. («Гражданское уложение итальянского королевства»), германского 1896 г. («Германское гражданское уложение» - параграф 823) и других. Обоснование исключительности тезиса ответственности за вину осуществлялась под лозунгом защиты христианской цивилизации, в частности, идеи моральной вины. Законодательство царской России, подобно западноевропейским гражданским кодексам, также положило в основание деликтной ответственности виновность причинителя вреда (Свод Законов Гражданских, т. X, ч. 1, ст. ст. 644 и 647).

Однако по мере индустриализации и концентрации производства компенсационная функция гражданской ответственности не могла реализоваться в рамках, очерченных предпосылкой ответственности за вину. Первыми актами того времени, не связывающими возмещение вреда с виной конкретного причинителя, стали прусские законы: 1838 г. о железных дорогах и 1871 г. об ответственности железнодорожных управлений, горных заводов и фабрик за смертные случаи и повреждения (рабочим, пассажирам, сторонним людям) по случаю работ и при эксплуатации предприятия. За ними в экономически развитых странах последовали и иные акты (имеются в виду страны континентальной правовой системы, так как английское право в регулировании имущественного оборота длительное время вообще знало лишь безвиновную ответственность как гарантию должника перед кредитором на безусловное удовлетворение требований последнего [1, с. 195]). Следующим шагом отхода от исключительности принципа вины стало развитие социального законодательства и страхования. Начало этому этапу положил французский закон от 9 апреля 1898 г. об ответственности предпринимателей за вред, понесенный работниками при исполнении служебных обязанностей.

В советском гражданском праве общим основанием ответственности за причиненный ущерб являлся факт виновного его причинения. Однако, законом предусматривались исключения из этого правила (ст. ст. 404 и 406 ГК РСФСР 1922 г., ст. 132 Кодекса торгового мореплавания СССР, ст. 78 Воздушного кодекса СССР, ст. 90 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г., ст. 454 ГК РСФСР 1964 г.).

В этот период именно вокруг правовой природы обязанности возместить ущерб в независимости от наличия или отсутствия вины развернулась полемика юристов. Часть из них

(например, Е. А. Флейшиц, К. К. Яичков) ставила ее в один ряд с ответственностью за вину как две равноправные категории (теория двух начал ответственности). Другие авторы (В. Г. Ведерников, М. В. Гордон, С. В. Занковская, О. С. Иоффе, Г. К. Матвеев, О. Э. Лейст, И. С. Самощенко, В. Т. Смирнов, М. Х. Фарукшин) рассматривали безвиновное возмещение ущерба в качестве исключения из общего правила. М. М. Агарков, В. К. Райхер и Т. С. Хаскина утверждали, что это по существу ответственность за вину. Четвертая позиция (О. А. Красавчиков, Я. М. Магазинер, Н.С.Малеин): в таком возмещении усматривается принятие должником на себя риска за последствия своей деятельности, то есть несение предусмотренной законом обязанности возместить убытки, которые могут наступить в силу случайных обстоятельств. В определенной мере синтез двух последних из приведенных взглядов представляет собой теория, выдвинутая В. А. Ойгензихтом и поддержанная С. Н. Братусем: существует второе субъективное условие ответственности (наряду с виной) - риск, проявляющийся при возмещении невиновного причиненного ущерба. И, наконец, мнение (Н. Г. Александров, В. А. Рахмилович), что соответствующие нормы устанавливают не ответственность, а особый вид страхования.

Как известно, современное отечественное законодательство предусматривает как ответственность, основанную на принципе вины, так и обязанность возместить ущерб, когда вина причинителя не устанавливается (ст. 1070, 1079, 1095 ГК).

Обязанность по возмещению ущерба, не основанная на принципе вины, обозначается разными терминами. Чаще всего ее именуют объективной или безвиновной ответственностью. Однако, как ответственность за вину не является чисто субъективной, так и при возложении так называемой объективной ответственности принимают во внимание некоторые субъективные моменты, например, вину потерпевшего. Не нашли широкого применения термины: «повышенная ответственность», «независимо от вины», «за результат», «за сам результат».

Что позволяет в одних ситуациях признать, а в других - не признать обязанность по возмещению вреда ответственностью? Подобным критерием является противоправность. Вина и противоправность поведения - это хотя и два различных условия ответственности, но понятия, как правило, сопутствующие друг другу, и рассматривать их необходимо в сочетании. Вопрос о вине может стоять лишь при противоправном деянии. В большинстве случаев в противоправном поведении усматривается вина правонарушителя, и можно говорить о его ответственности за содеянное. Реже встречаются ситуации невиновного причинения ущерба. Согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Но закон предусматривает возмещение и при отсутствии вины причинителя вреда. В таком случае противоправность перестает быть необходимым условием возложения обязанности возмещения вреда. А возмещение ущерба, по мнению автора, представляет собой не ответственность его причинителя (хотя по своей внешней форме и напоминает ее), а особую форму восстановления имущественного положения потерпевшего. Таковым, например, является возмещение ущерба, причиненного правомерными действиями (ст. 16.1, п. 3 ст. 1064 ГК). Следовательно, ответственность наступает только за виновное противоправное деяние.

Учитывая изложенное, предлагается следующая классификация гражданско-правовой обязанности возмещения ущерба в зависимости от наличия или отсутствия вины его причинителя:

- 1) ответственность за виновное деяние;
- 2) предусмотренная законом обязанность возмещения ущерба независимо от наличия либо отсутствия вины его причинителя.

Данная классификация имеет и практическое значение при осуществлении права лицом, возместившим ущерб, обратного требования к лицу, его причинившему. Ответственность предполагает возможность регресса к правонарушителю. Напротив, обязанность возмещения вреда, причиненного невиновным деянием, не предполагает возможности регресса к непосредственному причинителю ущерба.

Список использованных источников

1. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Юридическая литература, 1976. – 216 с.
2. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юридическая литература, 1966. – 200 с.

3. Новицкий И. Б. Римское право: учебник для вузов / И. Б. Новицкий. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 298 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-00474-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/559674> (дата обращения: 19.02.2026).

4. Смирнов В. Т., Собчак А. А. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. — 152 с.

5. Цветков С.Б. Ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. — 203 с.

2.2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО УЩЕРБА

Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Концепция запрета злоупотребления правом является актуальным философско-правовым началом, ограничивающим абсолютность права и направляющий его на достижение справедливости. Это фундаментальная межотраслевая категория, пронизывающая всю российскую правовую систему.

По убедительному заключению Конституционного Суда РФ, запрет злоупотребления правом в любых формах базируется на общеправовом принципе: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (часть 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации) [5]. Концентрированно Верховный Суд РФ сформулировал свою позицию в формуле: «Злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность» [6].

Наиболее детально указанная категория разработана в науке гражданского права. Общеизвестным является универсальное в правовом аспекте определение злоупотребления правом, сформулированное В.П. Грибановым, как особого типа гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [1]. То есть имеет место ситуация, когда лицо использует свое субъективное право («законность действия») недобросовестно, вопреки его назначению, причиняя вред другим лицам или общественным интересам («противоправности его результата»).

В гражданском праве многих стран (включая Россию) злоупотребление правом признается правонарушением и может повлечь отказ в защите такого права и даже обязанность возместить причиненный ущерб.

Как известно, ст. 10 Гражданского кодекса (далее - ГК РФ) прямо запрещает злоупотребление правом и определяет его основные критерии:

осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана),

действия в обход закона с противоправной целью, но без прямого указания на нарушение конкретной нормы),

иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (например, нарушение общих принципов права, создание препятствий контрагенту без разумных оснований; нарушение баланса интересов сторон обязательства; их использование в целях ограничения конкуренции; злоупотребление доминирующим положением на рынке).

В произведении Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» описан случай шиканы, когда после ссоры главных героев один из них «выстроил прямо, где обычно был перелаз через плетень, гусиный хлев, как будто с особенным намерением усугубить оскорбление».

ГК РФ, наряду со ст. 10, устанавливает запрет на злоупотребление правом в следующих нормах:

недопустимость использования имени другого физического лица или его псевдонима в своей деятельности способами, которые могут ввести в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также в других формах злоупотребление правом (п. 4 ст. 19 ГК РФ);

пристрастие гражданина к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, чем ставит свою семью в тяжелое материальное положение, является основанием для ограничения его судом в дееспособности (ст. 30 ГК РФ). При этом причиненный им вред возмещается самим делинквентом (ст. 1077 ГК РФ);

злоупотребление представителем своими полномочиями, равно как и возникновение обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что данное злоупотребление может произойти, является основанием для отмены безотзывной доверенности (п. 1 ст. 188.1 ГК РФ);

допустимость судебной защиты (как исключение из общего правила) по требованиям, связанным с организацией игр и пари или с участием в них, лиц, принявших участие под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари (п. 1 ст. 1062 ГК РФ);

предоставление правовой охраны товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным полностью или частично в течение всего срока действия правовой охраны, если действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией (п. 2 ст. 1512 ГК РФ).

Очевидно, можно привести другие типичные примеры из современной жизни злоупотребления правами в гражданско-правовой сфере.

Например, часто возникают споры о злоупотреблении правом в арендных отношениях. Так, в определенных случаях односторонний отказ арендодателя от договора аренды, заключенного на неопределенный срок, может квалифицироваться как злоупотребление правом. Поскольку право на такой отказ предоставлено арендодателю статьей 610 ГК РФ без обязанности мотивировать принятое решение (а это может быть, например, желание прекратить длительный спор с арендатором о размере арендной платы), арендатору очень сложно доказать факт допущенного злоупотребления. В такой ситуации отказ арендодателя от договора бессрочной аренды – это его своеобразная санкция за то, что арендатор не принял условия о новой арендной ставке. Либо ему нужно подтвердить, что такой отказ – это не борьба с арендатором, а действия собственника по наиболее эффективному использованию своего имущества.

Наиболее распространенные злоупотребления правом в арендных отношениях:

- помещение сдали в аренду, а потом потребовали платить за право прохода к зданию либо заезда автомобилей на территорию;
- завышение тарифов на обслуживание и навязывание своих провайдеров услуг;
- невозвращение арендного депозита;
- создание препятствий в пользовании помещением;
- уклонение от приемки объектов от арендатора с начислением платы за весь период такого уклонения;
- отказ арендодателя принимать свое имущество, если арендатор решил досрочно прекратить аренду;
- неосвобождение арендатором помещения по истечении срока договора аренды.

Проблема в том, что, по мнению управляющего партнера компании «Варшавский и партнеры» В. Варшавского, в любом таком случае само по себе право на подобный отказ не стоит считать чем-то необоснованным [3].

Другой пример злоупотребления правом: лицо использует любые формальные юридические возможности для уклонения от исполнения обязательств, тем самым причиняет ущерб контрагенту. Например, затягивает приемку работ, выполненных по договору подряда, подписание акта, предъявляя несущественные или надуманные замечания, используя в возражениях расплывчатые формулировки о несоответствии работ условиям договора, технической документации, передаче исполнительной документации и т. д. [2].

Вместе с тем не всегда то, что выдается за злоупотребление правом, таковым является, например, ситуация заключения мнимых сделок (ст. 170 ГК РФ). То, что мнимые сделки часто используются для обхода закона, в определенной степени сближает их со злоупотреблением правом. Но мнимая сделка — это сделка «для вида», лишённая реального намерения создать правовые последствия, в то время как злоупотребление правом предполагает использование реально существующего права с целью причинить ущерб. Мнимая сделка ничтожна сама по себе, так как отсутствует воля на сделку, а не правомерность ее использования.

Так, Гражданская коллегия Верховного Суда РФ указала, что нельзя признать сделку недействительной одновременно по двум основаниям: как мнимую и как совершенную при злоупотреблении правом, одно основание исключает другое. В деле суды признали договор уступки права требования к поставщику между ООО-покупателем и физическим лицом мнимым, при этом увидев в уступке злоупотребление правом: после нее менялась подсудность, а ответственность поставщика увеличивалась. Гражданская коллегия Верховного Суда РФ с этим не согласилась. Суд напомнил, что обязательное условие признания сделки мнимой — отсутствие у сторон намерения создать соответствующие правовые последствия. Однако нижестоящие инстанции указали, что у сторон была цель создать реальные правовые последствия сделок — переход права по договору поставки к физическому лицу для изменения подсудности спора и увеличения размера ответственности истца. Суды посчитали это злоупотреблением правом, но тем не менее признали оспариваемые сделки мнимыми как совершенные без цели создать соответствующие правовые последствия. Таким образом, решение суда о мнимости сделок содержит взаимоисключающие выводы, считает Верховный Суд РФ, который отправил дело на пересмотр в апелляционную инстанцию [4].

Вместе с тем проявления и аналоги категории злоупотребления права присутствуют и в правоотношениях другой отраслевой принадлежности: это явление может возникать в различных сферах, нарушая баланс интересов и причиняя ущерб отдельным лицам, обществу или государству.

Рассмотрим конкретные примеры из разных отраслей права.

В сфере трудовых отношений злоупотребить правом в состоянии обе стороны.

Чаще это делает работодатель:

использует положения ст. 72.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) о перемещении работника без его согласия при наличии признаков перевода на другую работу (особенно в ситуации нечетко прописанной в трудовом договоре трудовой функции);

опираясь на норму ст. 74 ТК РФ, инициирует изменение условий трудового договора, используя содержащуюся в ней «растяжимую» формулировку «причины, связанные с изменением организационных или технологических условий труда» с примерным перечнем;

злоупотребляет правом на увольнение работника (например, увольнение за неоднократное неисполнение работником, имеющим дисциплинарное взыскание, трудовых обязанностей, п. 5 части первой ст. 81 ТК РФ, последним проступком которого явилось опоздание на работу на несколько минут; увольнение за прогул, п. 6 пп. «а» части первой ст. 81 ТК РФ, при этом не учтен факт предыдущей продолжительной и безупречной работы у данного работодателя). Обычно в таких ситуациях реальная причина — личная неприязнь, а следствие – не только потеря работы, репутации, но и стресс работника,

В перечисленных случаях суд вправе восстановить работника и взыскать компенсацию за вынужденный прогул.

Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в п. 27 постановления от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснил, что при рассмотрении дел о восстановлении на работе следует иметь в виду, что при реализации гарантий, предоставляемых ТК РФ работникам в случае расторжения с ними трудового договора, должен соблюдаться общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, в том числе и со стороны работников. В частности, недопустимо сокрытие работником временной нетрудоспособности на время его увольнения с работы либо того обстоятельства, что он является членом профессионального союза или руководителем (его заместителем) выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, выборного коллегиального органа профсоюзной организации структурного подразделения организации (не ниже цехового и приравненного к нему), не освобожденным от основной работы, когда решение вопроса об

увольнении должно производиться с соблюдением процедуры учета мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации либо соответственно с предварительного согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа. При установлении судом факта злоупотребления работником правом суд может отказать в удовлетворении его иска о восстановлении на работе (изменив при этом по просьбе работника, уволенного в период временной нетрудоспособности, дату увольнения), поскольку в указанном случае работодатель не должен отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны работника [7].

Злоупотребление правом в рассматриваемой сфере может быть и со стороны иных субъектов. Например, профсоюз организует забастовку, требуя заведомо невыполнимых условий (например, повышения заработной платы в несколько раз, а не на величину инфляции или роста прожиточного минимума, минимального размера заработной платы), парализуя деятельность работодателя. Как результат, его убытки, нарушение заключенных им договоров. В такой ситуации суд может признать забастовку незаконной (ст. 413 ТК РФ).

В корпоративных отношениях имеют место случаи злоупотребления правами, когда миноритарные акционеры голосуют на общем собрании акционерного общества против всех предложений совета директоров (наблюдательного совета) с целью вынудить корпорацию выкупить их акции по завышенной цене. Как следствие, паралич управления, убытки юридического лица.

Примеры злоупотребления правами с причинением ущерба можно найти и в публичных правоотношениях.

Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) предусматривает ряд составов, в основании которых лежит факт злоупотребления:

статья 108 УК РФ предусматривает ответственность за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: гражданин, защищаясь от хулигана, наносит ему смертельные травмы, хотя угроза уже миновала. В результате неоправданное лишение жизни;

мошенничество - хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ);

причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, совершенное в крупном размере (ст. 165 УК РФ), то есть при совершении этого преступления не происходит изъятия имущества, но у потерпевшего возникает ущерб или он не получает причитающуюся ему выгоду;

злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое использует свои полномочия вопреки законным интересам организации, если это повлекло существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства (ст. 201 УК РФ);

злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ);

злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства (ст. 202 УК РФ);

злоупотребление должностными полномочиями, выразившееся в использовании своих властных прав во вред интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ст. 285 УК РФ): коррумпированное должностное лицо вымогает взятку под видом «необходимых платежей», результат: нарушение прав граждан и (или) коммерческой организации;

злоупотребление правом на уголовное преследование: ст. 299 УК РФ предусматривает ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или

незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ). Данная статья наказывает должностных лиц за злоупотребление служебным положением.

Если говорить об административных проступках как следствиях злоупотребления правом, то необходимо отметить:

причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния (ст. 7.27.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ);

злоупотребление свободой массовой информации: предусмотрена ответственность за распространение заведомо недостоверной информации, создающей помехи функционированию объектов жизнеобеспечения, а также за другие нарушения, связанные с распространением информации, включая скрытые вставки, пропаганду, распространение информации об экстремистских организациях без указания на запрет или ликвидацию, и незаконное распространение информации о пострадавших несовершеннолетних (ст. 13.15 КоАП РФ);

Нередки случаи злоупотребления процессуальными правами, например:

недобросовестное заявление неосновательного иска или спора относительно иска (ст. 99 ГПК РФ);

заявление необоснованных ходатайств (о приостановлении производства по делу, заявление необоснованных отводов и т.д.) с целью затянуть процесс или причинить убытки другой стороне;

представление недостоверных доказательств;

несвоевременное представление возражений или доказательств, уклонение от представления документов (пример: нарушение установленного претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора);

злоупотребление правом на обжалование;

иные действия, если они привели к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта.

Выделяют три основных критерия, по которым действие признается злоупотреблением:

1) субъективный критерий: осуществление права исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана) доказывается через установление умысла;

2) объективный критерий: формально правомерное действие выходит за пределы осуществления права, установленные законом; вред причиняется даже без прямого умысла;

3) наиболее часто применяемый критерий недобросовестности: действие признается заведомо недобросовестным (например, обход закона, создание неравного положения сторон).

Для установления факта злоупотребления правом суды анализируют:

субъективную сторону (наличие умысла или недобросовестности);

объективный вред (фактические убытки или нарушение прав других лиц);

несоразмерность поведения (например, явно неразумные действия).

Во всех случаях злоупотребления правом суды оценивают цели действий, разумность и наступившие последствия.

Последствия злоупотребления правом также носят межотраслевой характер.

Основное последствие предусмотрено п. 2 ст. 10 ГК РФ: суд может отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично. Например, отказать в иске об оспаривании сделок должника в рамках дела о несостоятельности (банкротстве), если такие действия направлены на причинение вреда кредиторам или создание необоснованных препятствий для их требований.

Другим последствием является обязанность возмещения убытков, включая реальный ущерб и упущенную выгоду, как универсальная мера гражданско-правовой ответственности, если злоупотребление причинило ущерб другой стороне (ст. 393, 1064 ГК РФ).

Кроме того, в зависимости от характера злоупотребления правом (правовой природы нарушенного права) могут применяться:

признание сделки недействительной с возложением обязанности возместить ущерб, например, если право осуществлялось через заключение сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ) или притворной сделки (ст. 170 ГК РФ);

процессуальные санкции (часть 2 ст. 41 АПК РФ гласит, что злоупотребление процессуальными правами влечет за собой неблагоприятные последствия для лиц, участвующих в

деле): штрафы; отказ в удовлетворении ходатайства; взыскание компенсации за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК РФ), отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ), и т.д.;

меры дисциплинарной и материальной ответственности (соответственно ст. 192, 234-243 ТК РФ) в рамках трудовых отношений;

административная или даже уголовная ответственность при доказанности наличия соответствующих составов проступков или преступлений, предусмотренных Законом.

Список использованных источников

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. М.: Статут, 2001 (Классика российской цивилистики).

2. Заказчик уклоняется от приемки работ: как подрядчику защитить свои права [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/260516/> (дата обращения - 02.02.2026).

3. Малаховский А. ВС решал, что считать «злоупотреблением правом» в аренде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/206858/> (дата обращения - 02.02.2026).

4. Мнимость отделили от злоупотребления // Верховный суд не разрешил признавать сделку недействительной по двум основаниям сразу [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2021/11/02/mnimost_otdelili_ot_zloupotrebleniya_verhovnyj_sud_ne_razreshil_pri_znavat_sdelku_nedejstvitelnoj_po (дата обращения - 02.02.2026).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2011 № 8-О-П «По жалобе открытого акционерного общества "Нефтяная компания "Роснефть" на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона "Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: – 31.01.2026).

6. Определение Верховного Суда РФ от 03.02. 2015 по делу № 32-КГ14-17 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: – 31.01.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2006. № 297.

2.3. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ В ОЦЕНКЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Бутенко Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Егоров Геннадий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Волжского филиала Волгоградского государственного университета

Современное гражданское право переживает трансформацию, не имеющую аналогов в своей истории. Цифровизация не просто дополняет традиционные институты — она переопределяет само понимание доказывания, справедливости и ответственности. В центре этих изменений оказались механизмы установления и оценки вреда, где всё чаще ключевую роль играют не свидетельские показания или экспертные заключения, а данные, генерируемые автономными системами: телематикой, датчиками интернета вещей (IoT), автоматизированными программами оценки ущерба и моделями на основе искусственного интеллекта (ИИ). Эти технологии обещают беспрецедентную точность, скорость и стандартизацию расчётов, однако их внедрение сталкивается с серьёзным сопротивлением со стороны действующей правовой системы, сохраняющей приверженность бумажной парадигме и консервативным процессуальным нормам.

Суть возникающего противоречия заключается в том, что материальное право, выражая через принцип полного возмещения вреда (статьи 1084 и 1085 Гражданского кодекса Российской

Федерации — ГК РФ) [4] волю законодателя к максимальной компенсации убытков, не находит адекватного отражения в процессуальном регулировании. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ), особенно в его трактовке статьи 67, не обладает инструментами для работы с цифровыми доказательствами, которые по своей природе не имеют «оригинала» в физическом смысле, и чья достоверность должна подтверждаться не через форму, а через контроль, пригодность и целостность [5]. Вследствие этого стороны вынуждены прибегать к дорогостоящим и формальным процедурам нотариального удостоверения, что превращает легализацию из гарантии в барьер, особенно в массовых, низкосуммовых спорах.

Особенно остро проблема проявляется при использовании алгоритмических оценочных систем. Когда решение о размере компенсации принимается не человеком, а непрозрачной моделью ИИ, возникает эффект «чёрного ящика»: суд получает числовое значение, но не имеет доступа к логике, на основе которой оно было получено. Это подрывает базовые принципы гражданского процесса — состязательность и равенство сторон, поскольку одна сторона (обычно крупный бизнес) обладает полным контролем над оценочной системой, в то время как другая остаётся в информационном неравенстве. Невозможность проверить корректность алгоритма или выявить системную предвзятость в обучающих данных превращает справедливое возмещение в иллюзию.

На международной арене этот вызов уже получил системное правовое решение. Закон Европейского союза об искусственном интеллекте (EU AI Act), принятый в мае 2024 года, вводит риск-ориентированный подход, в соответствии с которым системы, влияющие на имущественные и неимущественные права граждан, должны быть отнесены к категории высокого риска [1]. Для них устанавливаются строгие требования: прозрачность, объяснимость, качество данных, возможность человеческого надзора и внешний аудит. Такой подход позволяет совместить инновации с правовыми гарантиями.

В рамках данной главы проводится разносторонний, системно-правовой анализ использования современных цифровых систем для оценки вреда в гражданском процессе Российской Федерации. Исследование охватывает нормативную базу, сложившуюся судебную практику, доктринальные подходы, международный опыт, а также практические кейсы из реальной юридической деятельности. Особое внимание уделяется выявлению правовых пробелов, коллизий между материальным и процессуальным правом, а также формулированию научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства. Анализ ориентирован на достижение баланса между технологическими преимуществами и защитой конституционных прав граждан на справедливое судебное разбирательство.

Цифровые технологии, всё глубже интегрируясь в гражданский оборот, не ограничиваются простой автоматизацией уже существующих правовых процедур — они активно трансформируют саму структуру юридических отношений, порождая новые вызовы и форматы правоприменения. Особенно ярко этот процесс проявляется в сфере возмещения вреда, где традиционное доминирование субъективных экспертных оценок постепенно уступает место объективизированным, но одновременно непрозрачным и потенциально предвзятым алгоритмическим решениям. В современных условиях цифровые системы выполняют три фундаментальные функции: во-первых, выступают в качестве первичного источника доказательств, фиксируя сам факт причинения вреда — сюда относятся, к примеру, видеозаписи с автомобильных регистраторов, данные с датчиков телематики, GPS-треки или логи мобильных приложений; во-вторых, такие системы используются для количественной оценки размера ущерба, что особенно распространено в страховом секторе, где программные комплексы автоматизированного расчёта ущерба (АРУ), такие как «АС «Эксперт-Авто» или аналогичные внутренние платформы крупных страховых компаний, производят расчёты на основе формализованных критериев; в-третьих, цифровые инструменты всё чаще применяются в качестве прогностических моделей, прогнозирующих упущенную выгоду, степень утраты профессиональной пригодности или долгосрочные последствия травм — подобные ИИ-системы уже внедрены в отдельные медицинские учреждения и корпоративные HR-платформы для оценки трудоспособности работников после несчастных случаев.

Каждая из перечисленных функций требует особого подхода к правовой квалификации. Однако действующая правовая система России по-прежнему воспринимает цифровые данные сквозь призму устаревших правовых конструкций, в первую очередь — как «документ» или «копию

документа», что не учитывает специфику их происхождения, динамичности и зависимости от алгоритмических решений. Подобный подход делает невозможным адекватную оценку доказательственной силы таких данных и препятствует обеспечению справедливого возмещения вреда.

Принцип полного возмещения вреда, закреплённый в статьях 1084 и 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], предполагает восстановление потерпевшего в то имущественное положение, которое существовало бы при отсутствии причинённого правонарушения. Реализация данного принципа требует не только арифметической точности при подсчёте убытков, но и методологической обоснованности применяемых расчётных моделей. В условиях, когда оценку производит алгоритм, её надёжность и справедливость зависят от трёх критически важных компонентов: во-первых, от полноты и релевантности исходных данных, используемых для расчёта; во-вторых, от отсутствия системной предвзятости в обучающих наборах, на основе которых функционируют модели машинного обучения; в-третьих, от логической прозрачности и обоснованности самой архитектуры модели. Если хотя бы один из этих компонентов нарушается, алгоритм не обеспечивает справедливую компенсацию, а, напротив, создаёт иллюзию объективности, маскируя под цифровой точностью недостаточное или искажённое возмещение.

Практические подтверждения подобных рисков неоднократно фиксировались независимыми экспертами и общественными организациями. Так, в рамках анализа работы автоматизированных систем расчёта ущерба по обязательному страхованию автогражданской ответственности (ОСАГО) было выявлено систематическое занижение сумм компенсации. Одной из причин могло быть использование в расчётных моделях усреднённых цен на запчасти и ремонтные работы, не учитывающих реальных рыночных условий в конкретных регионах, сложности повреждений или индивидуальных характеристик транспортного средства [7].

Подобные искажения не только нарушают нормы материального права, но и вступают в противоречие с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, закреплённым в статье 19 Конституции Российской Федерации [10]. Действительно, если одни категории граждан получают заниженную компенсацию исключительно по причине применения закрытых, непрозрачных и потенциально дискриминационных алгоритмов, это создаёт неоправданное неравенство в доступе к справедливому правосудию и эффективной защите нарушенных прав.

Процессуальное законодательство Российской Федерации, в частности Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ), не предусматривает специальных норм, позволяющих суду проводить содержательную оценку внутренних характеристик цифровых систем, из которых поступают доказательства. Статья 67 ГПК РФ формально декларирует необходимость всесторонней, полной, объективной и непосредственной оценки доказательств, однако на практике эта норма оказывается недостаточной в контексте цифровой среды. В отсутствие чётких критериев допустимости электронных доказательств судебные органы прибегают к упрощённому, формальному подходу: принимаются лишь те материалы, которые сопровождаются нотариальным протоколом осмотра или заверены квалифицированной электронной подписью (КЭП). Такой подход не учитывает сущность самого цифрового доказательства — он направлен исключительно на проверку внешней формы, а не на анализ внутренней надёжности источника.

Вследствие этого, даже высококачественные электронные данные — например, лог-файлы корпоративной ERP-системы, содержащие детальную хронологию операций, или показания умных устройств из экосистемы «Интернета вещей» (IoT), защищённые цифровыми подписями и зашифрованные каналы передачи, — приравниваются к простым скриншотам без подтверждающих метаданных. Подобное уравнивание искажает логику доказывания, превращая оценку доказательств в формальную процедуру подтверждения формы, а не достоверности содержания. Например, в одном из дел Центрального районного суда г. Воронежа (2-3051/2017) истец представил скрины учётной системы SAP, подтверждённые внутренней цифровой меткой, однако суд отказался их принять без нотариального удостоверения, несмотря на технические данные, свидетельствующие о неизменности информации [15].

Между тем, нотариальное обеспечение, предусмотренное статьёй 103.8 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате», превратилось в фактически обязательный этап легитимации любых цифровых свидетельств [12]. Нотариус может зафиксировать содержание

веб-страницы, переписку в Telegram или WhatsApp (ограниченных к использованию в РФ) и системе МАХ, результаты расчётов в специализированном ПО, оформив протокол осмотра, который впоследствии признаётся судом в качестве достоверного. Однако этот механизм не решает основную проблему: он подтверждает лишь факт наличия определённой информации на момент фиксации, но не проверяет ни корректность её генерации, ни надёжность алгоритмов обработки. Как ряд практиков, подобная практика не защищает от подделки на этапе формирования данных, а лишь «консервирует» уже существующее состояние [8].

Кроме того, нотариальные услуги связаны со значительными финансовыми затратами. Средняя стоимость протокола осмотра цифровой информации варьируется от 3 до 7 тысяч рублей, что делает данный путь недоступным для большинства физических лиц, особенно в делах с невысокой суммой иска — например, при спорах с онлайн-магазинами, в сфере ЖКХ или в трудовых конфликтах. Это противоречит конституционному принципу доступности правосудия, закреплённому в статье 46 Конституции Российской Федерации, а также нарушает положения статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [9], гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство, включая доступ к доказательственной базе без неоправданных барьеров.

Научное сообщество уже давно указывает на дисбаланс в текущей модели оценки цифровых доказательств. Так, исследователи Э.Х. Губайдуллина, Г.А. Морозова в своих работах подчёркивают необходимость перехода от формального к субстантивному подходу — то есть к оценке не внешнего оформления доказательства, а его внутренних свойств: целостности данных, надёжности канала передачи, возможности идентификации источника и устойчивости к несанкционированному изменению [6]. Практическая реализация этих критериев возможна при использовании современных криптографических инструментов. Хэширование, например, позволяет создавать уникальный цифровой «отпечаток» файла, который гарантирует его неизменность в будущем — как это демонстрирует технология блокчейн-фиксации доказательств. Механизмы временной привязки (timestamping) подтверждают момент возникновения или изменения данных, а усиленная электронная подпись (УЭП), в отличие от КЭП, может быть реализована без участия удостоверяющего центра и всё же обеспечивать надлежащий уровень доверия.

Несмотря на техническую зрелость этих решений, процессуальное законодательство до сих пор не признаёт их в качестве самостоятельных критериев допустимости доказательств. Суды сохраняют усмотрение в вопросе принятия подобных материалов, что порождает правовую неопределённость и неравномерную судебную практику. В одних регионах, таких как Санкт-Петербург, суды всё чаще принимают хэш-суммы и данные из защищённых журналов событий как доказательства, в то время как в других субъектах такие материалы отклоняются без дополнительного нотариального подтверждения. Подобная фрагментарность подрывает единообразие правоприменения и требует законодательного закрепления новых критериев оценки цифровых доказательств.

Наиболее острой и сложной в правовом контексте выступает проблематика применения искусственного интеллекта (ИИ) в качестве инструмента для принятия оценочных решений — особенно в тех сферах, где результаты напрямую влияют на права и законные интересы граждан. В подобных ситуациях традиционный вопрос о достоверности полученных данных трансформируется в гораздо более глубокую проблему: требуется не просто подтвердить числовую точность, но и понять, как именно система пришла к определённому выводу. В центре этой трансформации оказываются требования прозрачности и объяснимости (explainability), поскольку без возможности проследить логику работы алгоритма невозможно реализовать принципы справедливого судебного разбирательства и состязательности сторон.

Судебная практика уже фиксирует подобные конфликты. Зачастую истец оспаривает сумму, назначенную страховой компанией на ремонт транспортного средства после ДТП, утверждая, что расчёт был занижен. Однако суд вправе отказать в удовлетворении требований, зачастую указывая на то, что компания отказывается раскрыть используемую методологию, мотивировав это необходимостью защиты коммерческой тайны [13]. Российское законодательство, в отличие, например, от европейского, на тот момент не предоставляло суду полномочий принудительно требовать раскрытия алгоритмических деталей, даже если они напрямую влияют на правовой исход

дела. В итоге судебный орган оказался вынужден принять результаты автоматической оценки как не опровергнутые, несмотря на отсутствие возможности их проверить. Подобные прецеденты демонстрируют, как алгоритмическая непроницаемость может превращаться в юридический щит, позволяющий избегать ответственности, а принцип состязательности — в формальность, лишённую реального содержания.

Международное сообщество, сталкиваясь с аналогичными вызовами, выработало регуляторные подходы, основанные на оценке уровня риска, связанного с конкретным применением ИИ. Так, принятый в 2024 году Европейский закон об искусственном интеллекте (EU AI Act) прямо классифицирует системы, применяемые для «оценки и расчёта ущерба в страховых или компенсационных целях», как решения высокого риска [1]. Для таких систем установлен комплекс обязательных требований: во-первых, данные, на которых они обучаются и функционируют, обязаны быть «релевантными, представительными, безошибочными и полными»; во-вторых, каждая система должна сопровождаться технической документацией, позволяющей полностью проследить логику принятия решений; в-третьих, результаты алгоритмической оценки должны быть интерпретируемыми для конечного пользователя — в том числе для суда или пострадавшего лица. Важнейшим элементом регулирования выступает механизм человеческого надзора, согласно которому окончательное решение в спорной или сомнительной ситуации должно приниматься не машиной, а человеком, обладающим соответствующей квалификацией и полномочиями.

Подобный подход, сочетающий автоматизацию с сохранением человеческого контроля, предлагает устойчивый баланс между эффективностью технологий и защитой прав граждан. Его адаптация в российской правовой системе может стать ключом к преодолению существующего регуляторного вакуума.

Однако регулирование на уровне законодательства — лишь часть решения. Не менее важна модернизация судебно-экспертной базы. Современные споры, связанные с ИИ, всё чаще требуют привлечения специалистов, способных не только проверить подлинность цифровых файлов или логов, но и провести независимый аудит самой модели. Такой аудит должен охватывать критерии устойчивости (robustness), отсутствия системной предвзятости (bias), а также валидности — то есть соответствия модели заявленной цели и научным стандартам. На сегодняшний день в перечне судебных экспертиз, утверждённом Министерством юстиции Российской Федерации, отсутствуют специализированные направления, связанные с анализом алгоритмов машинного обучения или систем ИИ. Эксперты могут подтвердить, что файл не был изменён, но не в состоянии ответить на вопрос: «Справедливо ли решение, вынесенное на основе этого файла?».

Данный пробел создаёт опасный дисбаланс: технологии стремительно развиваются, а правосудие остаётся без инструментов для их оценки. Для устранения разрыва необходимо разработать стандартизированные методики судебной экспертизы цифровых оценочных систем, утвердить квалификационные требования к экспертам в области алгоритмического аудита и обеспечить им доступ к необходимым техническим средствам и исходным данным (с соблюдением режима конфиденциальности). Примером возможного пути служит инициатива Partnership on AI, которая в 2024 году опубликовала рекомендации по проведению «объяснимых» экспертиз ИИ в судебных процессах, включая требования к документированию и тестированию моделей [3]

Только комплексный подход — сочетающий прогрессивное законодательство, международные стандарты и модернизацию экспертной инфраструктуры — позволит российской правовой системе адекватно реагировать на вызовы, порождённые широким внедрением искусственного интеллекта в сферу оценки и принятия решений.

Практика, накопленная юридическими профессиональными сообществами, наглядно демонстрирует высокую актуальность затронутой проблемы. На специализированных онлайн-платформах, таких как портал Юрист.ру, участники регулярно делятся примерами, когда судебные органы отказываются приобщать к материалам дела скриншоты веб-страниц или переписки в мессенджерах, если они не заверены нотариально. Аналогично, возникают затруднения при попытках оспорить результаты, полученные с помощью автоматизированных расчётов — например, при определении суммы убытков с помощью алгоритмов страховых компаний или цифровых платформ по оценке ущерба. Подобные дискуссии, зафиксированные на форумах и в

комментариях к судебным решениям, подтверждают наличие системного пробела в регулировании электронных доказательств [14].

В аналитических публикациях и профессиональных блогах усиливаются призывы к нормативному урегулированию данной сферы. В частности, в научном журнале «Фемида. Наука» опубликовано исследование, в котором предлагается внести в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации отдельную главу, целиком посвящённую электронным доказательствам. Эта глава должна включать чёткое определение таких доказательств, устанавливать правила их представления в суд, а также формулировать критерии, по которым оценивается их достоверность и допустимость [16]. Подобные рекомендации находят отклик и в иных профессиональных кругах: Ассоциация юристов России неоднократно выступала с предложениями о модернизации процессуального законодательства, а рабочие группы при Министерстве юстиции РФ рассматривают возможность разработки норм, регулирующих использование цифровых данных в судебных спорах [11].

Проблема приобретает не только национальный, но и международный масштаб. Российские суды всё чаще сталкиваются с необходимостью использовать данные, размещённые на иностранных цифровых платформах — таких как Google Maps (для подтверждения места происшествия), Airbnb (для установления факта сдачи жилья в краткосрочную аренду) или Uber (для подтверждения маршрута и времени поездки). Однако эти сервисы, как правило, не предоставляют запрашиваемую информацию напрямую российским судам и не подчиняются требованиям российского процессуального права. Более того, их деятельность не регулируется российскими нормами о защите персональных данных, что затрудняет получение соответствующих сведений даже в рамках судебного запроса. В отсутствие двусторонних или многосторонних международных соглашений, признающих электронные доказательства, подобные ситуации создают дополнительные правовые барьеры для сторон процесса.

В этой связи представляет интерес европейский регуляторный опыт. Регламент Европейского Союза о доказательствах в электронной форме (e-Evidence Regulation), принятый в 2023 году, предусматривает механизм прямого взаимодействия судебных органов с иностранными поставщиками цифровых услуг. Согласно этому документу, суды стран-участниц могут направлять запросы на предоставление данных напрямую провайдером, минуя длительные процедуры правовой помощи. Подобный подход значительно ускоряет сбор доказательств и повышает эффективность правосудия в цифровой среде [2].

Следовательно, внедрение цифровых систем в процесс оценки вреда, будь то при рассмотрении гражданских исков или административных дел, требует многоуровневого подхода. На процессуальном уровне необходимо адаптировать Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации к реалиям цифровой экономики — в том числе за счёт введения чётких правил работы с электронными доказательствами. На специальном уровне требуется разработка отдельного законодательства, регулирующего использование искусственного интеллекта и автоматизированных систем в правоприменении, включая прозрачность алгоритмов и возможность их независимой проверки. Наконец, на институциональном уровне необходимо усиливать потенциал экспертных и нотариальных структур — обучать специалистов работе с цифровыми данными, развивать квалифицированную судебную экспертизу в сфере информационных технологий и расширять возможности нотариального заверения электронных материалов.

Без комплексных мер цифровизация судебной системы рискует не повысить, а, напротив, снизить её эффективность, породив новые формы правового неравенства. В частности, лица без технических ресурсов или знаний могут оказаться в заведомо менее выгодном положении при представлении доказательств. Только путём сбалансированной гармонизации технологических инноваций и правовых норм возможно достичь реализации конституционного принципа справедливого судебного разбирательства в условиях цифровой эпохи.

Проведённое исследование выявляет глубокое несоответствие между материальными и процессуальными нормами российского права в условиях цифровой трансформации. С одной стороны, гражданское законодательство нацелено на полное и справедливое возмещение убытков, требуя от судов тщательного установления размера ущерба. С другой — процессуальные инструменты, закреплённые в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ГПК РФ), не

адаптированы к особенностям цифровых доказательств, несмотря на их возрастающую роль в судебной практике.

Цифровые данные, будучи зачастую более объективными и детализированными по сравнению с традиционными источниками информации (например, логи серверов, метаданные изображений, транзакции в блокчейне), регулярно подвергаются сомнению в судах. Причина — отсутствие специальных норм, учитывающих специфику их происхождения, хранения и передачи.

Особенно остро эта проблема проявляется при применении статьи 67 ГПК РФ, которая регулирует оценку доказательств. Консервативное толкование этой нормы практикующими судами приводит к тому, что нотариальное удостоверение электронных сведений (например, скриншотов веб-страниц) воспринимается как обязательное условие их допустимости. Такой подход не только создаёт избыточные издержки для сторон (стоимость нотариальных услуг может достигать десятков тысяч рублей), но и серьёзно ограничивает доступ к правосудию, особенно для физических лиц и малого бизнеса.

Ещё более тревожной представляется тенденция использования алгоритмических систем оценки ущерба без обеспечения прозрачности их логики. Примером может служить применение автоматизированных сервисов по оценке рыночной стоимости недвижимости или утраченной прибыли в коммерческих спорах. Если суд не получает объяснения, как именно алгоритм пришёл к своему выводу — какие переменные учитывались, как строилась модель, какие данные были исходными — он не может выполнить свою конституционную функцию, закреплённую в статье 118 Конституции РФ: установить объективную истину по делу. В такой ситуации суд либо слепо принимает вывод системы, что нарушает принципы состязательности и равенства сторон, либо отвергает доказательство целиком, что ведёт к недостаточному восстановлению нарушенного права.

Международная практика предлагает конструктивные решения этой дилеммы. В частности, Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (EU AI Act), принятый в марте 2024 года, вводит риск-ориентированную модель регулирования. Согласно документу, системы, используемые в правоприменении и оценке ущерба, классифицируются как «высокорисковые» и подлежат строгим требованиям: обеспечение прозрачности, возможность объяснения решений (так называемый «право на объяснение»), аудит и человеческий надзор. Внедрение аналогичного подхода в российское законодательство позволило бы совместить преимущества цифровых технологий с гарантиями справедливого судебного разбирательства.

Для достижения этой цели необходим комплекс мер:

1. Совершенствование ГПК РФ — требуется ввести в кодекс самостоятельное понятие «электронное доказательство», отделённое от традиционных форм (документов, показаний и т.п.). Критерии допустимости таких доказательств должны основываться не на их форме (например, наличии нотариального удостоверения), а на свойствах: проверяемости происхождения, неизменности данных и возможности независимой верификации.

2. Принятие специального законодательства об ИИ — необходим отдельный нормативный акт, регулирующий применение искусственного интеллекта в гражданском обороте. В нём следует прямо закрепить, что алгоритмические системы, участвующие в оценке ущерба или имущественных прав, относятся к высокорисковым, а их использование должно сопровождаться обязательным предоставлением объяснимого отчёта о работе модели.

3. Реформа судебной экспертизы — требуется расширить перечень экспертных специальностей, добавив направление «исследование алгоритмов и искусственного интеллекта». Это позволит судам привлекать квалифицированных специалистов для анализа логики и корректности работы ИИ-систем.

4. Правовое признание криптографических методов — необходимо придать процессуальный статус таким технологиям, как хэширование, электронная подпись и блокчейн-фиксация. Например, использование хеш-функций SHA-256 для подтверждения неизменности цифрового файла должно рассматриваться как достаточное доказательство его целостности без дополнительных процедур.

Только через системную адаптацию процессуальных механизмов к реалиям цифровой эпохи можно достичь гармонии между стремлением к справедливому возмещению вреда и обеспечением гарантий правовой определённости. Без этого судебная система рискует утратить доверие граждан

и отстать от технологического прогресса, что подрывёт саму основу правового государства — справедливость в гражданском судопроизводстве.

Список использованных источников

1. AI Act // European Commission. дата обращения: 25.11.2025 url: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai>.
2. EUR-Lex - 52023AP0225-EN //EUR-Lex. дата обращения: 25.11.2025. url: eur-lex.europa.eu/eli/C/2024/499/oj/eng.
3. PAI brings together a diverse community to address important questions about our future with AI (электронный ресурс) // Partnership on AI. дата обращения: 25.11.2025. url: <https://partnershiponai.org/>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета, N 220, 20.11.2002.
6. Губайдуллина Э.Х., Морозова Г.А. Электронные документы в гражданском процессе: проблемы в способе и форме предоставления в суд // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-2 (43), 2020. С. 193-197.
7. Единая методика расчета ущерба ОСАГО (электронный ресурс) // Сравни. дата обращения: 25.11.2025. url: <https://www.sravni.ru/osago/info/edinaya-metodika-rascheta-osago/>
8. Использование скриншотов как доказательства в суде (электронная версия) // Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде ФГУП «ГРЧЦ», дата обращения: 25.11.2025. url: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/analysis-practice-ru/ispolzovanie-skrinshotov-kak-dokazatelstva-v-sude/>
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Бюллетень международных договоров, N 3, 2001.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
11. Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России» (электронный ресурс) // Сайт организации. дата обращения: 25.11.2025. url: alrf.ru/news.
12. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.11.2025) // Российская газета, N 49, 13.03.1993.
13. Оспаривание необоснованно заниженной суммы страховой выплаты (электронный ресурс) // Воронежский Юридический Центр "ЗаконЪ". Дата обращения: 25.11.2025 url: <https://centr-zakon.ru/poleznaya-informatsiya/155-osparivanie-neobosnovanno-zanizhennoj-summy-strakhovoj-vyplaty.html>
14. Портал Юристъ.ру (электронный ресурс) // ВКонтакте. Дата обращения: 25.11.2025. url: vk.com/jurist_ru.
15. Решение № 2-3051/2017 2-3051/2017~М-2495/2017 М-2495/2017 от 17 октября 2017 года по делу № 2-3051/2017 // Центральный районный суд г. Воронежа (Воронежская область). URL: [//sudact.ru/regular/doc/UvAjVs0KA4YJ/](http://sudact.ru/regular/doc/UvAjVs0KA4YJ/) (дата обращения: 25.11.2025).
16. Сетевое издание "Фемида. Science" (Фемида. Наука) (электронное издание) // Научная площадка для молодых исследователей "Фемида SCIENCE Старт". дата обращения: 25.11.2025. url: <https://femida-science.ru/>.

2.4. ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ В ХОДЕ ПЕРЕГОВОРОВ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ

Цветков Сергей Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Преддоговорная стадия заключения договора не всегда приводит к положительному результату. Согласно п. 1 ст. 434.1 ГК РФ участники переговоров (граждане и юридические лица) самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто.

Вопрос о возмещении убытков, причиненных в ходе переговоров о заключении договора, непосредственно связан с принципов добросовестности сторон при преддоговорных отношениях.

Как известно, п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ требуют, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. В соответствии с п. 5 ст. 10 ГК РФ предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно и само по себе прекращение переговоров без указания мотивов отказа не свидетельствует о недобросовестности соответствующей стороны (отсутствие презумпции вины, кроме случаев, указанных в пп. 1 и 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Поэтому именно на истце лежит бремя доказывания, во-первых, факта переговоров (переписка, протоколы, аудиозаписи), во-вторых, того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения убытков истцу, в-третьих, причинной связи между действиями ответчика и понесенными убытками.

Согласно п. 2 и 3 ст. 434.1 ГК РФ убытки могут быть взысканы, если:

- одна из сторон вела переговоры недобросовестно (например, вводила в заблуждение другую сторону, скрывала существенные факты, затягивала переговоры без намерения заключить договор, пыталась получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом),
- в результате таких действий другая сторона понесла реальные убытки (например, затраты на юристов, экспертизу, упущенную выгоду).

Так, истец, предъявив требование о взыскании ущерба, причиненного прекращением переговоров, указал на внезапное и неоправданное прекращение ответчиком переговоров о заключении договора поставки оборудования, необходимого истцу для исполнения государственного контракта. Арбитражный суд постановил удовлетворить требование, поскольку ответчиком, ранее сообщившим о готовности изготовить оборудование и направлявшим коммерческие предложения, допущено недобросовестное поведение в виде прекращения переговоров, при котором истец не мог разумно этого ожидать, размер убытков подтвержден [6].

По другому делу истец предъявил требование о взыскании убытков, возникших при проведении переговоров по заключению договора цессии. Истец полагал, что в результате недобросовестных действий ответчика, выразившихся в выходе из переговоров в момент получения денежных средств от истца в обеспечение оплаты прав требования задолженности, последнему причинены убытки в размере денежных средств (пени), выплаченных третьему лицу в счет исполнения обязательств по договору займа.

Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства в их совокупности и взаимной связи, руководствуясь положениями ст. 10, 15, 307, 434.1 ГК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», Арбитражный суд постановил требование удовлетворить, поскольку подтвержден факт несения истцом убытков, установлено наличие причинно-следственной связи между недобросовестными действиями ответчика при проведении переговоров и возникшими у истца убытками [7].

К отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы главы 59 ГК РФ с исключениями, установленными ст. 434.1 ГК РФ. Например, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный

недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (ст. 1068 ГК РФ). В случае, когда вред при проведении переговоров причинен несколькими контрагентами совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно (ст. 1080 ГК РФ) [1].

По мнению Н.В. Тололаевой и М.А. Церковникова, преддоговорная ответственность является специальным деликтом, выделенным по критерию «совершен в процессе переговоров». Квалификация преддоговорной ответственности в качестве договорной означала бы игнорирование критерия «воли» для применения норм договорного права. В то же время указанные авторы не без основания полагают, что возможна также квалификация преддоговорной ответственности как самостоятельного вида обязательств: не договорного и не деликтного, в таком случае к преддоговорной ответственности будут применяться только общие положения об обязательствах по правилам главы 25 ГК РФ [4].

Суды взыскивают убытки, если истец реально их понес, а не просто рассчитывал на заключение договора. В результате возмещения причиненных убытков потерпевшая сторона переговоров должна быть поставлена в положение, в котором она находилась бы, если не вступала в переговоры с недобросовестным контрагентом.

Возмещению подлежат (ст. 15, п. 2 ст. 393, п. 3 ст. 434.1. абзац первый п. 1 ст. 1064 ГК РФ):

- реальный ущерб (например, расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, затраты по приготовлению к заключению договора, консультации, транспорт);
- упущенная выгода (если доказывается, что сторона понесла убытки в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом).

Лицо обязано возместить убытки своему контрагенту ввиду недобросовестного ведения переговоров, в частности в случае, когда оно своевременно не сообщило контрагенту об обстоятельствах, препятствующих заключению договора. в том числе о своем окончательном намерении заключить договор с другим контрагентом, создавая или поддерживая при этом у первоначального контрагента ложные представления о своей готовности в будущем заключить договор. В такой ситуации подлежит установлению, когда готовность лица заключить договор стала носить притворный характер и, если контрагент не был сразу же уведомлен о прекращении намерения заключить договор, стало ли это причиной его дополнительных расходов, которые он не понес бы в случае своевременного уведомления.

Не могут быть признаны неоправданными и, как следствие, недобросовестными действия, когда лицо ведет переговоры одновременно с несколькими контрагентами. Сами по себе переговоры лица с несколькими контрагентами и выбор одного из них не могут служить основанием для возмещения им убытков контрагента, с которым договор заключен не был. При этом не является недобросовестным умолчание о параллельных переговорах, а также отсутствие предложения заключить сделку на условиях, предложенных другим контрагентом. Однако в случае, когда стороны переговоров заключили соглашение о порядке ведения переговоров, в котором предусмотрели условие об эксклюзивности переговоров только с одним контрагентом, и впоследствии вторая сторона нарушила его либо допустила обман контрагента на его вопрос о переговорах с другими контрагентами, такие действия являются недобросовестными. В таких случаях лицо, нарушившее соответствующее условие или обманувшее своего контрагента, обязано возместить причиненные ему убытки [5].

Если стороне переговоров ее контрагентом представлена неполная или недостоверная информация либо контрагент умолчал об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до ее сведения, и сторонами было заключено соглашение, эта сторона вправе потребовать признания сделки недействительной (ст. 178 или 179 ГК РФ) и возмещения вызванных такой недействительностью убытков (п. 4 ст. 434.1 ГК РФ) либо использовать способы защиты, специально предусмотренные для случаев нарушения отдельных видов обязательств (например, ст. 495, 732, 804, 944 ГК РФ). Указанные действия контрагента по предоставлению неполной или недостоверной информации, послужившие основанием для отказа стороны от заключения договора, являются основанием требовать возмещения убытков в соответствии с п. 3 ст. 434.1 ГК РФ [1].

В случае, когда в соответствии с п. 2 ст. 433 ГК РФ договор считается заключенным с момента передачи соответствующего имущества (реальный договор), следует учитывать, что это обстоятельство не освобождает стороны от обязанности действовать добросовестно при ведении

переговоров о заключении такого договора. К переговорам о заключении реального договора в том числе подлежат применению правила статьи 434.1 ГК РФ. В частности, если в результате переговоров реальный договор не был заключен, сторона, которая недобросовестно вела или прервала их, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки (пункт 3 статьи 434.1 ГК РФ) [2].

Пунктом 5 ст. 434.1 ГК РФ предусмотрена возможность заключения соглашения о процедуре переговоров, одним из условий которого является неустойка за нарушение предусмотренных в нем положений. По умолчанию, имеется в виду зачетная неустойка, при которой убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (абз. 1 п. 1 ст. 394 ГК РФ). Но поскольку она носит договорный характер, то стороны могут предусмотреть иное по правилам абз. 2 п. 1 той же статьи. В том же п. 5 ст. 434.1 ГК РФ есть важное императивное правило: условия такого соглашения, ограничивающие ответственность за недобросовестные действия сторон соглашения, ничтожны.

Пункт 6 ст. 434.1 ГК РФ устанавливает, что нормы о возмещении убытков за недобросовестные переговоры не применяются к гражданам, признаваемым потребителями в соответствии с законодательством о защите прав потребителей. По мнению автора, указанная норма создает лазейку для «потребительского экстремизма»: потребитель может получить конфиденциальную информацию, затягивать переговоры или срывать их без компенсации расходов предпринимателя (например, на подготовку документации, образцов). Конечно, если будет доказано, что действия потребителя выходят за рамки разумного и злонамеренны, применяются правила ст. 10 ГК РФ. Таким образом, п. 6 ст. 434.1 ГК РФ исключает применение преддоговорной ответственности к потребителям, но не защищает их, если поведение квалифицируется как злоупотребление правом.

Согласно п. 7 ст. 434.1 ГК РФ правила указанной статьи подлежат применению независимо от того, был ли заключен сторонами договор по результатам переговоров. Названная норма закрепляет в российском праве впервые предложенную Р. Йерингом концепцию «*culpa in contrahendo*» (виновность при заключении договора) [3], позволяя взыскать убытки, включая расходы на проведение переговоров, если сторона действовала недобросовестно. Ответственность возникает не из самого договора, а из виновного поведения на стадии переговоров.

Актуальным представляется вопрос недобросовестности лица при заключении договора в аспекте соблюдения антимонопольного законодательства. Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание судов на то, что отказом от заключения договора по смыслу п. 5 части 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» во взаимосвязи с пп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ могут признаваться как формальный отказ, так и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, когда другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать, а также предложение контрагенту (потребителю) таких условий, которые он объективно не мог принять, в том числе ввиду их явной невыгодности или противоречивости (конструктивный отказ)

Список использованных источников

1. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.04.2022 № Ф06-16827/2022 по делу № А55-7935/2021 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения - 14.11.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора" [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения: 06.12.2025).

3. Йеринг Р. *Culpa in contrahendo* или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 190-266.

4. Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств // Вестник гражданского права. 2023. № 5. 6 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: <http://wmm.base.consultant.ru> (дата обращения: 06.02.2026).

5. Определение № 305—ЭС 19-19395 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: [http://yvv . base.consultant.ru](http://yvv.base.consultant.ru) (дата обращения - 09.11.2025).

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.01.2020 № Ф09- 8415/19 по делу № А47-88/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 14.11.2025).

2.5. ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, СОЗДАЮЩЕЙ ПОВЫШЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

Гриднев Иван Андреевич, адвокат Коллегии адвокатов Волгоградской области (НО «КАВО»), преподаватель кафедры юридических дисциплин АНПОО «Академический колледж», магистрант АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Институт возмещения вреда, являясь краеугольным камнем деликтного права, прошел сложный путь от принципа талиона до системы имущественного возмещения, основанной на идее социальной справедливости и распределения рисков. В современной российской правовой системе его фундамент составляют положения Конституции РФ, гарантирующие право на судебную защиту и возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов власти [1], а также нормы Гражданского кодекса РФ, закрепляющие общие начала деликтной ответственности (ст. 1064) [2].

Спецификой развития института является объективизация ответственности, то есть её возложение вне зависимости от вины причинителя. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в рамках ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Анализ ст. 1079 ГК РФ позволяет сделать вывод, что законодатель определяет источники повышенной опасности через деятельность, а не через материальный объект (ст. 1079) [2]. Однако в научной доктрине сохраняется дискуссия между сторонниками «теории деятельности» (В.Г. Вердников, Б.С. Антимонов) и «теории объекта» (О.А. Красавчиков) [8]. Разрешение этой дискуссии имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку от того, что признается источником повышенной опасности – деятельность или объект, зависит определение момента возникновения и прекращения ответственности.

Отказ законодателя от исчерпывающего перечня источников повышенной опасности, закрепленный в ст. 1079 ГК РФ, представляется методологически верным, так как он позволяет правоприменителю гибко реагировать на вызовы научно-технического прогресса. Суды, руководствуясь наличием у объекта вредоносных свойств, которые не поддаются полному контролю со стороны человека, признали источниками повышенной опасности такие объекты, как трубопроводы [15], экологически опасные объекты [17] и деятельность по погрузке боеприпасов [16]. Этот подход создает основу для адаптации института к новым реалиям.

Многообразие источников повышенной опасности закономерно порождает попытки их систематизации. Наиболее устоявшейся в науке является классификация, предложенная О.А. Красавчиковым, основанная на характере вредоносного воздействия. Согласно ей, выделяются физические, химические, физико-химические и биологические источники повышенной опасности [8]. Данная классификация не только отражает материальную природу источников, но и служит практическим целям, определяя специфику доказывания и особенности причиненного вреда.

Однако современное развитие технологий ставит вопрос о границах применимости традиционных классификаций. Появление новых объектов, таких как роботы и системы искусственного интеллекта, требует их доктринального осмысления. Представляется, что правовая квалификация таких объектов должна быть дифференцированной. Высокоавтономные системы, чьи действия несут реальную угрозу жизни и здоровью (например, автомобили с автопилотом, промышленные роботы), могут быть признаны источниками повышенной опасности, и ответственность за их эксплуатацию должна возлагаться на владельца по правилам ст. 1079 ГК РФ. В то же время бытовые роботы-пылесосы или игрушки, чья опасность не превышает обычный хозяйственный риск, под данную конструкцию не подпадают [10].

Еще одной проблемной зоной долгое время являлись электросамокаты. Их правовой режим оставался неопределенным: с одной стороны, они были приравнены к пешеходам (п. 1.2 ПДД) [4], с другой – их технические характеристики (мощность, скорость) сближают их с механическими транспортными средствами. Устойчивая судебная практика, исключая велосипеды из перечня источников повышенной опасности [11], до недавнего времени позволяла предположить, что до законодательного закрепления иного электросамокаты вряд ли были бы единодушно признаны источниками повышенной опасности. Эта ситуация наглядно иллюстрировала пробел в регулировании, вызванный быстрым развитием технологий.

Однако в дальнейшем российская судебная практика, а затем и Правительство РФ показали наглядный пример успешной адаптации института к новым технологическим реалиям, а именно на наших глазах произошла эволюция правового статуса средств индивидуальной мобильности (СИМ). Правовой пробел, связанный с отсутствием четкого регулирования электросамокатов, был последовательно устранен. Сначала Верховный Суд РФ в Решении от 30.03.2022 по делу № АКПИ22-66 [12] фактически признал их транспортными средствами, а затем Постановление Правительства РФ от 06.10.2022 № 1769 [5], вступившее в силу 1 марта 2023 года, официально закрепило их статус как СИМ, установив технические параметры (масса до 35 кг, скорость до 25 км/ч) и правила использования, внося изменения в Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 26.03.2020) «О Правилах дорожного движения». Эта последовательная правоприменительная практика, завершившаяся законодательной конкретизацией, демонстрирует эффективный механизм развития института возмещения вреда в ответ на новые социальные вызовы и позволяет ставить вопрос о признании таких средств источником повышенной опасности, что устранило неопределенность в вопросе возмещения вреда.

Основанием ответственности за вред, причиненный источниками повышенной опасности, является сам факт причинения вреда таким источником, если только владелец не докажет наличие одного из исключаяющих ответственность обстоятельств, перечисленных в ст. 1079 ГК РФ. Таким образом, законодатель использует конструкцию безвиновной ответственности, основанной на идее несения риска.

Эта модель является перспективной для разрешения сложных ситуаций, связанных с причинением вреда технологиями, где доказывание вины крайне затруднительно. В частности, она может быть применена к правоотношениям с использованием робототехники. В этом случае субъектом ответственности должен признаваться владелец (оператор) робота, поскольку именно он извлекает полезный эффект из его использования и должен нести связанные с этим риски [10]. В качестве дополнительной гарантии для потерпевших может рассматриваться обязательное страхование гражданской ответственности владельцев таких систем, по аналогии с ОСАГО.

Еще одним перспективным направлением развития института является дальнейшая объективизация вины, о чем свидетельствует судебная практика. Суды все чаще возлагают ответственность за вред, причиненный объектами, не являющимися источниками повышенной опасности, но требующими строгого контроля (например, инженерные коммуникации в МКД), исходя из невозможности доказать свою невиновность в их надлежащем содержании [14]. Это свидетельствует о расширении сферы действия презумпции ответственности владельца потенциально опасного объекта.

Ключевой фигурой в обязательствах из причинения вреда источником повышенной опасности является его владелец. В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК РФ владельцем признается лицо, владеющее источником на законном основании (собственность, аренда, хозяйственное ведение и т.д.) [2]. Правоприменительная практика детализирует это понятие, разграничивая ответственность, в частности, при аренде ТС с экипажем (ответственность несет арендодатель) и без экипажа (ответственность несет арендатор).

Сложности возникают в ситуациях, когда формальный титул владения не соответствует фактическому контролю над источником повышенной опасности. Так, в деле № 5-КГ19-1 Верховный Суд РФ указал, что если договор аренды транспортного средства является мнимым и водитель фактически является работником собственника, то ответственность должен нести последний [13]. Это подтверждает, что суды исходят из приоритета фактического контроля над объектом.

Наиболее остро проблема субъекта ответственности стоит в контексте причинения вреда роботами и системами с искусственным интеллектом. Если признать такой объект источником повышенной опасности, то по смыслу ст. 1079 ГК РФ ответственность должен нести его владелец. Однако, прибегнув к сравнительно-правовому анализу, на примере европейского законодателя, можно найти более дифференцированный подход. Резолюция Европарламента 2015/2103(INL) рекомендует распределять ответственность в зависимости от степени автономности робота: чем выше автономность, тем большую долю ответственности может нести производитель или программист [6]. Представляется, что для российской правовой системы наиболее приемлемой является концепция, согласно которой владелец робота как источника повышенной опасности несет первоначальную ответственность перед потерпевшим, сохраняя за собой право регрессного требования к производителю или разработчику, если вред наступил вследствие конструктивного или программного дефекта.

В соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации причинение вреда жизни и здоровью с использованием источника повышенной опасности представляет собой наиболее тяжкий вид деликта. Возмещение такого вреда включает компенсацию утраченного заработка, дополнительных расходов на лечение, реабилитацию и протезирование, а также компенсацию морального вреда (ст. 1084-1094) [2].

В данной сфере наглядно проявляется тенденция к вытеснению деликтных обязательств страховыми. Институт обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) стал основным механизмом компенсации [3].

Однако роль общих норм о деликтной ответственности сохраняется в двух ключевых случаях:

1. Когда ответственность не застрахована в обязательном порядке.
2. Когда страхового возмещения недостаточно для полного покрытия причиненного вреда, что особенно актуально при тяжких последствиях для жизни и здоровья, когда требуются многолетнее лечение и реабилитация.

Компенсация морального вреда, причиненного источником повышенной опасности жизни и здоровью граждан, является самостоятельным и значимым способом защиты. Суды при определении её размера учитывают характер и глубину физических и нравственных страданий, степень вины причинителя, а также последствия причинения вреда, такие как инвалидность, неизгладимое обезображивание и т.д. (ст. 1101) [2]. Так, суд удовлетворил требования о значительной компенсации морального вреда лицу, получившему травматическую ампутацию конечности от железнодорожного состава [19], и лицу, перенесшему операцию по удалению рубцов на лице [18].

Строгая ответственность владельца источника повышенной опасности не является абсолютной. Закон предусматривает исчерпывающий перечень оснований для освобождения от неё: непреодолимая сила, умысел потерпевшего, грубая неосторожность потерпевшего и выбытие источника из обладания владельца помимо его воли (ст. 1079) [2].

Наиболее сложным для доказывания является обстоятельство непреодолимой силы. Согласно правовой позиции, сформулированной бывшим Высшим Арбитражным Судом РФ, оно характеризуется чрезвычайностью и непредотвратимостью при данных условиях [14]. Важно отметить, что к форс-мажору не относятся нарушение обязательств контрагентами, экономические кризисы, отсутствие финансирования или иные предпринимательские риски [7, 14].

Судебная практика демонстрирует строгий подход к оценке грубой неосторожности потерпевшего. Например, нахождение пешехода в состоянии тяжелого алкогольного опьянения на проезжей части не было признано основанием для освобождения владельца ТС от ответственности, так как сам по себе этот факт не свидетельствует об умысле пешехода на причинение вреда себе, а водитель, управляя источником повышенной опасности, несет обязанность по принятию всех возможных мер для предотвращения вреда, независимо от поведения других участников движения [20].

В доктрине отмечается тенденция к стиранию граней между виновной и безвиновной ответственностью. Ю.В. Старцева предлагает отказаться от поиска вины и сосредоточиться на вменении поведения и установлении его упречности в широком смысле, что включает нарушение стандартов заботливости, создание опасности и пр. [9]. Хотя эта концепция требует осмысления,

она отражает общий вектор развития деликтного права в сторону объективных критериев оценки поведения сторон.

Выводы:

1. Институт возмещения вреда демонстрирует устойчивую тенденцию к объективизации ответственности, наиболее последовательно реализованную в отношении источника повышенной опасности.
2. Доктринальная неопределенность понятия источника повышенной опасности и отсутствие его законодательного перечня являются не недостатком, а инструментом гибкости, позволяющим институту адаптироваться к новым вызовам.
3. Классификации источников повышенной опасности, основанные на характере вредоносного воздействия, остаются актуальными, но требуют дополнения для адекватного отражения правовой природы киберфизических систем и робототехники.
4. Конструкция безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности, основанная на риске, является перспективной основой для регулирования ответственности за вред, причиненный автономными системами и искусственным интеллектом.
5. Определение субъекта ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, основывается на критерии законного владения и фактического контроля, что приобретает особую сложность применительно к роботам и автономным системам.
6. В сфере возмещения вреда жизни и здоровью происходит эффективное взаимодействие деликтных и страховых механизмов, где страхование обеспечивает оперативность выплат, а нормы ГК РФ – полноту компенсации, особенно в части морального вреда.
7. Основания освобождения от ответственности, особенно непреодолимая сила и грубая неосторожность потерпевшего, толкуются судами ограничительно, что усиливает защиту прав потерпевших и соответствует природе безвиновной ответственности за источник повышенной опасности.
8. Современное развитие института характеризуется поиском новых доктринальных подходов (таких как «упречность поведения»), которые позволяют более гибко и справедливо подходить к распределению убытков в сложных ситуациях, порожденных технологическим прогрессом.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Собрание законодательства РФ», 06.07.2020, N 27, ст. 4196.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410 / «Собрание законодательства РФ», 30.12.2019, N 52 (часть I), ст. 7807
3. Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // «Собрание законодательства РФ», 06.05.2002, N 18, ст. 1720 / «Собрание законодательства РФ», 14.12.2020, N 50 (часть III), ст. 8074
4. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 26.03.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») // «Собрание актов Президента и Правительства РФ», 22.11.1993, N 47, ст. 4531 / «Собрание законодательства РФ», 06.04.2020, N 14 (часть I), ст. 2098
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 № 1769 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и положений" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022
6. Резолюция Европарламента от 16.02.2017 № 2015/2103(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 // https://robopravo.ru/tiezoliutsiia_ies
7. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (утв. постановлением

Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14) // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс»

8. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. - М.: Статут. 2005. - Т. 2. 317с.

9. Опыты цивилистического исследования: сборник статей / И.И. Акимова, В.А. Волгина, А.А. Громов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. - М.: Статут, 2019. 307с.

10. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Вольнец и др.; под ред. А.В. Незнамова. - М.: Инфотропик Медиа, 2018. 302с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 3, март, 2010.

12. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30.03.2022 N АКПИ22-66

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.04.2019 N 5-КГ19-1 // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс».

14. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2012 № 3352/12 по делу N А40-25926/2011-13-230 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10.

15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.10.2015 № Ф07-7270/2015 по делу № А26-7358/2014 // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс».

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.08.2015 № Ф09-5336/15 по делу № А71-6176/2014 // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс».

17. Постановление ФАС Поволжского округа от 06.09.2010 по делу № А57-22948/2009 // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс».

18. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 07.05.2013 по делу № 33-1064 // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс».

19. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 27.06.2017 по делу № 33-7207/2017 // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс».

20. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 13.12.2016 № 338586/2016 // Документ опубликован не был / СПС «Консультант Плюс».

2.6. ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТРАХОВЩИКА И ПРИЧИНИТЕЛЕЙ ВРЕДА

Ускова Марина Сергеевна, адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

В соответствии с п. п. 1, 2 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [1].

Пунктом 1 статьи 1064 ГК РФ установлено, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

В пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что по делам о возмещении убытков истец обязан доказать,

что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства или причинения вреда, наличие убытков. вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (п. 2 ст. 401 ГК РФ). По общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Бремя доказывания своей невиновности лежит на лице, нарушившем обязательство или причинившем вред. Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное [2].

Реализация такого способа защиты как возмещение ущерба (убытков) возможна только при наличии в совокупности четырех условий: факта причинения истцу вреда, совершения ответчиком противоправных действий (бездействия), причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчика и наступившим у истца вредом, виной причинителя вреда. Причинная связь признается юридически значимой, если поведение причинителя непосредственно вызвало возникновение вреда. Вред, возмещаемый по правилам главы 59 ГК РФ, должен быть вызван действиями причинителя вреда. Для удовлетворения требований о возмещении вреда необходима доказанность всей совокупности указанных фактов.

В силу п. 4 ст. 931 ГК РФ в случае, когда ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее страхование обязательно, а также в других случаях, предусмотренных законом или договором страхования такой ответственности, лицо, в пользу которого считается заключенным договор страхования, вправе предъявить непосредственно страховщику требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы.

В соответствии со ст. 1072 ГК РФ юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (ст. 931, п. 1 ст. 935 ГК РФ), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

В пункте 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 года № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» разъяснено, что причинитель вреда, застраховавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда страхового возмещения недостаточно для полного возмещения причиненного вреда (ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072, п. 1 ст. 1079, ст. 1083 ГК РФ). Причинитель вреда, застраховавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда надлежащее страховое возмещение является недостаточным для полного возмещения причиненного вреда. К правоотношениям, возникающим между причинителем вреда, застраховавшим свою гражданскую ответственность в соответствии с Законом об ОСАГО, и потерпевшим в связи с причинением вреда жизни, здоровью или имуществу последнего в результате дорожно-транспортного происшествия, положения Закона об ОСАГО, а также Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства не применяются [3].

При реализации потерпевшим права на получение страхового возмещения в форме страховой выплаты, в том числе в случаях, предусмотренных пунктом 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО, с причинителя вреда в пользу потерпевшего подлежит взысканию разница между фактическим размером ущерба и надлежащим размером страховой выплаты (пункт 64).

При исчислении размера расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до повреждения, и подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, должны приниматься во внимание реальные, т.е. необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя, учитывающие условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты).

Если происходит дорожно-транспортное происшествие, неизбежно возникает вопрос возмещения вреда как личности, так и имуществу.

В соответствии с п. 2 ст. 19 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» компенсационные выплаты осуществляются: в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, в размере не более 500 тысяч рублей; в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, в размере не более 400 тысяч рублей [4].

Страховщики рассчитывают ущерб по следующей формуле: стоимость ремонта + стоимость материалов + стоимость деталей, подлежащих замене. При этом дополнительно учитываются многие факторы, в частности, износ запасных частей [5].

В случае, если страхового возмещения недостаточно, то потерпевший имеет право довыскать сумму вреда с его причинителя в судебном порядке.

Если между сторонами возникает спор о размере вреда, о степени вины самого потерпевшего, суд может назначить судебную экспертизу, как правило, комплексную – авто-техническую и оценочную.

При этом то обстоятельство, что истец не был привлечен к административной ответственности за нарушение требований Правил дорожного движения, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (далее по тексту – ПДД) [6], не свидетельствует об отсутствии в его действиях нарушения требований данных Правил. Эти и другие факты устанавливаются в ходе производства по делу, в том числе путем назначения соответствующей судебной экспертизы. В результате суд при постановлении решения по делу может как снизить размер взыскиваемого вреда с учетом степени вины самого потерпевшего (истца), так и полностью отказать в его возмещении.

Согласно п. 2 ст. 1083 ГК РФ если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен.

Суд может уменьшить размер возмещения ущерба, подлежащего выплате причинителем вреда, если последним будет доказано или из обстоятельств дела с очевидностью следует, что существует иной, более разумный и распространенный в обороте способ восстановления транспортного средства либо в результате возмещения потерпевшему вреда с учетом стоимости новых деталей произойдет значительное улучшение транспортного средства, влекущее существенное и явно несправедливое увеличение его стоимости за счет причинителя вреда (п. 63 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»).

Так, по одному из гражданских дел, рассмотренных Ворошиловским районным судом г. Волгограда [7], установлено наличие вины не только самого истца (потерпевшего) в совершении им ДТП в виде нарушения им п. 9.10 ПДД РФ, согласно которому водитель должен соблюдать такую дистанцию до движущегося впереди транспортного средства, которая позволила бы избежать столкновения, а также необходимый боковой интервал, обеспечивающий безопасность движения, но и третьего участника ДТП. В результате, учитывая данные обстоятельства суд полностью отказал истцу в удовлетворении заявленного иска.

Кроме того, установлению судом по такого рода гражданско-правовым спорам подлежит факт реальных расходов истца на ремонт поврежденного транспортного средства. Если при осмотре судебным экспертом автомобиля будет установлено, что автомобиль истца уже отремонтирован, следует выяснять, какие реальные и документально подтвержденные денежные расходы понес истец.

По такого рода спорам также следует устанавливать, являлась ли воля истца на заключение соглашения со страховщиком (страховой организацией) ясной и четкой, либо была искажена. До осуществления страховой выплаты страховщик производит осмотр транспортного средства и оценку ущерба, а затем должен действовать в соответствии с законом, не нарушая прав потерпевшего.

Статьей 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. N 40-ФЗ "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" (далее - Закон об ОСАГО) предусмотрено, что страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных пунктом 16.1 этой статьи) в соответствии с пунктом 15.2 или пунктом 15.3 указанной статьи путем организации и (или) оплаты

восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего в размере, определенном в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, с учетом положений абзаца второго пункта 19 этой же статьи.

При проведении восстановительного ремонта в соответствии с пунктами 15.2 и 15.3 данной статьи не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), если в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Иное может быть определено соглашением страховщика и потерпевшего (пункт 15.1).

Если ни одна из станций, с которыми у страховщика заключены договоры на организацию восстановительного ремонта, не соответствует установленным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта в отношении конкретного потерпевшего, страховщик с согласия потерпевшего в письменной форме может выдать потерпевшему направление на ремонт на одну из таких станций. В случае отсутствия указанного согласия возмещение вреда, причиненного транспортному средству, осуществляется в форме страховой выплаты (пункт 15.2).

При наличии согласия страховщика в письменной форме потерпевший вправе самостоятельно организовать проведение восстановительного ремонта своего поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания, с которой у страховщика на момент подачи потерпевшим заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков отсутствует договор на организацию восстановительного ремонта. В этом случае потерпевший в заявлении о страховом возмещении или прямом возмещении убытков указывает полное наименование выбранной станции технического обслуживания, ее адрес, место нахождения и платежные реквизиты, а страховщик выдает потерпевшему направление на ремонт и оплачивает проведенный восстановительный ремонт (пункт 15.3).

Перечень случаев, когда страховое возмещение вместо организации и оплаты страховщиком восстановительного ремонта по соглашению сторон, по выбору потерпевшего, по соглашению сторон или в силу объективных обстоятельств производится в форме страховой выплаты, установлен пунктом 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО.

Обращение к страховщику с заявлением о страховом возмещении в виде организации и оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на станции технического обслуживания является реализацией права потерпевшего на выбор способа возмещения вреда.

Ответственность за несоблюдение станцией технического обслуживания срока передачи потерпевшему отремонтированного транспортного средства и нарушение иных обязательств по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего несет страховщик.

Под иными обязательствами по восстановительному ремонту транспортного средства потерпевшего, за которые несет ответственность страховщик, следует понимать надлежащее выполнение станцией технического обслуживания работ по ремонту транспортного средства, в том числе выполнение их в объеме и в соответствии с требованиями, установленными в направлении на ремонт, а при их отсутствии - требованиями, обычно предъявляемыми к работам соответствующего рода.

В силу приведенных положений закона в отсутствие оснований, предусмотренных пунктом 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО, страховщик не вправе отказать потерпевшему в организации и оплате ремонта транспортного средства в натуре с применением новых заменяемых деталей и комплектующих изделий и в одностороннем порядке изменить условие исполнения обязательства на выплату страхового возмещения в денежной форме.

Поскольку в Законе об ОСАГО отсутствует специальная норма о последствиях неисполнения страховщиком названного выше обязательства организовать и оплатить ремонт транспортного

средства в натуре, то в силу общих положений ГК РФ об обязательствах потерпевший вправе в этом случае по своему усмотрению требовать возмещения необходимых на проведение такого ремонта расходов и других убытков на основании статьи 397 ГК РФ.

По одному из гражданских дел рассматриваемой категории Верховный Суд РФ отметил [8], что из установленных обстоятельств дела следует, что ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, куда страховщик направил потерпевшего, произведен не был. Вины в этом самого потерпевшего не установлено. Впоследствии страховщик направил истцу письменный отказ в осуществлении ремонта в натуре и в одностороннем порядке перечислил страховое возмещение в денежной форме. При этом указанных в пункте 16.1 статьи 12 Закона об ОСАГО обстоятельств, дающих страховщику право на замену формы страхового возмещения, судами не установлено. При таких обстоятельствах, отметил Верховный Суд РФ выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что страховщик правомерно произвел выплату страхового возмещения истцу в денежной форме и не должен возмещать убытки, вызванные отказом в организации и оплате ремонта транспортного средства в натуре, противоречат приведенным выше положениям закона.

Таким образом, пределы гражданско-правовой ответственности страховщика и причинителя вреда по гражданско-правовым спорам указанной категории должны разрешаться в каждом конкретном случае с учетом требований закона, имеющихся в деле доказательств, в том числе с учетом выводов судебных экспертиз.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: [http:// www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 15.01.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: [http:// www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 15.01.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: [http:// www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 15.01.2026).

4. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: [http:// www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 15.01.2026).

5. Бондаренко, М. С. Возмещение имущественного вреда при дорожно-транспортных происшествиях / М. С. Бондаренко, В. И. Ратникова // Проблемы и перспективы юридической науки и практики: трибуна молодых : Материалы межвузовской молодежной научно-практической конференции, Хабаровск-Южно-Сахалинск, 15–16 ноября 2024 года. – Хабаровск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Дальневосточный государственный университет путей сообщения", 2024. С. 33-37.

6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: [http:// www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 15.01.2026).

7. Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда от 30.06.2025 по гражданскому делу № 2-58/2025 // Ворошиловский районный суд г. Волгограда [Электронный ресурс]. URL: <https://vor->

[vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=608299307&delo_id=1540005&new=0&text_number=1](https://vor.vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=608299307&delo_id=1540005&new=0&text_number=1) (дата обращения: 15.01.2026).

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.03.2021 № 45-КГ20-26-К7 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: [http:// www. base.consultant.ru](http://www.base.consultant.ru) (дата обращения: 15.01.2026).

2.7. ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ИЛИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННОГО ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

Кукина Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России

В сфере цифровых и технологических инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (далее – ВТС) в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры» впервые согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 1849 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры» был установлен экспериментальный правовой режим.

В соответствии с частью 3 статьи 15 Федерального закона "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации" срок действия экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры», был продлен до 12 ноября 2028 г.

С 2022 года на территории 38 регионов Российской Федерации реализуются три экспериментальных правовых режима, которые позволяют тестировать беспилотный транспорт как для перевозки грузов, так и для пассажирских перевозок в такси.

Параллельно с этим ранее подготовленный проект Федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – проект) был скорректирован в соответствии с планом по тестированию и поэтапному вводу в эксплуатацию на дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств без присутствия инженера-испытателя в салоне транспортного средства, предусматривающих их опытную коммерческую эксплуатацию в отдельных субъектах Российской Федерации, от 12 марта 2021 г. № 2189п-П50. Кроме того, проект соответствует целям «дорожной карты» по трансформации делового климата, направленной на развитие новых видов предпринимательской деятельности, основанных на передовых технологиях, утвержденной Правительством РФ 5 ноября 2020 года.

Согласно пояснительной записке проект призван создать правовую основу для регулирования отношений, возникающих при эксплуатации ВТС. Он устанавливает:

- понятийный аппарат: определяет ключевые термины, необходимые для понимания и регулирования сферы ВТС;
- полномочия органов власти: четко разграничивает ответственность государственных структур;
- обязанности и ответственность сторон: определяет права и обязанности всех участников, включая производителей, диспетчеров, владельцев, а также требования к перевозке пассажиров и грузов;
- обязательное страхование: устанавливает необходимость страхования гражданской ответственности владельцев ВТС;
- допуск к движению: определяет условия для участия ВТС в дорожном движении.

Проект также детализирует правила допуска ВТС к эксплуатации, устанавливает требования к их высокоавтоматизированным системам управления и техническому обслуживанию, а также закрепляет конкретные обязанности для производителей, диспетчеров и владельцев.

Проект был рассмотрен Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в той мере, в какой он затрагивает нормы гражданского права, что соответствует его полномочиям. В рамках проекта планируется внести изменения в следующие федеральные законы: «О безопасности дорожного движения», «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», «О техническом осмотре транспортных средств», «О навигационной деятельности», закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты и «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта».

Общая потребность в регулировании эксплуатации транспортных средств (далее - ТС) не вызывает сомнений. Важно отметить, что многие вопросы, такие как учет ТС, их допуск к эксплуатации и требования к техническому обслуживанию, должны регулироваться нормами публичного права. Кроме того, в частноправовой сфере необходимо закрепить императивные нормы, определяющие обязанности производителей, владельцев и диспетчеров ТС.

Однако проект содержит ряд концептуальных недостатков. Главный из них заключается в его рамочном характере. Без принятия соответствующих нормативных актов Правительства Российской Федерации, проект практически не сможет быть реализован. В качестве примера можно привести положение проекта, согласно которому правила допуска транспортных средств к участию в дорожном движении будут устанавливаться Правительством РФ. Например, согласно проекту, Правительство РФ будет определять правила допуска транспортных средств к участию в дорожном движении. Подобные положения, касающиеся диспетчерского контроля, организации дорожного движения, перевозки пассажиров и багажа, страхования (включая минимальные ставки), предоставления навигационной информации, классификации инновационных транспортных средств, учета и расследования ДТП, а также аккредитации специалистов по техосмотру, также будут регулироваться Правительством РФ согласно части 1 статьи 6 проекта.

Большая часть положений проекта не содержит самостоятельных норм, учитывающих особенности ВТС, а отсылает к общему законодательству РФ (например, статьи 11, 12), постановлениям Правительства РФ (например, статья 6) или другим федеральным законам (например, статья 4).

Представляется спорным, что предложенное проектом регулирование требует принятия отдельного специального закона. Возможно, оно может быть реализовано путем внесения изменений в подзаконные нормативные правовые акты и уже существующие федеральные законы, регулирующие сферу использования транспортных средств (включая Федеральный закон «О безопасности дорожного движения», Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и другие, в которые разработчики проекта предлагают внести коррективы).

В рамках гражданского права, когда высокоавтоматизированные транспортные средства приравниваются к обычным автомобилям, они автоматически считаются источниками повышенной опасности. Однако проект не дает четкого ответа на вопрос, должны ли все ВТС без исключения признаваться источниками повышенной опасности.

Согласно пункту 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1, под источником повышенной опасности понимается любая деятельность, которая создает повышенный риск причинения вреда из-за невозможности полного контроля со стороны человека. Это также относится к использованию, транспортировке и хранению предметов, веществ и других объектов, обладающих подобными свойствами. Важно отметить, что этот перечень не является исчерпывающим. Суды могут признавать источником повышенной опасности и другие виды деятельности, не указанные в списке, если они обладают особыми свойствами, создающими повышенный риск.

Исходя из существующих критериев определения источника повышенной опасности, любые ВТС должны быть отнесены к этой категории. Причина в том, что их эксплуатация создает повышенную вероятность причинения вреда, поскольку полный контроль над ними со стороны человека затруднен или невозможен.

Предлагается более продуманный и обоснованный подход к определению транспортных средств, которые следует считать источниками повышенной опасности. Одним из таких критериев

может стать скорость движения. Если ТС достигает определенной скорости, его можно будет рассматривать как источник повышенной опасности.

Такой подход можно обосновать, опираясь на позицию Верховного Суда Российской Федерации. Согласно постановлению Пленума ВС РФ № 1, вред считается причиненным источником повышенной опасности, если он является прямым следствием его действия или проявления его опасных свойств. В противном случае, возмещение вреда происходит по общим правилам. Применительно к транспортным средствам это может означать, что до достижения определенной скорости (например, более 20 км/ч) их потенциальная опасность не проявляется. Однако, чтобы избежать споров о том, какая именно скорость является пороговой для изменения статуса ТС как источника повышенной опасности, необходимо законодательно закрепить сам критерий скорости и его конкретные значения.

При признании транспортного средства источником повышенной опасности ключевым становится вопрос о том, кто несет ответственность за причиненный вред и, соответственно, обязан его компенсировать. В текущем проекте этот вопрос остается нерешенным, предлагая правоприменительно руководствоваться общими нормами.

В то же время согласно тому же постановлению Пленума Верховного суда РФ № 1 владельцем источника повышенной опасности признается лицо (юридическое или физическое), которое использует его на законных основаниях, на праве собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления, или в соответствии с другими законными основаниями, как договор аренды, проката или на основании распоряжения соответствующего органа.

Основная проблема проекта заключается в том, что при признании высокоавтоматизированных транспортных средств (ВТС) источниками повышенной опасности, он не определяет, кто именно несет ответственность за причиненный вред и обязан его компенсировать, отсылая к общим нормам. В то время как действующее законодательство (пункт 19 Постановления Пленума ВС РФ N 1) трактует владельца источника повышенной опасности широко, включая не только собственников, но и других законных пользователей, в контексте ВТС это приводит к нерабочей ситуации. Появляются дополнительные субъекты, такие как производитель ВТС и диспетчер (статья 9 проекта), создавая сложную триаду ответственных лиц (собственник/владелец, производитель, диспетчер). Действующее право не предусматривает механизмов разрешения таких многосторонних ситуаций, что является спецификой ВТС. Проект же полностью игнорирует эту особенность. Отсутствие четкого определения ответственного за вред, причиненный ВТС, делает проект нежизнеспособным и неспособным достичь своих целей, даже если его общая концепция будет пересмотрена.

Таким образом, действующее законодательство позволяет считать владельцем источника повышенной опасности не только собственника, но и других лиц, законно владеющих и пользующихся им.

Однако в случае с высокоавтоматизированным транспортным средством такой подход может привести к неэффективным и несправедливым результатам, поскольку появляются дополнительные субъекты, потенциально ответственные за причинение вреда. К ним относятся, например, диспетчер ВТС (согласно статье 9 проекта) и производитель ВТС. В результате возникает ответственность: собственника (или иного законного владельца), производителя ВТС и диспетчера. Действующее законодательство не предусматривает механизмов для разрешения таких ситуаций. Именно в этом заключается основная особенность ВТС, которая полностью игнорируется в законопроекте. Этот вопрос настолько важен, что даже при изменении общей концепции проекта, отсутствие четкого определения лица, ответственного за вред, причиненный ВТС, делает невозможным достижение заявленных целей проекта.

Решение вопроса об ответственности за ущерб, нанесенный высокоавтоматизированным транспортным средством (ВТС), является существенным (основополагающим) для законопроекта. Без четкого определения ответственного лица, даже при изменении общей концепции проекта, достижение целей, заявленных в законопроекте, становится невозможным.

Применение ВТС связано с внедрением передовых технологий и представляет собой новое явление для российской правовой системы. ВТС, основанные на искусственном интеллекте и управляемые дистанционно без водителя, создают новые риски для участников дорожного движения. К ним относятся возможные технические сбои в системе управления, трудности с

распознаванием дорожной разметки, потеря связи с диспетчером из-за особенностей местности, а также некорректное восприятие действий других участников движения автоматизированной системой.

Тем не менее эффективность системы автоматического управления может способствовать снижению уже существующих рисков, связанных с эксплуатацией обычных транспортных средств, таких как ошибки или недостаточный опыт водителя.

В перспективе использование автоматизированных систем управления может положительно сказаться на статистике дорожных происшествий и уменьшить вероятность причинения вреда третьим лицам. Однако на данный момент эта технология является новой и несет в себе потенциальную опасность для окружающих.

Например, в части регулирования ответственности за причинение вреда, проект предусматривает, что виновные лица несут ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ, то есть отсылает к общим нормам гражданского права. Было бы целесообразно включить в проект прямую отсылку к статье 1079 Гражданского кодекса РФ, по крайней мере, для определенных категорий БТС.

Проект также не предусматривает каких-либо специфических правил для заключения договоров перевозки пассажиров и багажа, а также не предоставляет потребителям дополнительных гарантий по сравнению с действующими нормативными актами в этой сфере. К примеру, проект не обязывает владельцев БТС выполнять информационные обязанности, предусмотренные Законом РФ "О защите прав потребителей". Возможно, стоит предоставить потребителям право на обоснованный отказ от договора без списания средств, поскольку оказание услуг перевозки с использованием новых экспериментальных технологий должно предполагать явное согласие пассажира.

Таким образом, разработчикам проекта рекомендуется предусмотреть более высокие стандарты защиты прав потребителей при оказании услуг по перевозке пассажиров и багажа с использованием БТС.

Согласно пункту 2 статьи 14 проекта, предлагается внести дополнение в пункт 1 статьи 12 Федерального закона "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" (далее – Закон № 40-ФЗ). Это дополнение будет выглядеть следующим образом: "Страховщик рассматривает заявления о страховом возмещении или прямом возмещении убытков, связанных с причинением вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевшего в результате использования высокоавтоматизированного транспортного средства, только после получения от него, в соответствии с Федеральным законом «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», информации из бортового устройства регистрации событий и автоматизированной системы управления".

Представляется спорным утверждение, что выплата страхового возмещения третьим лицам, пострадавшим по вине владельца транспортного средства ставится в зависимость от получения страховщиком данных из бортового регистратора. Проект не определяет ни процедуру получения этой информации, ни сроки ее предоставления, ни возможные последствия в случае невозможности ее получения. Если предполагается, что эти вопросы будут урегулированы подзаконными актами, то возникает сомнение в целесообразности включения данного положения в Закон № 40-ФЗ.

Действующие правила возмещения вреда, причиненного потерпевшему (статья 12 Закона № 40-ФЗ), не предусматривают каких-либо условий для выплаты страхового возмещения, зависящих от действий страховщика или владельца транспортного средства.

Согласно абзацу пятому пункта 1 статьи 12 Закона № 40-ФЗ, если представленные документы не подтверждают наступление страхового случая и размер причиненного вреда, страховщик обязан в течение трех рабочих дней с момента получения документов (или в день обращения при личном визите) уведомить потерпевшего о недостающих или некорректно оформленных документах, предоставив полный их перечень.

«Если вред жизни, здоровью или имуществу причинен владельцем высокоавтоматизированного транспортного средства (БТС), пострадавший не должен оказаться в худшем или более сложном положении, чем если бы вред был причинен обычным автомобилем. От

пострадавшего следует требовать тот же пакет документов, что и при обычном ДТП. При этом страховщик и владелец ВТС по-прежнему обязаны устанавливать обстоятельства происшествия.»

Предложение разработчиков проекта отказаться от установления Банком России страховых тарифов по обязательному страхованию необоснованно. Согласно пункту 1 статьи 14 проекта, в пункт 1 статьи 8 Закона № 40-ФЗ предлагается внести дополнение, согласно которому Банк России не будет регулировать тарифы по обязательному страхованию для рисков, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств (ВТС). Однако Банк России будет устанавливать максимальную стоимость страховой премии для договоров обязательного страхования, связанных с использованием любых транспортных средств. При этом, согласно части 1 статьи 6 проекта, порядок страхования и минимальные базовые ставки для ВТС будут разрабатываться Правительством РФ. В пояснительной записке к проекту отсутствует какое-либо объяснение причин такого решения.

Важно понимать, что страховой тариф и минимальная базовая ставка страхования – это не одно и то же. Помимо самой базовой ставки, при расчете страхового тарифа учитываются и другие элементы: коэффициент страхового тарифа, требования к его структуре, а также правила, по которым страховщики определяют размер страховой премии по обязательному страхованию. Кроме того, существуют ограничения на факторы, которые страховщики не могут использовать при установлении базовых ставок. В настоящее время эти вопросы для различных видов транспорта уже урегулированы указанием Банка России от 8 декабря 2021 г. № 6007-У «О страховых тарифах по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Разработчики проекта предлагают отнести к полномочиям Правительства РФ установление минимальной базовой ставки страхования для внедорожных транспортных средств (ВТС), но при этом не затрагивают другие компоненты страхового тарифа.

Идея разработчиков проекта о специальном регулировании правил страхования для владельцев ВТС идет вразрез с общей логикой самого проекта. Если разработчики не видят существенных различий в защите прав пострадавших в ДТП и обеспечении гарантий для потребителей, то логично предположить, что и в сфере обязательного страхования ответственности владельцев ВТС нет необходимости вводить особые правила. Разработчикам проекта следует определиться: считать ли ВТС полностью аналогичными другим транспортным средствам во всех аспектах или же для них требуется отдельное регулирование.

Предложение разработчиков проекта подрывает единообразие в регулировании обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств. Сейчас Банк России устанавливает страховые тарифы для разных категорий транспорта (мотоциклов, автомобилей категорий "B", "BE", "C", "CE", "D", "DE", троллейбусов, трамваев и т.д.). Было бы разумнее применять единый подход к регулированию страховых тарифов для всех видов транспорта, что сделало бы эту систему более понятной и предсказуемой.

О страховых тарифах и особенностях страхования ВТС:

Согласно части 3 статьи 11 Федерального закона от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ, Банк России имеет полномочия устанавливать предельные (минимальные и максимальные) размеры страховых тарифов. Эти тарифы могут варьироваться в зависимости от типа транспорта, вида перевозок и факторов, влияющих на уровень риска. Закон также предусматривает указание максимальных расходов на обязательное страхование и размера отчислений в компенсационный фонд.

В контексте неопределенности статистического риска дорожно-транспортных происшествий с участием высокоскоростных транспортных средств (ВТС), Банк России может принять решение не устанавливать страховой тариф. Для этого не требуется внесение запрета в федеральный закон.

Требования к страхованию ВТС и предложения по проекту:

Учитывая потенциальную опасность ВТС, связанную с применением новых технологий, требования к обязательному страхованию ответственности владельцев ВТС не должны быть менее строгими, чем для владельцев обычных транспортных средств. Если разработчики проекта предлагают оставить решение вопроса определения страхового тарифа на усмотрение страховщиков из-за отсутствия статистических данных, то в проекте целесообразно закрепить общие принципы формирования страхового тарифа.

В проекте не определен порядок оформления документов при дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) с участием ВТС. Согласно части 1 статьи 6 проекта, Правительство Российской Федерации должно установить классификацию, учет и порядок расследования таких ДТП.

Разработчикам проекта рекомендуется проанализировать положения Закона № 40-ФЗ на предмет необходимости внесения изменений, связанных с использованием ВТС участниками дорожного движения. Например, целесообразно предложить изменения в статью 11.1 Закона № 40-ФЗ, которая регулирует оформление так называемого «европротокола».

Часть 1: Оформление ДТП без полиции. Оформление документов при дорожно-транспортном происшествии (ДТП) без привлечения сотрудников полиции возможно, но только при соблюдении двух условий:

1. Повреждения касаются исключительно транспортных средств (отсутствуют пострадавшие или не был причинен другой ущерб);

2. Все участники ДТП полностью согласны с обстоятельствами произошедшего и друг с другом.

Часть 2: Европротокол и транспортные средства с особым статусом (ВТС).

Когда в ДТП участвует транспортное средство с особым статусом (ВТС), возникает вопрос о возможности оформления «европротокола». Это связано с тем, что владелец такого ВТС может быть лишен возможности лично выразить свое согласие на составление европротокола.

Разработчикам данного проекта необходимо четко определить:

- Считают ли они в принципе возможным оформление европротокола в таких случаях?
- Должен ли владелец ВТС быть обязанным оперативно прибыть на место ДТП для его оформления?

- Или же оформление европротокола в таких ситуациях считается принципиально невозможным?

Часть 3: Правовое регулирование оформления ДТП.

Поскольку действующий Закон № 40-ФЗ уже устанавливает порядок оформления документов при ДТП, решение данного вопроса не может быть принято на уровне подзаконных актов (например, постановлений или приказов).

Часть 4: Схожие законопроекты и необходимость единства подходов.

Совет при Президенте РФ рассмотрел проекты федеральных законов, разработанные Министерством промышленности и торговли РФ, которые касаются схожих правоотношений в сфере транспорта. В частности, были рассмотрены:

- проект Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части правоотношений, возникающих при использовании автономных судов" (экспертное заключение от 17 декабря 2020 г. № 204-7/2020);

- проект Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (экспертное заключение от 22 апреля 2021 г. № 208-8/2021).

Оба этих законопроекта, которым Совет при Президенте РФ дал отрицательную оценку, касаются эксплуатации морских судов. Несмотря на то, что эти законопроекты и рассматриваемый проект разработаны разными ведомствами, имеют разные цели и особенности, крайне важно обеспечить единообразие подходов в правовом регулировании подобных отношений, независимо от вида транспорта. Это означает, что правила должны быть согласованы и логичны для всех видов транспорта.

Потенциал и риски автоматизированных систем управления:

Внедрение автоматизированных систем управления (АСУ) в перспективе может улучшить статистику дорожных происшествий и снизить риск причинения вреда. Однако, на данный момент, эта технология является новой и несет в себе потенциальную опасность для окружающих.

Проект предусматривает, что лица, нарушившие его требования, несут ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ. Это означает отсылку к гражданскому законодательству. Для большей конкретики, в проекте целесообразно предусмотреть прямую

отсылку к статье 1079 Гражданского кодекса РФ (ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность), хотя бы для некоторых видов ВТС.

Положение потерпевшего, которому причинен вред жизни, здоровью или имуществу владельцем ВТС, не должно быть хуже, чем в случае ДТП с обычным транспортным средством. Требования к документам, предоставляемым потерпевшим, должны быть аналогичными стандартным требованиям при ДТП. Страховщик и владелец ВТС не освобождаются от обязанности установления обстоятельств дорожного происшествия.

Впервые вводится практика распределения гражданско-правовой ответственности при ДТП между несколькими субъектами, а не только между участниками аварии и(или) производителем транспортного средства. Производитель несет ответственность, если причиной ДТП стало нарушение ПДД самим ВТС. Владелец ВТС считается виновным, если нарушил руководство по эксплуатации или внес несанкционированные изменения в конструкцию. Сервисный центр отвечает за ДТП, произошедшие из-за некачественного ремонта, технического обслуживания или неустановки обязательных обновлений программного обеспечения. Оператор дистанционной поддержки несет ответственность только за неисполнение своих прямых операторских обязанностей.

Законопроект впервые на законодательном уровне закрепляет единый понятийный аппарат, а также права и обязанности для всех субъектов регулирования (производителей, владельцев, сервисных центров, операторов). Принятие данного законопроекта позволит в технологическом плане перейти к постоянному использованию беспилотного транспорта в 2028 году, но правовое регулирование нового вида транспортных средств требует использования новых юридических моделей и цифровых технологий в нормотворчестве.

Список использованных источников

1.Нестеров Е.А., Чеботарев В.Е. Беспилотные такси: векторы правового регулирования в вопросах распределения ответственности при ДТП//Транспортное право.2025. № 2. С.16-24.

2.Скучаев А.А. К вопросу о правосубъектности беспилотного автотранспорта и субъектах ответственности// Транспортное право. 2025. № 1. С.28-33.

3.Андрюхин Н.Г., Ледовская К.Р. Проблемные аспекты нормативно-правового регулирования в сфере эксплуатации беспилотных транспортных средств// Административное право и процесс. 2022. № 12. С.35-38.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 1849 "Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы "Беспилотные логистические коридоры"//Собрание законодательства Российской Федерации.2022. N 43. ст. 7409; 2024. N 33. ст. 5176.

5.Федеральный закон "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации" от 31.07.2020 №258-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации.2020. № 31. ст.5017.

6.ПроектФедерального закона "О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"//Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2.8. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАНИНА: МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Голоманчук Эйда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Волгоградского института управления– филиала ФГБОУВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Институт возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, занимает особое место в системе гражданско-правовых обязательств, что обусловлено спецификой объекта правовой защиты. Жизнь и здоровье человека, будучи личными неимущественными благами, принадлежащими ему от рождения и неотчуждаемыми в силу прямого указания статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации, образуют фундамент правового статуса личности. Повреждение здоровья, выражающееся в анатомических и функциональных изменениях организма человека, способно вызывать у потерпевшего физические и нравственные страдания, что предопределяет необходимость использования такого способа защиты, как компенсация морального вреда. Однако причинение вреда жизни или здоровью влечет не только нематериальные, но и вполне определенные имущественные потери как для самого потерпевшего, так и для лиц, состоявших на его иждивении. Указанные потери выражаются в утраченном заработке или доходе, которого гражданин лишился вследствие утраты либо снижения трудоспособности, а также в дополнительных расходах, вызванных повреждением здоровья, включая расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение и иные потребности.

В системе гражданско-правовых категорий обязательства по возмещению вреда занимают особое место, что обусловлено их специфической правовой природой, функциональной направленностью и значением в механизме гражданско-правового регулирования. Для формирования целостного представления об исследуемом институте необходимо обратиться к анализу самого понятия «обязательства по возмещению вреда», его сущностных характеристик, признаков и системных связей с иными правовыми категориями.

Обязательства по возмещению вреда, именуемые в цивилистической доктрине также обязательствами из причинения вреда или деликтными обязательствами, представляют собой самостоятельную разновидность гражданско-правовых обязательств, возникающих не из договора, а непосредственно из закона в силу самого факта причинения вреда. Как отмечается в юридической литературе, указанные обязательства являются одним из основных институтов обязательственного права и формой гражданско-правовой ответственности за причинение вреда в результате деликта, то есть противоправного действия или бездействия, нарушающего абсолютные права потерпевшего.

Легальное определение рассматриваемого понятия в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствует, однако его содержание раскрывается через совокупность нормативных предписаний, закрепленных в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая включает общие положения о возмещении вреда, нормы о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, правила о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ, услуг, а также положения о компенсации морального вреда.

Сущностные признаки обязательств по возмещению вреда позволяют отграничить их от иных видов гражданско-правовых обязательств и определить их место в системе обязательственного права. Первым и основополагающим признаком выступает внедоговорный характер данных обязательств. В отличие от договорных обязательств, возникающих из соглашения сторон, обязательства по возмещению вреда возникают непосредственно из закона при наступлении юридического факта - причинения вреда. Как справедливо отмечается в правовой доктрине, данные обязательства являются внедоговорной формой гражданско-правовой ответственности. Деликтное обязательство является реальным [3].

Вторым признаком выступает противоправность действия или бездействия причинителя вреда как основание возникновения обязательства. По общему правилу, закрепленному в пункте 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. При этом законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда, а также обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся непосредственным причинителем вреда.

Третьим признаком выступает наличие вреда как обязательного условия возникновения ответственности. Под вредом в гражданском праве понимаются неблагоприятные последствия, возникающие в результате умаления охраняемого законом блага. Вред может быть имущественным,

включающим реальный ущерб и упущенную выгоду, и неимущественным, выражающимся в физических или нравственных страданиях, то есть моральным вредом. Положения о компенсации морального вреда, закрепленные в статье 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривают возможность получения компенсации в зависимости от степени причиненного вреда, а также характера и последствий действий, приведших к страданиям.

Четвертым признаком выступает наличие причинно-следственной связи между действием или бездействием причинителя вреда и наступившими вредоносными последствиями. Установление причинной связи является необходимым элементом состава правонарушения и выступает объективным основанием для возложения ответственности на причинителя вреда. При отсутствии такой связи обязательство по возмещению вреда не возникает, даже если сам по себе факт причинения вреда установлен.

Пятым признаком выступает вина причинителя вреда как субъективное условие ответственности, за исключением случаев, установленных законом. Пункт 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает презумпцию виновности причинителя вреда: лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Указанная презумпция существенно облегчает положение потерпевшего, который освобождается от необходимости доказывания вины причинителя вреда, что соответствует принципу защиты слабой стороны в обязательстве.

Обязательства по возмещению вреда характеризуются также специфическим субъектным составом. Кредитором или потерпевшим в данном обязательстве выступает лицо, имущественной или неимущественной сфере которого причинен вред. Должником или причинителем вреда выступает лицо, ответственное за причинение вреда. При этом в силу прямого указания закона ответственным за причинение вреда может быть признано не только непосредственно лицо, совершившее противоправное действие, но и иные лица. Так, юридическое лицо либо гражданин отвечают за вред, причиненный их работником при исполнении трудовых или служебных обязанностей. Публично-правовые образования несут ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. За вред, причиненный источником повышенной опасности, ответственность возлагается на владельца такого источника независимо от вины.

Особого внимания заслуживает вопрос о правовой природе обязательств по возмещению вреда. Функциональная характеристика обязательств по возмещению вреда раскрывается через цели, которые преследует законодатель, устанавливая соответствующие правовые механизмы. Основной функцией данных обязательств выступает компенсаторная или восстановительная функция, направленная на устранение неблагоприятных имущественных и неимущественных последствий, возникших у потерпевшего. Возмещение вреда призвано поставить потерпевшего в то имущественное положение, в котором он находился бы до причинения вреда. Наряду с компенсаторной функцией обязательства по возмещению вреда выполняют также превентивную или воспитательную функцию, стимулируя участников гражданского оборота к соблюдению установленных правил и предотвращению причинения вреда, а также обеспечительную функцию, гарантируя защиту прав и законных интересов граждан и организаций от противоправных посягательств.

Специфика субъектного состава, допускающая возложение ответственности на лиц, не являющихся непосредственными причинителями вреда, а также особый режим ответственности публично-правовых образований за вред, причиненный актами власти, придают данному институту межотраслевой характер, требующий комплексного подхода к его изучению и совершенствованию. Субъектами (сторонами) обязательства вследствие причинения вреда являются потерпевший (управомоченное лицо, кредитор) и причинитель вреда (обязанное лицо, должник). Е. Н. Агибалова дает следующее определение понятию «потерпевший»: «потерпевшим (кредитором) признается лицо, которому причинен имущественный ущерб и (или) моральный вред и принадлежит право требовать возмещения причиненного вреда» [1].

Гражданско-правовое регулирование обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, осуществляется параграфом 2 главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации. Как справедливо отмечено в преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие

причинения вреда жизни или здоровью гражданина», в развитие положений Конституции Российской Федерации приняты соответствующие законодательные акты, направленные на защиту здоровья граждан и возмещение им вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья. Общие положения, регламентирующие условия, порядок и размер возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, содержатся в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации. Особого внимания заслуживает норма, закрепленная в пункте 2 статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и других соответствующих обязанностей, возмещается по правилам главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности.

Анализ действующего законодательства позволяет выявить существенное различие в правовой природе выплат, назначаемых в целях возмещения утраченного заработка или дохода, и ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной для отдельных категорий граждан, получивших повреждение здоровья при исполнении служебных обязанностей. В частности, часть 6 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» устанавливает, что при установлении гражданину, уволенному со службы в полиции, инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы, ему выплачивается ежемесячная денежная компенсация с последующим взысканием выплаченных сумм с виновных лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 1 марта 2017 года № 3-П указал, что в системе действующего правового регулирования создан специальный публично-правовой механизм возмещения вреда, причиненного здоровью сотрудников органов внутренних дел, который имеет своим предназначением восполнение понесенных ими материальных потерь, обусловленных невозможностью дальнейшего прохождения службы вследствие полученного увечья. Данный механизм является неотъемлемым элементом публично-правового механизма, а предусмотренная им выплата представляет собой дополнительную социальную гарантию, установленную специальным законом для соответствующей категории граждан, в отношении которых государство берет на себя обязательство компенсировать причиненный вред.

По общему правилу, закрепленному в статье 1082 Гражданского кодекса Российской Федерации, существуют два способа возмещения вреда: возмещение в натуре или возмещение причиненных убытков. Суд определяет надлежащий способ в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Вред, причиненный жизни, возместить в натуре невозможно в силу объективных причин. В данном случае возмещению подлежит вред, вызванный смертью кормильца, при наличии лиц, имеющих право на такое возмещение в соответствии со статьей 1088 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также расходы на погребение, предусмотренные статьей 1094 Гражданского кодекса Российской Федерации. Родственники и иные члены семьи погибшего вправе заявлять требования о компенсации морального вреда, как это подтверждается судебной практикой, в частности Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2022 года № 18-КГ21-165-К4. Вред, причиненный здоровью, теоретически допускает возмещение в натуре, поскольку прямых запретов в законе не установлено. Однако в правоприменительной практике возложение на причинителя вреда обязанности по непосредственному лечению потерпевшего представляется маловероятным, что обуславливает фактическое применение только денежной формы возмещения, включающей утраченный заработок и дополнительные расходы, связанные с повреждением здоровья.

Проблема заключается в отсутствии четкого разграничения гражданско-правовых и публично-правовых механизмов возмещения вреда при причинении вреда жизни или здоровью лицам, выполняющим служебные обязанности. Анализ законодательства свидетельствует о параллельном существовании двух правовых режимов: общего деликтного, регулируемого главой 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, и специального публично-правового, предусмотренного ведомственными законами, включая Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и иные нормативные акты. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 февраля 2015 года № 1-П признал не соответствующими Конституции Российской Федерации положения, создающие не

согласующуюся с конституционно значимыми целями дифференциацию правового положения лиц, получивших инвалидность вследствие военной травмы, единственным основанием которой выступает избранный ими вид пенсии. Данная правовая позиция актуализирует необходимость законодательного закрепления единых критериев разграничения указанных механизмов и устранения коллизий между общими и специальными нормами.

Решение указанной проблемы видится в разработке и принятии федерального закона, устанавливающего унифицированные принципы возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью лиц при исполнении служебных обязанностей. Такой закон должен содержать исчерпывающий перечень видов выплат, их соотношение с общими деликтными обязательствами, а также механизм субсидиарного применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации в части, не урегулированной специальным законодательством. Кроме того, требуется внесение изменений в статью 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации, конкретизирующих понятие «более высокий размер ответственности» и критерии его определения.

Есть также сложность с неопределенностью правового статуса страховщика в системе обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью. Исследование судебной практики показывает, что обязательства из причинения вреда и обязательства, возникающие из договора страхования, могут существовать одновременно в рамках одного страхового случая. Особую сложность представляет ситуация, когда страховая сумма по договору обязательного страхования не покрывает размер причиненного ущерба. В науке гражданского права обосновывается позиция, согласно которой интерпретация деликтной ответственности лица, застраховавшего свою ответственность, как субсидиарной, при том что основным должником по деликтному обязательству выступает страховщик, соответствует существу правоотношений [2]. Введение обязательного страхования ответственности изменяет характер самой ответственности, делая ответственными по одному и тому же требованию потерпевшего двух лиц: страховщика в качестве основного должника и причинителя вреда в качестве субсидиарного должника.

Для разрешения данной проблемы представляется необходимым внесение уточнений в статью 1072 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункт 4 статьи 931 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следует законодательно закрепить положение о том, что потерпевший в силу прямого указания закона получает деликтное требование к страховщику ответственности, что исключает квалификацию требования к страховщику и требования к причинителю вреда как двух самостоятельных требований, имеющих различную правовую природу. Судебной практике надлежит последовательно исходить из того, что причинитель вреда и страховщик являются должниками в одном деликтном обязательстве и могут выступать соответчиками по одному делу.

Третья проблема заключается в отсутствии единообразного подхода к определению размера утраченного заработка при возмещении вреда здоровью, а также в несовершенстве механизма индексации присужденных сумм. Действующее законодательство, предусматривая необходимость учета всех видов оплаты труда потерпевшего, не содержит четких критериев определения стабильного заработка, что порождает существенные различия в судебной практике. Особую сложность представляет исчисление утраченного заработка для лиц, имеющих нерегулярный или сезонный характер доходов. Кроме того, механизм индексации ежемесячных платежей, предусмотренный статьей 1091 Гражданского кодекса Российской Федерации, не всегда позволяет в полной мере компенсировать потери потерпевшего от инфляционных процессов.

Решение данной проблемы требует совершенствования методики расчета утраченного заработка с включением в законодательство усредненных показателей для различных категорий граждан и видов деятельности. Целесообразно законодательное закрепление порядка индексации ежемесячных платежей с применением официальных индексов потребительских цен либо с привязкой к росту величины прожиточного минимума трудоспособного населения в соответствующем регионе. Важным направлением является также развитие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам исчисления утраченного заработка и дополнительных расходов, направленных на обеспечение единства судебной практики.

Статья 53 Конституции Российской Федерации, провозглашая право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц, закладывает фундаментальную основу для

функционирования соответствующих правовых механизмов, пронизывающих различные отрасли российского права. В развитие данного конституционного положения сформировался сложный, многоуровневый комплекс нормативных предписаний, в рамках которого нормы гражданского, административного, бюджетного и иных отраслей права взаимодействуют, а нередко и конкурируют между собой, порождая проблемы правоприменения, требующие теоретического осмысления и выработки практических рекомендаций.

Административно-правовой аспект возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, раскрывается через систему публично-правовых обязательств государства, возникающих в связи с осуществлением органами публичной власти и их должностными лицами властных полномочий. Как справедливо отмечается в правовой доктрине, закрепленное в статье 53 Конституции Российской Федерации право каждого на возмещение государством вреда нашло свое отражение в отраслевом законодательстве, устанавливающем гражданско-правовую ответственность государства при рассмотрении обращений граждан, за нарушение законодательства, а также за бездействие публичных органов. При этом разрешая вопрос об ответственности органа или должностного лица публичной власти, форма вины — умысел либо неосторожность — не имеет правового значения, что свидетельствует о специфике публично-правовой ответственности, ориентированной в первую очередь на максимально полное восстановление нарушенных прав граждан.

Особого внимания заслуживает анализ соотношения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и специальных административно-правовых механизмов компенсации, предусмотренных для отдельных категорий граждан. В соответствии со статьей 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации, вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении обязанностей военной службы, службы в полиции и иных соответствующих обязанностей, возмещается по правилам главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности. Как разъяснено в Обзоре практики рассмотрения судами дел о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью военнослужащих, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 года, данная норма предполагает обеспечение выплаты государством в полном объеме возмещения такого вреда, но лишь в качестве меры гражданско-правовой ответственности государственных органов или их должностных лиц как причинителей этого вреда. При этом она позволяет использовать дополнительно к публично-правовым средствам социальной защиты военнослужащих меры гражданско-правовой ответственности в тех случаях, когда вина органов и должностных лиц государства в причинении вреда жизни или здоровью гражданина при исполнении им обязанностей военной службы установлена, что подтверждено Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2010 года № 18-П.

Административно-правовая природа рассматриваемых отношений проявляется также в специфике субъектного состава и характере реализуемых функций. Вред жизни или здоровью может быть причинен как в результате властно-распорядительной деятельности государственных органов (например, незаконное применение физической силы сотрудниками полиции), так и при оказании государственных и муниципальных услуг в социальной сфере. Федеральным законом от 13 июля 2020 года № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» в части 8 статьи 21 закреплено право на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью потребителя государственных услуг в социальной сфере. Во исполнение данной нормы Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 июля 2021 года № 1127 утверждены Правила принятия уполномоченным органом решения о возмещении потребителю государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере вреда, причиненного его жизни и (или) здоровью. Указанные Правила устанавливают особый административный порядок возмещения вреда, предполагающий обращение потерпевшего с заявлением в федеральное или региональное министерство либо муниципальный орган, в ведении которого находится исполнитель услуги, проведение ведомственной проверки с возможным привлечением Росздравнадзора (в случаях причинения вреда медиками), и принятие решения о возмещении вреда либо об отказе в таком возмещении по исчерпывающему перечню оснований, включая недостаточность бюджетных средств.

Размер компенсации в указанном административном порядке определяется с учетом всех расходов, необходимых для восстановления здоровья: стоимости лечения, лекарственных препаратов, дополнительного питания, протезирования, услуг постороннего ухода, санаторно-курортного лечения, затрат на приобретение специальных транспортных средств и подготовку к иной профессии. Возмещению подлежит также утраченный заработок или доход, который потерпевший мог бы получать при отсутствии повреждения здоровья. В случае смерти получателя услуги право на возмещение переходит к его иждивенцам по правилам статьи 1088 Гражданского кодекса Российской Федерации. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что данный административный механизм не подменяет собой гражданско-правовую ответственность непосредственного причинителя вреда, который может быть привлечен к ответственности на общих основаниях.

Существенной проблемой в исследуемой сфере выступает отсутствие единого концептуального подхода к разграничению гражданско-правовой и административно-правовой ответственности государства за вред, причиненный жизни или здоровью граждан при осуществлении публичных функций. Анализ законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о параллельном существовании двух правовых режимов: общего деликтного, основанного на статьях 16, 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации и реализуемого в порядке гражданского судопроизводства, и специального публично-правового, предусмотренного ведомственными законами и подзаконными актами и реализуемого в административном либо административно-судебном порядке. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 1 марта 2017 года № 3-П указал, что в системе действующего правового регулирования создан специальный публично-правовой механизм возмещения вреда, причиненного здоровью сотрудников органов внутренних дел, который имеет своим предназначением возмещение понесенных ими материальных потерь, обусловленных невозможностью дальнейшего прохождения службы вследствие полученного увечья. Однако критерии отнесения тех или иных отношений к сфере действия публично-правового либо частноправового механизма в законодательстве не конкретизированы, что порождает неопределенность в выборе надлежащего способа защиты и создает риски отказа в судебной защите по формальным основаниям. Разрешение данной проблемной ситуации видится в разработке и законодательном закреплении исчерпывающего перечня критериев отнесения требований о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, к сфере административного либо гражданского судопроизводства. Такими критериями могли бы стать: характер выполняемых функций (властно-распорядительные либо социально-обеспечительные); статус причинителя вреда (орган публичной власти, должностное лицо либо организация, оказывающая государственные услуги); наличие специальных публично-правовых гарантий, установленных для соответствующей категории граждан. Кроме того, требуется законодательное урегулирование порядка взаимодействия общих и специальных механизмов возмещения вреда, включая субсидиарное применение норм Гражданского кодекса Российской Федерации в части, не урегулированной специальным законодательством.

Значительную сложность представляет несовершенство механизма индексации сумм возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, в контексте публично-правовых обязательств государства. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений, включая постановления, приведенные в подборке судебных решений за 2025 год, последовательно указывает на недопустимость отказа в индексации размера ежемесячных выплат в возмещение вреда, поскольку в условиях инфляции, роста цен и динамики стоимости жизни это фактически приводило бы к постепенному снижению их реального содержания. Тем самым, вопреки цели, которую преследовал законодатель, лицам, вред здоровью которых был причинен в связи с установлением инвалидности вследствие военной травмы, не обеспечивалось бы сохранение надлежащего уровня материального обеспечения. Однако действующее законодательство не содержит единого порядка индексации указанных выплат, что порождает существенные различия в правоприменительной практике и ставит граждан в неравное положение в зависимости от того, каким именно законом регулируются соответствующие отношения. Преодоление указанных недостатков правового регулирования требует унификации правил индексации ежемесячных выплат в возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, независимо от основания их назначения и категории получателей. Представляется целесообразным установление единого

порядка индексации с применением официальных индексов потребительских цен либо с привязкой к росту величины прожиточного минимума соответствующей социально-демографической группы населения в целом по Российской Федерации. Такой подход позволил бы обеспечить реализацию конституционных гарантий, закрепленных в статьях 53 и 55 Конституции Российской Федерации, и исключить умаление права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема отсутствия четкой регламентации оснований и порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при осуществлении градостроительной деятельности. В системе правового регулирования отношений по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, особое место занимают случаи, когда такой вред наступает в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, возникающих при осуществлении градостроительной деятельности [4]. Указанная категория случаев характеризуется повышенной общественной опасностью, множественностью потерпевших, значительными размерами причиненного вреда, а также сложностью установления причинно-следственных связей между действиями конкретных лиц и наступившими последствиями. Природно-техногенный характер таких ситуаций предопределяет необходимость участия публично-правовых образований в процессах возмещения вреда, поскольку масштабы разрушений и количество пострадавших зачастую превышают возможности отдельных хозяйствующих субъектов по полному и своевременному возмещению причиненного вреда.

Действующее законодательство содержит лишь фрагментарное регулирование рассматриваемых отношений. Статья 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации, озаглавленная «Возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу физических лиц при осуществлении градостроительной деятельности или эксплуатации объектов капитального строительства вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», предусматривает, что при осуществлении градостроительной деятельности или эксплуатации объектов капитального строительства в случае причинения вреда жизни, здоровью или имуществу физических лиц вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления могут принять решения о компенсации определенным категориям физических лиц причиненного им вреда. При этом часть 2 указанной статьи устанавливает, что компенсация органами публичной власти такого вреда не освобождает лицо, виновное в его причинении, от ответственности, предусмотренной законом.

Анализ содержания статьи 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации позволяет выявить ряд существенных недостатков правового регулирования, препятствующих эффективной реализации заложенного в ней механизма. Прежде всего, обращает на себя внимание диспозитивный характер предоставленного органам публичной власти полномочия: законодатель использует формулировку «могут принять решения», что не создает у потерпевших граждан субъективного права требовать от государства компенсации причиненного вреда. Возмещение вреда в данном случае выступает не обязанностью, а правом публичного органа, реализуемым по собственному усмотрению в зависимости от наличия бюджетных средств, политической воли руководства и иных факторов, не связанных с необходимостью защиты нарушенных прав граждан. Такой подход противоречит конституционному принципу, закрепленному в статье 2 Конституции Российской Федерации, согласно которому признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства.

Другим существенным недостатком выступает отсутствие в статье 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации каких-либо критериев определения категорий физических лиц, имеющих право на компенсацию. Законодатель не устанавливает, относятся ли к таким категориям все потерпевшие независимо от степени тяжести вреда здоровью, либо право на компенсацию предоставляется лишь лицам, получившим тяжкий вред здоровью, либо круг получателей компенсации ограничивается членами семей погибших. Отсутствие указанных критериев создает риск избирательного подхода при принятии решений о компенсации, когда одни потерпевшие получают выплаты, а другие, находящиеся в аналогичном положении, такого права лишаются.

Подобная ситуация не согласуется с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, закрепленным в статье 19 Конституции Российской Федерации.

Не менее значимым пробелом правового регулирования выступает отсутствие порядка исчисления и выплаты компенсации. Статья 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации не содержит ни методики определения размера компенсационных выплат, ни процедуры обращения за их получением, ни сроков принятия решений и осуществления выплат. Не определено также, какие именно органы публичной власти (федеральные, региональные или муниципальные) и в каких случаях уполномочены принимать решения о компенсации. Отсутствие указанных procedural норм делает практически невозможной реализацию предусмотренного законом механизма, поскольку потерпевшие лишены возможности реализовать свое право на компенсацию, а органы публичной власти не имеют четких ориентиров для принятия соответствующих решений.

Особого внимания заслуживает вопрос об источниках финансирования компенсационных выплат. Статья 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации не определяет, за счет средств каких бюджетов (федерального, региональных, местных) должны производиться такие выплаты, а также не устанавливает порядок взаимодействия бюджетов различных уровней при возмещении вреда, причиненного в результате чрезвычайных ситуаций. Отсутствие финансового обеспечения компенсационных механизмов делает их декларативными, поскольку даже при наличии политической воли у органов публичной власти произвести выплаты может оказаться невозможным из-за отсутствия соответствующих бюджетных ассигнований.

Существенной проблемой выступает также отсутствие в законодательстве четкого разграничения ответственности между государством и непосредственными причинителями вреда. Часть 2 статьи 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации указывает на то, что компенсация со стороны публичных органов не освобождает виновное лицо от ответственности, однако не определяет правовую природу такой компенсации и ее соотношение с гражданско-правовой ответственностью причинителя вреда. Остается неясным, является ли компенсация со стороны государства авансом, подлежащим последующему взысканию с виновного лица в порядке регресса, либо это самостоятельная публично-правовая выплата, не влияющая на обязанность причинителя вреда возместить вред по правилам главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации. Не определено также, в каком порядке государство, осуществившее компенсационные выплаты, может предъявить требования к непосредственному причинителю вреда.

Практика применения статьи 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации свидетельствует о крайне низкой эффективности заложенного в ней механизма. Анализ доступных материалов судебной практики и официальных данных органов публичной власти показывает, что случаи принятия решений о компенсации вреда на основании указанной нормы единичны, а размеры выплат, как правило, не соответствуют реально причиненному вреду. Потерпевшие вынуждены обращаться за защитой своих прав в общем порядке, предъявляя иски к конкретным причинителям вреда, что зачастую оказывается невозможным либо неэффективным по причине множественности причинителей, сложности доказывания причинно-следственных связей, недостаточности имущества у виновных лиц для возмещения вреда в полном объеме либо ликвидации таких лиц к моменту рассмотрения дела.

С теоретической точки зрения, проблема отсутствия четкой регламентации оснований и порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при осуществлении градостроительной деятельности, может быть рассмотрена в нескольких аспектах. Во-первых, это проблема конституционно-правового характера, связанная с реализацией закрепленного в статье 53 Конституции Российской Федерации права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов публичной власти. Применительно к чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера возникает вопрос о том, можно ли рассматривать действия (бездействие) государственных органов, допустивших строительство и эксплуатацию объектов в условиях потенциальной опасности, в качестве основания для ответственности государства по правилам статей 16, 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации. Во-вторых, это проблема межотраслевого взаимодействия норм гражданского, административного, градостроительного и бюджетного законодательства, поскольку отношения по возмещению вреда в рассматриваемой сфере регулируются комплексом разноотраслевых

предписаний, согласование которых в действующем правовом порядке не достигнуто. В-третьих, это проблема соотношения публично-правовых и частноправовых механизмов возмещения вреда, включая определение оптимальной модели распределения ответственности между государством и непосредственными причинителями вреда.

Решение обозначенной проблемы видится в разработке и принятии специального федерального закона, устанавливающего единые стандарты компенсационных выплат пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при осуществлении градостроительной деятельности. Такой закон должен определить следующие ключевые элементы правового регулирования.

Во-первых, необходимо закрепить перечень лиц, имеющих право на компенсацию, с дифференциацией в зависимости от характера и степени причиненного вреда. К таким лицам следует отнести: лиц, получивших вред здоровью различной степени тяжести (с выделением тяжкого вреда, вреда средней тяжести и легкого вреда); членов семей погибших, включая лиц, состоявших на иждивении умершего; лиц, утративших кормильца вследствие смерти кормильца, вызванной чрезвычайной ситуацией. При определении круга лиц, имеющих право на компенсацию, целесообразно использовать критерии, установленные Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и Федеральным законом от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», что позволит обеспечить системное единство правового регулирования.

Во-вторых, требуется установить размеры компенсационных выплат с дифференциацией в зависимости от степени тяжести вреда здоровью. Представляется целесообразным определение фиксированных сумм компенсации для каждой категории потерпевших с их последующей ежегодной индексацией с учетом уровня инфляции. Например, для лиц, получивших тяжкий вред здоровью, может быть установлена компенсация в размере, эквивалентном определенной сумме, для лиц, получивших вред средней тяжести, — в меньшем размере, для лиц, получивших легкий вред, — в минимальном размере. Для членов семей погибших целесообразно установить повышенные размеры компенсации с дополнительной выплатой на погребение в размере, определяемом в соответствии с законодательством о погребении и похоронном деле.

В-третьих, необходимо определить порядок обращения за компенсацией и принятия решений уполномоченными органами. Такой порядок должен предусматривать: подачу заявления в уполномоченный орган (например, в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации по месту жительства потерпевшего либо по месту нахождения объекта капитального строительства, эксплуатация которого привела к чрезвычайной ситуации); перечень документов, подтверждающих факт причинения вреда, его характер и степень тяжести, а также родственные отношения (для членов семей погибших); сроки рассмотрения заявления и принятия решения; порядок обжалования отказа в выплате компенсации либо несогласия с ее размером.

В-четвертых, требуется определить источники финансирования компенсационных выплат. С учетом масштабов возможных чрезвычайных ситуаций и значительных размеров потенциальных выплат представляется обоснованным установление многоуровневой системы финансирования с распределением расходов между федеральным бюджетом, бюджетами субъектов Российской Федерации и местными бюджетами в зависимости от характера чрезвычайной ситуации и масштабов причиненного вреда. Целесообразно создание резервных фондов для финансирования компенсационных выплат пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций на федеральном и региональном уровнях.

В-пятых, необходимо урегулировать порядок взаимодействия государства и непосредственных причинителей вреда. Представляется обоснованным закрепление субсидиарного характера ответственности государства, при котором компенсационные выплаты производятся публично-правовым образованием в случае невозможности получения возмещения от непосредственного причинителя вреда (например, при его ликвидации, недостаточности имущества для удовлетворения требований всех потерпевших, невозможности установления конкретных виновных лиц). При этом государство, осуществившее компенсационные выплаты, должно приобретать право регрессного требования к непосредственным причинителям вреда в пределах произведенных выплат, что позволит обеспечить баланс частных и публичных интересов.

Целесообразно дополнить статью 61 Градостроительного кодекса Российской Федерации положением, обязывающим застройщиков и иных лиц, осуществляющих градостроительную деятельность, страховать свою гражданскую ответственность за вред, который может быть причинен жизни, здоровью или имуществу физических лиц в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при строительстве и эксплуатации объектов капитального строительства. Введение обязательного страхования позволит создать дополнительный финансовый источник для возмещения вреда и снизить нагрузку на бюджетную систему. При этом размер страховой суммы должен определяться с учетом потенциальной опасности объекта капитального строительства и количества лиц, которые могут пострадать в результате чрезвычайной ситуации.

Кроме того, требуется разработка методики определения размера вреда, причиненного жизни или здоровью граждан в результате чрезвычайных ситуаций, которая учитывала бы все подлежащие возмещению элементы: утраченный заработок (доход), дополнительные расходы, вызванные повреждением здоровья, расходы на погребение, а также компенсацию морального вреда. Такая методика может быть утверждена на федеральном уровне, например, постановлением Правительства Российской Федерации, и применяться как при определении размера компенсационных выплат, производимых государством, так и при исчислении размера гражданско-правовой ответственности непосредственных причинителей вреда.

Важным элементом совершенствования правового регулирования выступает также установление специальных правил доказывания по делам о возмещении вреда, причиненного в результате чрезвычайных ситуаций. Учитывая сложность установления причинно-следственных связей между градостроительной деятельностью и наступившими последствиями, целесообразно законодательное закрепление презумпции причинения вреда в результате действий (бездействия) лиц, осуществлявших строительство и эксплуатацию объекта капитального строительства, если чрезвычайная ситуация возникла в процессе такой деятельности либо в период эксплуатации объекта. Данная презумпция может быть опровергнута представлением доказательств того, что вред причинен исключительно вследствие обстоятельств непреодолимой силы либо умысла самого потерпевшего.

Таким образом, проблема отсутствия четкой регламентации оснований и порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при осуществлении градостроительной деятельности, представляет собой комплексную правовую проблему, требующую системного законодательного решения. Разработка и принятие специального федерального закона, регулирующего указанные отношения, позволит обеспечить реализацию конституционного права граждан на возмещение вреда, причиненного их жизни или здоровью, создать эффективный механизм защиты прав потерпевших в чрезвычайных ситуациях, установить справедливый баланс ответственности между государством и непосредственными причинителями вреда, а также повысить уровень безопасности градостроительной деятельности и эксплуатации объектов капитального строительства.

Межотраслевой анализ института возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, позволяет констатировать наличие устойчивой тенденции к расширению сферы административно-правового регулирования соответствующих отношений. Данная тенденция проявляется в создании специальных публично-правовых механизмов компенсации для отдельных категорий граждан, в развитии административных процедур возмещения вреда при оказании государственных услуг, а также в формировании судебной практики, ориентированной на применение норм административного судопроизводства к требованиям о компенсации морального вреда, причиненного действиями публичной власти. Вместе с тем сохраняющиеся пробелы и противоречия в правовом регулировании, включая отсутствие единых критериев разграничения частноправовых и публично-правовых механизмов возмещения вреда, несовершенство индексации присужденных сумм и декларативность отдельных законодательных положений, требуют дальнейшего совершенствования законодательства и формирования единообразных подходов в правоприменительной практике. Достижение указанных целей позволит обеспечить реализацию конституционного права каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными

действиями или бездействием органов публичной власти и их должностных лиц, в полном объеме и на недискриминационной основе.

Таким образом, обязательства по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, представляют собой сложный, многоуровневый правовой институт, требующий дальнейшего совершенствования как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Выявленные научные проблемы свидетельствуют о необходимости системного подхода к их разрешению, включающего как изменение действующего законодательства, так и формирование единообразных подходов в судебной практике на основе актуальных разъяснений высшей судебной инстанции.

Список использованных источников

1. Агибалова, Е. Н. Деликтные обязательства: учебное пособие / Е. Н. Агибалова; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. - 112 с.
2. Крашенинников, П.В. Обязательства вследствие причинения вреда. Постатейный комментарий главы 59 ГК РФ. / П.В. Крашенинников М.: Статут, 2009. – 302 с.
3. Медведев, М.Ф. Возмещение вреда реабилитированному гражданину: Учеб. пособие / М. Ф. Медведев; М-во общ. и проф. образования РФ. Волгогр. гос. ун-т, Волж. гуманитар. ин-т. - Волгоград, 1998. - 60 с.; 21 см.; ISBN 5-85534-160-7: 73 экз. С. 6
4. Садилов, О.Н. Гражданское право России. Обязательственное право. О. Н. Садилов М.: Юристъ, 2004. - 136 с.

2.9. ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ И КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Шаповалов Сергей Иванович, магистр юриспруденции, старший преподаватель кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Возмещение убытков и взыскание компенсации как способы защиты гражданских прав занимают одно из важнейших мест в системе обеспечения правопорядка и законности. В системе способов защиты интеллектуальных прав возмещение убытков и взыскание компенсации занимают центральное место в механизме обеспечения баланса интересов правообладателей, авторов и пользователей объектов интеллектуальной собственности. В последние несколько лет российское гражданское законодательство в сфере интеллектуальной собственности активно реформируется, что связано как с общими социально-экономическими, технологическими трансформациями, так и с правоприменительной практикой в данной области.

Способы защиты права на результаты интеллектуальной деятельности и на приравненные к ним средства индивидуализации зависят от того, какое право нарушено (исключительное или личное неимущественное). Но есть и общие для них способы защиты - например, публикация решения суда о допущенном нарушении. При выборе способа защиты необходимо учитывать также и характер нарушения. Например, иногда актуальным будет требование пресечь действия, которые нарушают право. Если же эти действия уже совершены, подойдут другие способы - в частности, требование возместить убытки или уплатить компенсацию.

В случае нарушения исключительного права против нарушителя могут применить способы защиты, которые предусмотрены Гражданским кодексом Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), с учетом существа нарушенного права и последствий нарушения. Способы перечислены в ст. 12 ГК РФ [1] и уточнены в его положениях о защите прав на результаты интеллектуальной деятельности (п. 1 ст. 1250 ГК РФ [2], п. 57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10) [3].

За нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности установлена гражданско-правовая, административная, уголовная ответственность, что определяется видом правонарушения и его последствиями. При этом гражданско-правовая ответственность не исключает применения мер административной или уголовной.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, как правило, носит имущественный характер.

Кроме того, организация, которая по своей вине неоднократно или грубо нарушает исключительные права, может быть ликвидирована судом по требованию прокурора. По подобным основаниям суд может прекратить и деятельность гражданина в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 1253 ГК РФ).

Компенсация как особая мера ответственности за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации предусмотрена частью четвертой ГК РФ. Компенсация может применяться наряду с иными общими или специальными мерами защиты исключительных прав. Однако, как прямо предусмотрено в абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, одновременное заявление требований и о взыскании убытков, и о взыскании компенсации не допускается. Компенсация также не применяется при нарушении исключительных прав на секрет производства.

Вопрос о правовой природе компенсации за нарушение исключительного права является одним из наиболее сложных и дискуссионных в современном праве интеллектуальной собственности. И хотя он носит прежде всего теоретический характер, его практическое значение достаточно очевидно. Взыскание компенсации - самый востребованный способ защиты исключительного права, к которому обращаются правообладатели при выявлении факта несогласованного использования объекта интеллектуальной собственности. От воззрений на природу компенсации напрямую зависит определение размера сумм, взыскиваемых с нарушителей в пользу правообладателей в конкретных спорных ситуациях.

Анализ норм действующего законодательства не позволяет сделать однозначный вывод о правовой природе компенсации за нарушение исключительного права.

С одной стороны, из п. 3 ст. 1252 ГК РФ, следует, что компенсация может быть взыскана в пользу потерпевшего правообладателя вместо возмещения убытков, при этом ее размер должен определяться с учетом требований разумности и справедливости. Данные положения, казалось бы, свидетельствуют о восстановительном характере рассматриваемого способа защиты, так как в них прямо подчеркивается, что компенсация является альтернативным по отношению к возмещению убытков способом защиты. Хотя нормы деликтного права допускают установление в законе компенсации сверх возмещения вреда (абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК) и примеры этого известны, по смыслу п. 3 ст. 1252 ГК компенсация за нарушение исключительного права таковой не является.

Компенсация является мерой гражданско-правовой ответственности, поскольку применяется: между юридически равными субъектами; по требованию и в пользу потерпевшей стороны; для защиты частного имущественного права потерпевшего; имеет преимущественной целью возмещение имущественных потерь правообладателя (компенсаторная, восстановительная функция).

Компенсация носит штрафной характер. В основу данного подхода положен тезис о том, что компенсация должна не только и не столько восстанавливать имущественное положение потерпевшего правообладателя, сколько выполнять превентивную и карательную функции с целью минимизации подобных нарушений в будущем. По мнению сторонников этой концепции, указанные функции должны преобладать в связи с тем, что вероятность совершения новых нарушений исключительного права всегда велика, что, в свою очередь, объясняется доступностью современных средств копирования и иного использования объектов интеллектуальной собственности, которые в большинстве своем представляют собой нематериальные блага.

Анализ отечественных литературных источников по данной теме показывает, что во многих случаях позиция по рассматриваемому вопросу лишь высказывается, но не аргументируется. Кроме того, очевидной особенностью исследований, посвященных правовой природе компенсации, в отечественной доктрине является ее рассмотрение в целом, без учета отдельных разновидностей компенсации, которых по действующему законодательству три, а это, на наш взгляд, делает результаты проводимых исследований недостаточно точными [4].

Согласно п. 59 Постановления № 10 правообладатель, предъявивший требование о взыскании с нарушителя компенсации, не обязан доказывать факт несения убытков. Это разъяснение можно интерпретировать в пользу штрафного характера компенсации: если взыскание компенсации допустимо даже при отсутствии убытков, то, значит, ее размер может превышать размер убытков. Хотя данное разъяснение зачастую понимается именно таким образом, на наш взгляд, его следует понимать сугубо в процессуальном смысле: правообладатель освобождается от доказывания факта несения убытков вследствие нарушения исключительного права, поскольку наличие убытков при нарушении данного права презюмируется [5].

Положения п. 41 Постановления № 10 позволяют сделать вывод о восстановительном характере компенсации. Из них следует, что если лицензионным договором предусмотрено условие об ответственности лицензиата в форме неустойки за использование объекта, которое по сроку, территории или способам выходит за пределы лицензионного договора, то убытки или компенсация могут быть взысканы с лицензиата в сумме, не покрытой данной неустойкой. Как видим, компенсация в данном случае поставлена в один ряд со взысканием убытков: обе меры ответственности носят восстановительный характер, предполагают их применение в той мере, в какой убытки превышают размер договорной неустойки.

Таким образом, актуальным и подлежащим применению на практике следует считать третий подход, предполагающий двойственную природу компенсации: цель восстановления имущественного положения правообладателя сочетается с целями превенции новых нарушений и наказания нарушителя. Условием применения данной меры ответственности является противоправность поведения.

На выбор компенсации в качестве меры ответственности оказала влияние практика рассмотрения российскими судами исков о взыскании убытков с крайне жесткими стандартами доказывания их факта и размера.

Правообладатель, заявляя требование о взыскании компенсации, не должен доказывать факт причинения и размер убытков (при этом компенсация может быть взыскана независимо от наличия вреда (убытков)). Поэтому правообладателю нет необходимости доказывать эти обстоятельства, достаточно лишь доказать факт нарушения своего исключительного права. Размер причиненных убытков может иметь значение в качестве подлежащего учету обстоятельства дела при определении судом размера компенсации. В конечном счете назначенная судом сумма компенсации в ряде случаев может превысить действительно причиненные правообладателю убытки [6].

Вопрос о правовой природе компенсации как способа защиты исключительного права предполагает рассмотрение трех более частных вопросов - о ее происхождении, функциях, которые она выполняет, и содержании. Вывод о правовой природе компенсации рассматриваемого вида должен быть скорректирован применительно к ситуации, когда с нарушителя взыскивается двукратная стоимость контрафакта, который он предлагал к продаже, но не успел реализовать. В таком случае говорить о кондикционной природе данного требования в части взыскания стоимости контрафакта нет оснований, поскольку фактически нарушитель не обогатился вследствие неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности. Компенсация в виде двукратной стоимости контрафакта играет в данном случае роль исключительно меры гражданско-правовой ответственности. В зависимости от размера взысканной суммы и ее соотношения с размером убытков правообладателя она может выполнять или только восстановительную функцию, или восстановительную и штрафную одновременно [7].

В 2025 году принят Федеральный закон № 214-ФЗ "О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации", вступивший в силу 4 января 2026 г. [8], который в очередной раз адаптировал институт компенсации за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Новые положения направлены на повышение эффективности правоприменительной практики, а также на стимулирование добросовестного поведения участников гражданского оборота.

В частности, в Гражданский кодекс РФ введена отдельная ст. 1252.1 "Компенсация за нарушение исключительного права", которая устанавливает общие положения о компенсации как о мере гражданско-правовой ответственности, а также определяет порядок и способы ее расчета. Теперь на законодательном уровне установлено, что нарушением исключительного права считается каждое незаконное использование одного и того же результата интеллектуальной деятельности или

средства индивидуализации посредством одного способа.

Это устраняет прежние споры по вопросу о квалификации так называемой множественности нарушений - не каждое отдельное действие (например, каждый экземпляр контрафактного товара) считается самостоятельным нарушением, если они осуществлены одинаковым способом в отношении одного объекта. Важным является также увеличение максимального размера компенсации: верхний предел компенсации, которую суд может назначить в твердой сумме за нарушение исключительного права, на законодательном уровне вырос с прежних 5 млн до 10 млн руб. Эта мера направлена на усиление защиты правообладателей и создание более действенного экономического инструмента для пресечения нарушений. Новые изменения позволяют учитывать степень вины нарушителя, масштаб нарушения (размер, количество нарушений), последствия для правообладателя, фактическую стоимость аналогичных прав в обороте.

В новой статье закреплены три способа расчета компенсации: 1) в твердой сумме, а также 2) в размере, кратном стоимости контрафактного носителя или 3) по праву использования (п. 2 ст. 1252.1 ГК РФ). Если выбранный правообладателем способ определения компенсации не подходит для конкретной ситуации, согласно новым изменениям суд имеет право определить компенсацию в твердом размере (п. 3 ст. 1252.1 ГК РФ). Это изменение представляется также важным, так как ранее суды не могли по собственной инициативе изменить заявленный истцом способ расчета компенсации, даже если он не соответствовал обстоятельствам дела, что зачастую приводило к отказу в удовлетворении иска. Помимо этого, был увеличен минимальный размер компенсации за нарушение патентных прав, и теперь он составляет от 50 тыс. руб. до 10 млн руб. (подп. 1 ст. 1406.1 ГК РФ).

Новая редакция закона предусматривает, что при оценке размера компенсации суды вправе рассматривать несколько однородных нарушений, совершенных одним лицом одним и тем же способом в отношении одного и того же объекта, как одно нарушение, а не как совокупность отдельных нарушений. Такой подход исключает возможность чрезмерного и неоправданного увеличения ответственности нарушителя из-за формальной множественности совершенных им действий.

Помимо этого, предусматривается возможность снижения компенсации по усмотрению суда: законом установлено, что суд может уменьшить размер взыскиваемой компенсации ниже минимально предусмотренного в законодательстве предела в случаях, когда будет доказано, что нарушитель не знал и не мог знать о том, что совершает нарушение исключительного права.

Незаконное использование одного объекта интеллектуальной собственности одним и тем же способом рассматривается теперь как одно нарушение исключительного права, но, если определенный способ использования объекта объективно необходим для реализации другого способа использования и не обладает самостоятельной экономической ценностью, такое действие не считается отдельным нарушением, за которое можно потребовать компенсацию (п. 5 ст. 1252.1 ГК РФ).

Действия, связанные с обходом технических средств защиты, а также с удалением или изменением сведений об авторском праве, сами по себе не являются нарушением исключительного права, однако способствуют нарушению.

Важное изменение для определения компенсации в случае нарушения прав в сети Интернет заключается в том, что допускается использование произведения без согласия правообладателя (например, при свободном использовании - цитировании или воспроизведении в учебных целях), при этом отсутствие указания имени автора, когда оно не содержится в источнике, из которого произведение заимствовано, не квалифицируется как нарушение исключительного права. Такое условие по-новому определяет правила цитируемости, которые были установлены в судебной практике, особенно в отношении тех произведений, которые были опубликованы в сети Интернет. Отдельно можно отметить, что такие действия, как неуказание автора, могут считаться нарушением личных неимущественных прав автора.

Изменениями также введено правило о солидарной ответственности для лиц, которые независимо друг от друга совершили самостоятельные нарушения в отношении одного и того же объекта, используя одни и те же контрафактные материальные носители (например, распространяли одинаковые поддельные экземпляры продукции). Это позволяет упростить процедуру взыскания компенсации и повысить ее эффективность.

Определено, что в случае, если нарушенные исключительные права принадлежат сразу нескольким лицам, взысканная судом компенсация подлежит равному разделу между всеми правообладателями. Это обеспечивает справедливое распределение защищаемых интересов между совладельцами объекта интеллектуальной собственности.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности применяется как мера ответственности при удовлетворении следующих требований:

1) о признании права, такое требование предъявляют к лицу, которое отрицает право или иным образом не признает его, чем нарушает интересы правообладателя (пп. 1 п. 1 ст. 1252 ГК РФ);

2) о пресечении действий, которые нарушают право или угрожают его нарушить, к лицу, которое это делает или к этому готовится, а также к иным лицам, которые могут это пресечь. Такое требование удовлетворят, если есть угроза нарушения или оно еще не завершено. Например, контрафактный товар, запретить продажу которого требует правообладатель, еще не распродан (пп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ);

3) о возмещении убытков, причиненных нарушением, или выплате компенсации (в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом РФ). С этими требованиями обращаются к лицу, которое неправомерно использует результат интеллектуальной деятельности без соглашения с правообладателем или нарушает его исключительное право иначе, причиняя ущерб, в частности не платит согласованное вознаграждение (пп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ). Потребовать возместить убытки можно, например, от лица, которое неправомерно узнало секрет производства (ноу-хау) и разгласило его, если иная ответственность не предусмотрена законом или договором (п. 1 ст. 1472 ГК РФ);

4) об изъятии контрафактных материальных носителей (диски, журналы и т.п.). Этого можно потребовать от целого ряда лиц: изготовителя такого носителя, импортера, хранителя, перевозчика, продавца, иного распространителя, недобросовестного приобретателя (пп. 4 п. 1, п. 4 ст. 1252 ГК РФ);

5) об опубликовании решения суда о допущенном нарушении, с указанием действительного правообладателя, - требование предъявляется к нарушителю права (пп. 5 п. 1 ст. 1252 ГК РФ).

Компенсацию можно потребовать только тогда, когда она прямо предусмотрена Гражданским кодексом РФ за нарушение исключительного права на конкретный результат интеллектуальной деятельности (например, на произведение, объект смежных прав, изобретение, полезную модель или промышленный образец). В таком случае правообладатель может выбрать, что требовать от нарушителя - возместить убытки или выплатить компенсацию. В последнем случае доказывать размер убытков не нужно. Компенсацию взыщут, если доказан факт правонарушения (п. 1 ст. 1252.1, ст. ст. 1301, 1311, 1406.1 ГК РФ).

В некоторых случаях можно взыскать компенсацию за совершение действий, которые не являются нарушением исключительного права, но способствовали ему. Например, это можно сделать, когда без разрешения автора произведения или иного правообладателя удалена или изменена информация об авторском праве (п. 1 ст. 1252.1, пп. 1 п. 2, п. 3 ст. 1300 ГК РФ).

Компенсацию исчисляют одним из установленных способов расчета. Основания для применения конкретного способа и предельные размеры компенсации определены Гражданским кодексом РФ в отношении отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности с учетом их особенностей. Например, правообладатель изобретения по своему выбору может потребовать компенсацию (п. 2 ст. 1252.1, ст. 1406.1 ГК РФ):

1) в размере от 50 тыс. до 10 млн руб.;

2) в размере двукратной стоимости права использования изобретения. Стоимость определяют исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование такого изобретения способом, который использовал нарушитель.

С требованием о компенсации нужно обращаться в суд. Если и правообладатель, и нарушитель – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель и спор подлежит рассмотрению арбитражным судом, то сначала необходимо предъявить претензию. Иск в суд по общему правилу можно подавать, когда нарушитель полностью или частично откажется удовлетворить претензию или вы не получите ответа в 30-дневный срок со дня ее направления (п. 1 ст. 1248, п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ).

Если правообладателей несколько, потребовать взыскать компенсацию может один из них или несколько. Лицо, которое обратилось с требованием, должно передать взысканную компенсацию всем правообладателям в равных долях, если иное не предусмотрено законом, соглашением правообладателей или не вытекает из существа отношений между ними (п. 6 ст. 1252.1 ГК РФ).

Размер компенсации суд определяет в зависимости от обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения с учетом требований разумности и справедливости. Например, на размер компенсации за неправомерное использование в сети Интернет объекта авторских и (или) смежных прав повлияют, в частности, данные о посещаемости и доходности сайта, где он неправомерно использовался, длительность такого использования, систематичность нарушения (п. 2 ст. 1252.1 ГК РФ, п. 21 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети Интернет (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024)) [9].

Есть особенности определения размера компенсации, если исключительное право нарушило лицо при осуществлении предпринимательской деятельности, которое не знало (не должно было знать), что допускает нарушение.

Если правообладатель выбрал способ расчета компенсации, который нельзя применить исходя из обстоятельств нарушения исключительного права, суд может взыскать ее в твердом размере согласно требованиям ст. 1252.1 ГК РФ (п. 3 этой статьи ГК РФ).

Взыскать компенсацию не получится, если применен такой способ использования результата интеллектуальной деятельности, который объективно нужен для применения другого способа использования и сам по себе не имеет самостоятельного экономического значения (п. 5 ст. 1252.1 ГК РФ).

Выбор компенсации вместо возмещения убытков означает, что правообладателю не нужно доказывать размер убытков (п. 1 ст. 1252.1 ГК РФ). Требование об уплате компенсации за нарушение права вместо возмещения убытков (по выбору правообладателя), если такой выбор предоставлен нормами Гражданского кодекса РФ. Например, он есть у обладателей прав на произведение, изобретение, полезную модель или промышленный образец (пп. 3 п. 1 ст. 1252, п. 1 ст. 1252.1, ст. ст. 1301, 1406.1 ГК РФ).

Размер компенсации определит суд в пределах, установленных Гражданским кодексом РФ, в зависимости от обстоятельств совершения нарушения с учетом требований разумности и справедливости (п. 2 ст. 1252.1 ГК РФ). В частности, при установлении размера компенсации за нарушение исключительного права на объект авторских и (или) смежных прав, неправомерно использованный в сети Интернет, суд учтет (п. 21 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети Интернет (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024)): данные о посещаемости и доходности сайта; длительность неправомерного использования; характер деятельности нарушителя; систематичность нарушений.

Для случаев, когда нарушитель не знал и не должен был знать, что в ходе предпринимательской деятельности нарушает исключительное право, есть ограничение максимального размера компенсаций. Так, суд может определить компенсацию в твердой сумме в размере от 10 тыс. до 500 тыс. руб., а компенсацию в виде стоимости контрафактных материальных носителей или стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности (средства индивидуализации) - от однократного до двукратного размера (п. 7 ст. 1252.1 ГК РФ).

Компенсация не взыскивается, если применен способ использования результата интеллектуальной деятельности (средства индивидуализации), который объективно необходим для применения другого способа и сам по себе не имеет экономического значения (п. 5 ст. 1252.1 ГК РФ);

Суд может взыскать неустойку, если она предусмотрена законом или договором (ст. 12, п. 1 ст. 330 ГК РФ). Например, лицензионный договор может предусматривать штраф за нарушение исключительных прав лицензиара.

Компенсация за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 1252 ГК РФ), представляет собой меру гражданско-правовой ответственности, альтернативную по отношению к убыткам и закреплена в четвертой части Гражданского кодекса РФ.

А.Г. Серго указывает, что институт компенсации, заложенный в ГК РФ, изначально был предназначен для предоставления правообладателям сравнительно простого механизма взыскания с правонарушителя вероятных убытков без необходимости их строгого математического обоснования [10].

В юридической литературе и судебных актов можно выделить одну интересную характеристику: авторы помимо «карательных» функций компенсации уделяют внимание и ее превентивной составляющей. Добросовестный участник гражданского оборота при защите своих исключительных прав рассчитывает получить наибольший размер компенсации, что побуждает осознанно подходить к процедуре доказывания размера взыскиваемой суммы [11].

Новые правила определения и взыскания компенсации свидетельствуют о стремлении российского законодателя повысить прозрачность и предсказуемость механизма защиты интеллектуальных прав. Уточнение критериев расчета компенсации способствует формированию более единообразной судебной практики и снижению риска злоупотреблений как со стороны правообладателей, так и нарушителей. Более того, введенные правовые механизмы оказывают существенное влияние на правоприменительную практику, делая инструменты защиты исключительных прав более эффективными и отвечающими актуальным потребностям цифровизации, и способствуют появлению новейших результатов творческого труда [12].

Некоторые заложенные в нормах ГК РФ положения о компенсации создавали основания для несбалансированного и даже несправедливого подхода, порождающего извлечение недобросовестными правообладателями чрезмерных имущественных выгод.

При нарушении одним действием исключительных прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации размер компенсации определялся судом за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. При предъявлении требований о взыскании компенсации в твердой сумме конкретный размер в установленном законом рамках суды устанавливали с учетом целого ряда факторов: обстоятельств, связанных с объектом нарушенных прав (например, его известность публике), характера допущенного нарушения (в частности, размещен ли товарный знак на товаре самим правообладателем или третьими лицами без его согласия, осуществлено ли воспроизведение экземпляра самим правообладателем или третьими лицами и т. п.), срока незаконного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, наличия и степени вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно), вероятных имущественных потерь правообладателя, данных о том, являлось ли использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, существенной частью хозяйственной деятельности нарушителя. С учетом этих обстоятельств суд принимает решение исходя из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения. При этом, несмотря на требование учета характера нарушения при определении размера компенсации в установленных законом пределах, в целом ряде случаев взысканные даже в минимальном размере – 10 тыс. рублей за каждое нарушение, – размер суммы оказывался очень значительным.

Таким образом, ответственность за нарушение исключительных прав может наступать как в рамках гражданско-правовых отношений (например, при нарушении лицензионного договора), так и в случаях прямого посягательства на права правообладателя. В зависимости от характера нарушения, оно может повлечь взыскание компенсации, возмещение убытков, изъятие контрафактной продукции, а в некоторых случаях – административную или уголовную ответственность.

Нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации влечет за собой гражданско-правовую ответственность. Это может произойти как при неисполнении или ненадлежащем исполнении условий лицензионного договора, так и при использовании объектов интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя.

В случае нарушения лицензионного договора, помимо общих последствий, предусмотренных гражданским законодательством для гражданско-правовых договоров (например, уплата неустойки, отказ от договора), применяются специальные нормы. Лицензиар вправе требовать взыскания убытков или выплаты компенсации, если договором не предусмотрено иное. При существенном нарушении обязанности по уплате вознаграждения лицензиар может в

одностороннем порядке отказаться от договора и потребовать возмещения убытков.

При прямом нарушении исключительных прав (например, неправомерное использование графического рисунка, фотографий, дизайна одежды, музыкальных произведений) защита осуществляется путем предъявления требований о признании права, пресечении нарушений, возмещении убытков или выплате компенсации. Компенсация может быть взыскана вместо возмещения убытков.

Особая ответственность предусмотрена для информационных посредников. Если они не предпринимают мер для пресечения нарушений, они могут быть привлечены к ответственности. Вещатели несут ответственность за нарушение авторских прав при интернет-трансляции, даже если она осуществляется через сторонние сервисы.

Помимо гражданско-правовой ответственности, нарушение исключительных прав может повлечь административную или уголовную ответственность. В случаях неоднократных или грубых нарушений исключительных прав юридическое лицо может быть ликвидировано, а деятельность индивидуального предпринимателя – прекращена.

Таким образом, возмещение убытков и взыскание компенсации как способы защиты исключительных прав направлены на восстановление имущественного положения правообладателя, при этом механизм компенсации используется как альтернатива возмещению убытков, нередко ввиду сложности определения и доказывания размера убытков. При этом сохраняется подход недопустимости взыскания компенсации, размер которой значительно (многократно) превышает размер действительных или вероятных убытков правообладателя, в связи с чем, у суда сохраняется возможность снизить размер компенсации как меры гражданско-правовой ответственности.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // "Российская газета", № 96, 06.05.2019.
4. Ситдикова Р.И. Компенсация за нарушение исключительного права: новое в законодательстве // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 5. С. 4 - 7.
5. Иванов Н.В. Условия гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права. Часть 1 // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. №. 6. С. 14 - 18.
6. Новоселова Л.А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития // Вестник ФИПС. 2024. Т. 3. № 3 (9). С. 220-231.
7. Ситдикова Р.И. Компенсация за нарушение исключительного права: новое в законодательстве // ИС. Промышленная собственность. 2025. № 5. С. 4 - 7.
8. Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ "О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 14.07.2025, № 28, ст. 3854.
9. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант плюс». URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения - 28.02.2026).
10. Серго А.Г. Искусство зарабатывать на искусстве, или Обзор судебной практики по взысканию компенсации за нарушение исключительных прав // Вестник арбитражной практики, 2024. № 2. С. 80-86.
11. Болгарский А.В. Компенсация за нарушение исключительных прав: особенности процедуры доказывания и данные судебной статистики // Архонт. 2024. № 9 (48). С. 39-43.
12. Иванов Н.В. Правовая природа компенсации за нарушение исключительного права // Закон. 2024. N 9. С. 129 - 145.

РАЗДЕЛ 3. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТРЕПЕВШЕМУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, РЕШЕНИЕ ВОЗНИКАЮЩИХ ПРОБЛЕМ

3.1. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Вологина Елена Вильгельмовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, имущественный или физический вред. Отталкиваясь от этого определения, выделяют виды вреда, причиненного преступлением, а именно: имущественный, физический и моральный вред.

Термин «вред» в русском языке толкуется через категории «ущерб, порча».

Что же такое вред? Вред — это ущерб, утрата или ухудшение какого-либо вида ценности, ресурса, имущества или здоровья, который может возникнуть в результате различных событий, действий или процессов. Вред может иметь физический, финансовый, эмоциональный или другой характер.

Физический вред - вред здоровью.

Моральный вред - физические и нравственные страдания

Материальный вред - убытки (ст. 15 ГК РФ) в т.ч.; реальный ущерб, (затраты на восстановление, утрата или повреждение); имущественный ущерб, упущенная выгода (доход, если право не нарушено).

Установление состава вреда является важной частью процесса определения ответственности и, при необходимости, компенсации для пострадавшей стороны. В судебных делах и процессах, связанных с вредом, все эти элементы могут быть предметом обсуждения и рассмотрения в суде.

Рассмотрим виды вреда, установленные законодательством.

Вред может проявляться в разных сферах и контекстах:

Физический вред в уголовном праве — это причинение вреда жизни и здоровью человека в результате совершения преступления.

Некоторые виды физического вреда:

Причинение смерти. Самый тяжкий физический вред — смерть человека.

Вред здоровью. Выражается в телесном повреждении (травме), заболевании или патологическом состоянии.

Нарушение телесной неприкосновенности. Например, побои и истязание влекут вред не здоровью, а телесной неприкосновенности человека.

Утрата физической свободы. Заключается в нарушении свободы движений и (или) передвижения в пространстве.

Финансовый вред: этот вид вреда связан с утратой или уменьшением денежных средств, например, потерями в бизнесе, кражей и мошенничеством.

Моральный вред: это эмоциональное страдание, психологическая боль или нанесение ущерба репутации, вызванные действиями или бездействием других лиц. Этот вид вреда может возникнуть, например, в результате клеветы, оскорбления, дискриминации и других подобных ситуаций.

Экологический вред: этот вид вреда связан с разрушением природной среды, загрязнением окружающей среды, угрозой биологическому разнообразию и другими экологическими проблемами.

Социальный вред: это ущерб обществу или группам людей, вызванный различными явлениями, такими как бедность, безработица, насилие, дискриминация и другие социальные проблемы.

Правовой вред: этот вид вреда связан с нарушением законов и прав человека, что может привести к юридическим последствиям, таким как уголовные обвинения, гражданские иски и т.д.

Определение и характер вреда могут варьироваться в зависимости от контекста и юрисдикции. Важно различать понятие «вред» от ответственности за него и способов компенсации, которые могут быть установлены законом для возмещения ущерба пострадавшей стороне [1, с. 377].

При установлении состава вреда важно определить его компоненты, элементы. Состав вреда включает в себя несколько ключевых элементов, которые определяют его характер и могут использоваться для оценки и установления ответственности. Эти элементы могут немного различаться в зависимости от контекста, но обычно включают в себя следующие компоненты:

- ущерб или утрата: это конкретное изменение или потеря какой-либо ценности. Ущерб может быть физическим, финансовым, эмоциональным или иметь иной характер.

Например, ущерб может включать в себя физическое повреждение имущества, утрату доходов, моральный вред или затраты на восстановление.

-причинная связь: этот элемент означает, что ущерб был вызван конкретным событием, действием или бездействием. Для установления ответственности необходимо доказать, что существует непосредственная связь между действием (или бездействием) и ущербом.

- неправомерность или нарушение прав: в некоторых случаях ущерб может быть результатом нарушения закона или прав человека. Например, если участник правоотношений нарушил контрактное соглашение или причинил ущерб из-за дискриминации, это может учитываться при определении неправомерности.

- доказательства: для успешного утверждения вреда в юридическом контексте часто требуется представить соответствующие доказательства. Это может включать в себя документы, свидетельские показания, экспертные заключения и другие подтверждающие факты и данные.

- размер вреда: это определение того, насколько значительным является ущерб. Размер вреда может варьироваться в зависимости от множества факторов, включая степень страдания пострадавшей стороны и финансовые потери.

Исходя из определения понятия «вред» считаем, что таковой состоит из убытков и иного вреда. Иным вредом в рассматриваемом случае, соответственно, является физический и (или) моральный вред. А убытками - имущественный вред. В то же время не следует путать понятия «причиненный преступлением имущественный вред», которое следует из содержания ч. 1 ст. 42 УПК РФ, с аналогичным по звучанию словосочетанием, употребленным законодателем в ч. 3 той же статьи.

И вот почему. Потерпевшим признается физическое или юридическое лицо, которому моральный, физический и (или) имущественный вред (вред имуществу, деловой репутации) причинен преступлением непосредственно. Такого же мнения придерживаются и авторы большинства комментариев к УПК РФ, учебников уголовного процесса и иной юридической литературы [2].

Аналогичный подход к институту признания потерпевшим и у зарубежных ученых-процессуалистов. Соответственно, в ч. 1 ст. 42 УПК РФ под имущественным вредом понимается результат прямого воздействия общественно опасного деяния (завладение, повреждение, уничтожение и др.) на принадлежащие лицу, которое в уголовном процессе выступит потерпевшим, товарно-материальные ценности (денежные средства).

Возмещению же подлежит и иного рода причиненный преступлением имущественный вред. К таковому, по крайней мере, следовало бы отнести неполученные доходы, которые потерпевший мог бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Уголовно-процессуальный закон не содержит запретов на применение положений гражданского права. Напротив, институт возмещения ущерба в уголовном процессе во многом повторяет аналогичные правила разрешения иска в гражданском процессе.

Итак, имущественный вред, о котором законодатель ведет речь в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, — это лишь реальный ущерб, то есть утрата, уничтожение, повреждение и т.п. имущества (денежных средств) лица, которое затем должно быть признано потерпевшим, а также расходы, которые оно произвело либо должно произвести для восстановления, приобретения утраченного (поврежденного) имущества [3, с.37].

Имущественный вред может быть причинен не только собственнику. Соответственно, потерпевшим может быть признан не один лишь владелец похищенной вещи, но и, к примеру, лицо, пользующееся таковой по доверенности. При хищении, повреждении или уничтожении имущества,

других материальных ценностей, находящихся во владении лица, не являющегося их собственником (например, нанимателя, хранителя, арендатора), гражданский иск может быть предъявлен собственником или законным владельцем этого имущества, иных материальных ценностей при условии, что это лицо в соответствии с нормами гражданского законодательства вправе требовать возмещения причиненного ему вреда. То есть имущественный вред может быть причинен не только потерпевшему, как лицу, на которое было осуществлено преступное посягательство, но и законному собственнику этого имущества, так называемому гражданскому истцу (ст. 44 УПК РФ)

Если преступление совершено в группе лиц, то материальную ответственность по гражданскому иску несут как исполнители, так и подстрекатели, и пособники. Если вред, причиненный преступлением, будет возмещен до суда, либо лицу будет отказано в удовлетворении иска в порядке гражданского судопроизводства, то оно утрачивает право на заявление этого иска в уголовном процессе. Имущественный вред означает нарушение права пользования, владения и (или) распоряжения принадлежащим физическому или юридическому лицу имуществом, материальными ценностями и деньгами [4, с.234].

В гражданском законодательстве понятие имущественного вреда определяется как убытки. Согласно ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо (чье право нарушено) произвело или должно произвести для восстановления нарушенного права или повреждения его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). В уголовном процессе имущественный вред имеет некоторую особенность. В ходе раскрытия, расследования и рассмотрения уголовного дела в суде определяющее значение имеет определение и доказывание фактического вреда, понимаемого как умаление того или иного имущественного блага, которое выступает конкретным объектом посягательства.

Необходимо отметить, что вред, подлежащий возмещению, отсутствует, если вещь, являющаяся предметом преступного посягательства, возвращена потерпевшему и ее возврат полностью восстановил имущественные права потерпевшего. Если же вещь имеет повреждения или потеряла свои первоначальные качества по вине обвиняемого, то наличие имущественного вреда налицо. В данной ситуации потерпевший может требовать сумму, на которую уменьшилась стоимость вещи, либо требовать сумму, израсходованную на ремонт вещи. Также потерпевший вправе отказаться от вещи, требуя возмещения ее стоимости с учетом износа.

При хищении, повреждении или уничтожении имущества, других материальных ценностей, находящихся во владении лица, не являющегося их собственником (например, нанимателя, хранителя, арендатора), гражданский иск может быть предъявлен собственником или законным владельцем этого имущества, иных материальных ценностей, при условии, что это лицо в соответствии с нормами гражданского законодательства вправе требовать возмещения причиненного ему вреда. Физический вред выражается в нарушении функционирования человеческого организма, связанного с причинением лицу телесных повреждений, расстройством здоровья или лишением жизни. В юридическом смысле физический вред не возместим, восстановление здоровья является проблемой медицинского характера. Средства, затраченные на лечение потерпевших, подлежат компенсации в рамках заявленного гражданского иска. Если лечение оплачивалось потерпевшим, то у него в соответствии со ст. 1085 ГК РФ появляется право предъявления гражданского иска о возмещении этих денежных средств к обвиняемому либо к лицу, ответственному за его неправомерное поведение.

В качестве гражданских истцов могут выступать медицинские учреждения, если они понесли расходы на оказание медицинской помощи потерпевшему, или страховые организации, если ими выплачивались денежные средства медицинским организациям в рамках ФЗ РФ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации».

Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие

неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Особую сложность представляет собой отграничение морального вреда, сопровождающегося физическими страданиями, от физического вреда. Физические страдания по своей сути представляют собой негативные реакции человеческого организма на раздражители. Наиболее типичной такой реакцией является боль – своеобразное психофизиологическое состояние человека, возникающее в результате воздействия сверхсильных или разрушительных раздражителей, вызывающих органические или функциональные нарушения в организме. В подавляющем большинстве случаев при причинении физического вреда человек испытывает болевые ощущения. Но это не означает, что физический вред совпадает с физическими страданиями.

Эти понятия различны по существу. В медицинских справочниках указано, что объективная оценка боли у человека затруднена, а интенсивность болевых ощущений зависит от ряда факторов: типа высшей нервной деятельности данного больного, его психологического настроения, эмоционального фона, обстановки, в которой больной находится; кроме того, сильных мотиваций, усилий воли самого больного, переключающих внимание на какую-либо интеллектуальную деятельность и др.

Физический вред, как понятие, объективно отражает состояние человеческого организма. Однако в некоторых случаях при причинении физического вреда (даже тяжкого) возможно отсутствие боли, например, при введении наркотиков и анальгетиков или при нарушении психики (некоторые формы шизофрении, обширное поражение лобных долей мозга, алкогольное опьянение).

Существует также врожденное отсутствие чувства боли (аналгия). Таким образом, при причинении преступлением физического вреда вполне возможны ситуации, когда боль (физические страдания) отсутствует. При доказывании физических страданий первоочередной задачей является установление факта их наличия. Возникновение боли сопровождается рядом изменений в организме, обеспечением статики и кинетики организма и т.д.

Эти изменения имеют объективный характер и проявляются в виде негативных реакций, сопровождаемых повышением температуры тела, учащением пульса и т.д. Необходимым доказательством являются показания потерпевшего, поскольку физические страдания ощущает именно он.

Примером различия физического вреда и физических страданий является следующая ситуация. В результате преступления здоровью гражданина причинен тяжкий вред (по длительности расстройства здоровья). Потерпевший находится в больнице, в бессознательном состоянии.

Наличие физического вреда сомнению не подлежит, и степень его тяжести может быть определена путем производства судебно-медицинской экспертизы. Относительно же физических страданий можно сказать, что факт их существования презюмируется (предполагается), но затруднительно оценить их степень.

Любое предположение о боли, которую испытывает пациент, является вероятностным в той или иной степени и, следовательно, не может быть положено в основу вывода следователя, суда о существовании морального вреда. Таким образом, моральный вред подлежит установлению и доказыванию как самостоятельный вид вреда.

Суд вправе рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации причиненных истцу нравственных или физических страданий (морального вреда), поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный вред не находится в

прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно.

При решении вопроса о компенсации морального вреда необходимо учитывать: характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь при этом требованиями разумности и справедливости. В случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке [5, с. 37].

Характер физических и нравственных страданий устанавливается с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, поведения подсудимого непосредственно после совершения преступления (например, оказание либо не оказание помощи потерпевшему), индивидуальных особенностей потерпевшего (возраст, состояние здоровья, поведение в момент совершения преступления и т.п.), а также других обстоятельств (например, потеря работы потерпевшим).

У юридических лиц право на возмещение нематериального вреда возникает только в том случае, если в результате преступления пострадала их деловая репутация. Вред, причиненный в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации по правилам возмещения вреда деловой репутации гражданина (п. 7 ст. 152 ГК РФ).

Каким же образом устанавливается ответственность за вред? Ответственность за причинение вреда зависит от конкретной ситуации и может быть установлена на основе гражданского, уголовного или административного права [6, с.112].

Рассмотрим несколько общих принципов ответственности за причинение вреда:

- гражданская ответственность: гражданская ответственность связана с обязанностью компенсировать ущерб, причиненный другой стороне. Она может возникнуть в различных ситуациях, таких как дорожно-транспортные происшествия, нарушение контрактов, медицинская ошибка, нарушение авторских прав и др. Лицо, которое причинило вред, может быть обязано возместить материальный ущерб пострадавшей стороне;

- уголовная ответственность: уголовная ответственность связана с нарушением уголовного закона и может привести к уголовным наказаниям, таким как арест, штрафы, лишение свободы и др. Это относится к ситуациям, когда действия лица рассматриваются как преступление, такое как умышленное причинение телесных повреждений, кража, мошенничество и т.д.;

- административная ответственность: в некоторых случаях действия могут привести к административной ответственности, которая включает в себя наложение штрафов или других административных мер. Это может быть применено, например, к случаям нарушения дорожных правил, нарушения торговых стандартов и другим административным правонарушениям;

- профессиональная ответственность: лица, работающие в определенных профессиональных областях, таких как врачи, адвокаты, бухгалтеры и др., могут нести профессиональную ответственность за ошибки или небрежное поведение в своей деятельности. Это может включать в себя гражданскую и дисциплинарную ответственность.

Уголовная и гражданская совместная ответственность: в некоторых случаях одни и те же действия могут привести к обоим видам ответственности. Например, если виновный умышленно причиняет вред здоровью (уголовно-наказуемое деяние), он также становится обязанным выплатить материальную компенсацию пострадавшей стороне, в виде оплаты лечения и реабилитации (гражданская ответственность) [7].

Важно отметить, что требования и стандарты ответственности могут различаться в зависимости от конкретной ситуации и юрисдикции. Поэтому в случае возникновения вопросов об ответственности за причинение вреда, важно консультироваться с квалифицированным юристом или адвокатом, чтобы получить конкретные рекомендации и советы.

Список использованных источников

1. Федоров, М. Ф. Возмещение вреда, причиненного преступлением / М. Ф. Федоров. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 18 (413). — С. 377-379. — URL: <https://moluch.ru/archive/413/91201>.

2. Козацкая В.Э. Вопросы когерентности норм законодательства, регламентирующего механизм возмещения вреда, причиненного преступлениями // Вестник общественной научно-

исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 112.

3. Ендольцева А.В. Добровольное возмещение подозреваемым, обвиняемым причиненного преступлением вреда как одно из средств восстановления нарушенных прав потерпевшего // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 36-39.

4. Бондарь М.М. Основные тенденции модернизации законодательства, регламентирующего институт гражданского иска в уголовном процессе/М.М. Бондарь, Э.Ф. Лугинец // Евразийский юридический журнал.-2022.-№11(174).-С.233-235.

5. Ендольцева А.В. Добровольное возмещение подозреваемым, обвиняемым причиненного преступлением вреда как одно из средств восстановления нарушенных прав потерпевшего // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 36-39.

6. Козацкая В.Э. Вопросы когерентности норм законодательства, регламентирующего механизм возмещения вреда, причиненного преступлениями // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 16. С. 112.

7. Селедникова О.Н. Реституция как форма реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10.

3.2. ПОТЕРПЕВШИЙ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ ВРЕДА ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВЕ НА СОБСТВЕННОСТЬ

Попова Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Шаутаева Гульнара Хасановна, кандидат юридических наук, доцент доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Законодатель в ч. 1 ст. 42 УПК РФ определяет один из статусов *потерпевшего* как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред. Не будем вдаваться в полемику о простоте этой законодательной формулировки, а разберем проблемы с точки зрения практики правоприменения каждого вида причиненного вреда в уголовно-правовой ситуации при насильственном посягательстве на собственность гражданина, где он может стать субъектом одного или всех категорий вреда при решении вопроса о его возмещении. К таким преступлениям мы отнесем разбой, насильственные виды грабежа, вымогательства и неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения. Сюда же следует включить покушение на убийство, сопряженное с разбоем и вымогательством.

Заметим, что *вред* является в нашем случае объективной категорией и представляет собой изменения в физическом и имущественном положении потерпевшего в результате насильственного преступления против собственности и как следствие произошедшую корректировку в психологическом (эмоциональном) состоянии человека. Этот вред подлежит взысканию с каждого лица, его причинившего в ходе совершения преступления, в зависимости от наступивших последствий.

Так, *приговором Тракторозаводского районного суда г. Челябинска № 1-42/2025 от 24 марта 2025 года* по ч. 2 ст. 162 УК РФ осуждены 3 лица, которые по предварительному сговору совершили в отношении потерпевшего разбой, то есть нападение с целью хищения чужого имущества, с применением насилия опасного для здоровья. На улице они напали на потерпевшего, избили его, нанеся по голове не менее 10 ударов, и сорвали серебряную цепочку стоимостью 4000 руб. Потерпевшему причинен перелом нижней стенки правой глазницы, ушиб головного мозга легкой

степени, гематомы лица, вызвавшие временное нарушение функции органов (временная нетрудоспособность) продолжительностью до 3-х недель, то есть причинили легкий вред здоровью. В приговоре указано, что потерпевший испытывал сильную физическую боль и страдания.

Потерпевшим заявлены иски о возмещении материального ущерба в размере 4000 руб., а также компенсации морального вреда в размере 400000 руб. Суд указал, что, учитывая фактические обстоятельства совершенного этими лицами преступления, прямую причинно-следственную связь между действиями обвиняемых и наступившими последствиями материальный ущерб следует удовлетворить полностью. При определении компенсации морального вреда, учитывая положения п. 2 ст. 1101 ГК РФ, роль и участие в преступлении каждого подсудимого, степень физических и нравственных страданий потерпевшего, а также имущественное положение подсудимых, их трудоспособный возраст удовлетворить иск частично и взыскать солидарно в пользу потерпевшего денежные средства в размере 60000 руб. [2].

Потерпевший от насильственных преступлений против собственности наделен широкими правами в целях возмещения имущественного вреда, а главное - предъявить требование о таком возмещении, то есть гражданский иск. Ч. 4 ст. 44 УПК РФ закрепляет за гражданским истцом ряд прав, которые должны обеспечиваться на протяжении всего разбирательства, как по его собственной инициативе, так и при содействии должностных лиц. Становится важным использование различных уголовно-процессуальных мер, направленных на возмещение вреда, в том числе, причиненного здоровью потерпевшего.

Реализация права на возмещение вреда, полученного в результате насильственного преступления, требует от пострадавшего активных действий: подачи ходатайства следователю и составления искового заявления. К сожалению, большинство пострадавших либо не осведомлены о такой процедуре, либо испытывают трудности с оформлением искового заявления. Государство должно создать минимальные предпосылки для восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов избитых и ограбленных или покалеченных преступниками лиц при завладении их имуществом. Профессор И.Р. Шикула, анализируя особенности возмещения вреда потерпевшим, констатирует: «Уровень защищенности потерпевших – это индикатор безопасности общества в целом, поэтому обеспечение эффективной защиты всего комплекса прав потерпевших от преступлений является важной задачей государства» [7, с. 660].

Органам расследования следует осуществить процедуру поддержки гражданских исков, например, обеспечить письменное информирование потерпевшего или его представителя о праве на предъявление такового. Данное разъяснение должно выходить за рамки формальности и осуществляться на *специализированном бланке*, в котором будут отражены все положения ст. 44 УПК РФ, с приоритетным выделением прав гражданского истца. Желательно также осветить последствия отказа от гражданского иска, возможность участия адвоката или иного представителя потерпевшего и вручить *образец искового заявления* для практического применения с текстом о требовании возмещения имущественного вреда с разделами, указывающими на объем вреда от физического воздействия, стоимости утраченного имущества и компенсации морального вреда.

Хотя УПК РФ не устанавливает императивных требований к процессуальной форме искового заявления, представляется целесообразным включение в него ряда *обязательных сведений*. К таковым относятся: наименование суда, идентификационные данные гражданского истца, сведения о гражданском ответчике, информация о преступном деянии, повлекшем причинение вреда, с обязательным указанием факта возбуждения уголовного дела, а также размер и характер подлежащего взысканию вреда.

Гражданский истец имеет право самостоятельно собирать и предоставлять доказательства, в том числе касающиеся размера причиненного ему ущерба. Часто следователь ограничивается установлением суммы похищенного, так как это влияет на объем предъявляемого обвинения. Другие виды ущерба, такие как стоимость лечения или реабилитации, восстановительного ремонта автомобиля, которые не влияют на квалификацию, могут оставаться без должного внимания.

Законодательство не устанавливает четких правил и сроков для подачи гражданского иска потерпевшим или иным уполномоченным лицом в ходе уголовного производства. Это создает определенные трудности. Поэтому крайне важно, чтобы следователь или дознаватель своевременно и в полном объеме обеспечивал потерпевшему возможность реализовать свое право на

предъявление исковых требований к лицу, совершившему преступление, с целью возмещения ущерба. Это позволило бы упростить процедуру и избежать задержек, которые могут возникнуть при рассмотрении гражданского иска в рамках уголовного либо в дальнейшем гражданского судопроизводства.

Необходимо определить различия вреда, причиненного потерпевшему при насильственном преступлении против собственности: *физический вред здоровью* как нарушение анатомической целостности или снижения функции органов; *имущественный вред* как связанный не только с завладением, но и с порчей или уничтожением каких-либо материальных благ в процессе насильственного преступления против собственности, сюда следует отнести и отражение включенных в гражданский иск потраченных средств на медицинское обслуживание, лекарственные препараты и т.п.; *моральный вред* как тесно объединенный с физическим вредом, поскольку в связи с ним у потерпевшего возникают физические и нравственные страдания, в том числе из-за потери права свободно распоряжаться профессиональными способностями.

Более подробно о всех видах причиняемого потерпевшему вреда Верховный Суд РФ разъяснил в своих постановлениях, там же рассмотрены вопросы о возмещении различной категории вреда потерпевшему при совершении преступления против собственности насильственной направленности, это постановления Пленума Верховного Суда РФ: *от 29.06.2010 № 17 (ред.от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»* (об обязанности государства обеспечить потерпевшему возможность отстаивать свои законные интересы); *от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»* (о гражданской ответственности лица, неправомерно завладевшим автомобилем; об имущественном вреде, связанным с расходами потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья); *от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»* (понятие физических и нравственных страданий; вывод о том, что все случаи причинения вреда здоровью предполагают наличие морального вреда; размер компенсации в зависимости от способа причинения физического насилия и его последствий).

Государственные структуры не могут оставаться в стороне от оказания помощи потерпевшему - физическому лицу, тем более, что среди таковых могут быть совсем малоимущие граждане. Но в современном экономическом состоянии страны рассчитывать на возмещение вреда потерпевшему за счет средств государства в полном объеме не представляется возможным. Вместе с тем, думается, назрела необходимость оказания государством *материальной помощи* потерпевшему от насильственного преступления против собственности, выражающейся в возмещении части общего размера причиненного ущерба, носящего имущественную составляющую причинения физического вреда в гражданском иске, связанную с минимальным размером оплаты восстановительной медицины (реабилитация, протезирование и т.п.). Ведь находит же Правительство РФ деньги на оплату труда адвокатов для защиты преступников с последующим возмещением расходов федерального бюджета из средств осужденных. Так почему бы не поступить аналогичным образом при частичном возмещении вреда жертве насильственного преступления.

Рассмотрим кратко некоторые положения назначения уголовного судопроизводства, связанные с защитой прав и законных интересов в связи с возмещением вреда физических лиц, потерпевших от насильственных преступлений против собственности. Меры по обеспечению гражданского иска предполагают: розыск и возвращение потерпевшему предметов преступного посягательства; разъяснение обвиняемому либо его материально обеспеченному окружению необходимости добровольного возмещения, причиненного преступлением материального и морального вреда, признаваемого обстоятельством, смягчающим ответственность; наложение ареста на имущество и принятие мер по его сохранности с целью возмещения причиненного ущерба.

Первостепенная задача следователя состоит не только в принятии процессуальных мер, направленных на отыскание похищенного имущества в виде предметов, находящихся у третьих лиц в ходе производства выемки и обыска, поручении проведения оперативно-розыскных мероприятий, направления запросов в различные структуры, где могут находиться похищенные более-менее приличные изделия, но и в своевременном информировании обвиняемого и близких ему лиц о

положительных моментах возврата предметов преступления и возмещения компенсации морального вреда. И в дальнейшем, в случае обнаружения имущества у обвиняемого, наложить на него арест. Хотя лица, совершающие насильственные преступления против собственности, как правило, не отличаются наличием такового, поскольку либо судимы, либо не имеют источника к существованию, либо пьяницы или наркоманы. Взять с них в счет возмещения вреда, конечно, нечего.

Однако существует и положительная практика. Приговором Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 1-114/2025 от 03 марта 2025 года осужден Николаев, который совершил неправомерное завладение автомобилем без цели хищения с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья (ч. 4 ст. 166 УК РФ) и разбой с такой же угрозой с применением предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ). Он, будучи в состоянии алкогольного опьянения, находясь в автомашине лица, занимающегося частным извозом, путем угрозы применения ножа потребовал отвезти его бесплатно по определенному адресу. А затем, продолжая угрожать ножом, приставил его к горлу потерпевшего и похитил у того денежные средства в размере 1140 руб. Из приговора следует, что в течение 10 дней после возбуждения уголовного дела Николаев возместил причиненный материальный ущерб потерпевшему, а также передал ему 20000 руб. в счет компенсации морального вреда (имеется расписка об этом) [3].

Как видим активные действия следователя по обеспечению гражданского иска способствовали быстрому возмещению всех видов причиненного вреда по особо тяжкому насильственному преступлению против собственности.

Следователь, принимая меры к обеспечению гражданского иска, закладывает основу для его успешного рассмотрения в суде. Однако, несмотря на наличие общих правил предварительного расследования, направленных на защиту имущественных интересов потерпевшего, их применение не всегда результативно. В деятельности следователей нередко преобладает стремление к скорейшему раскрытию преступления и передаче дела в суд, что отодвигает на второй план вопросы обеспечения гражданского иска.

Получается, что должного спроса за невыполнение конкретных мероприятий не происходит, поскольку таких мероприятий, кроме наложения ареста на имущество закон не предусматривает. Потерпевший в насильственном преступлении, связанном с потерей собственности, не получает возмещения как имущественного вреда в целом, так и компенсации его моральной составляющей. И.В. Чащина, изучая данную тематику, приходит к выводу: «меры, принимаемые органами предварительного расследования по обеспечению возмещения и компенсации причиненного имущественного вреда потерпевшим, явно недостаточны, суду фактически приходится возлагать обязанность по устранению выявленных недостатков при рассмотрении гражданского иска на потерпевшего [6, с. 113].

Отсутствие в законодательстве конкретных указаний на допустимые средства обеспечения иска, думается, усугубляет эту проблему. В связи с этим и особенно для решения проблем возмещения вреда потерпевшим в насильственном преступлении против собственности возникает острая необходимость в дополнении ст. 160.1 УПК РФ новой частью, которая бы четко определяла обязанность следователя по установлению и изъятию имущества, пригодного для погашения причиненного вреда. Например, такого содержания: «1.1. Следователь, дознаватель обязан разъяснить потерпевшему возможность предъявить требование о возмещении имущественного ущерба и компенсации морального вреда, причиненных непосредственно преступлением. Осуществить розыск и возвращение потерпевшему предметов преступного посягательства. Разъяснить гражданскому ответчику правовые преимущества добровольного возмещения вреда. Наложить арест на имущество в порядке, предусмотренном статьей 115 настоящего Кодекса.»

Наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) является одной из мер процессуального принуждения, которая запрещает собственнику или владельцу распоряжаться имуществом и, в некоторых случаях, пользоваться им, а также предусматривает его изъятие и передачу на хранение. Эта мера, применяемая исключительно по судебному решению, служит цели предотвращения сокрытия или отчуждения имущества обвиняемого или лиц, несущих за него ответственность, что обеспечивает возможность возмещения имущественного ущерба, причиненного преступлением. Ведь, как правило, для обвиняемых по насильственным корыстным преступлениям избирается мера

пресечения в виде заключения под стражу и это дает возможность их окружению растрачивать безнадзорное имущество, которое можно реализовать в счет погашения исковых требований.

Хотя, скажем честно, нет у таких преступников никакого имущества и выплачивать гражданский иск они будут в местах лишения свободы. *Приговором Ленинского районного суда г. Ижевска Удмуртской республики № 1-49/2025 от 14 февраля 2025 года осуждено* лицо по ч. 3 ст. 162 УК РФ, которое применяя насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшей (душил престарелую женщину), похитил имущество на сумму 266999 руб, являющейся крупным размером. Следователь не смог наложить арест на имущество обвиняемого, поскольку таковое отсутствует. Осужденный проходил службу по контракту в зоне СВО в частной военной компании и был освобожден от наказания после выполнения контракта. Однако суд удовлетворил гражданский иск потерпевшей и взыскал с осужденного сумму возмещения материального ущерба, причиненного преступлением [4].

Н.В. Вирясов и Д.В. Далланиян приходят к выводу, что наложение ареста на имущество, как правило, является результатом длительной и кропотливой работы следователя по розыску и определению имущества, подлежащего аресту по уголовному делу. Они подчеркивают важность активизации уголовно-процессуальных мер по возмещению ущерба на стадии предварительного следствия и своевременного применения мер по аресту имущества подозреваемых и обвиняемых. Эта процессуальная деятельность, по их мнению, формирует необходимые предпосылки для принятия итогового судебного решения [1, с. 320].

Институт возмещения ущерба играет значительную роль в правоприменительной практике. Законодательство предусматривает возможность для обвиняемого в совершении насильственного преступления против собственности смягчить свое наказание, если он предпримет шаги для заглаживания вины перед потерпевшим в ходе уголовного процесса. Так, *приговором Волжского городского суда Волгоградской области № 1-6/2025 от 14 февраля 2025 года осуждено* лицо за вымогательство с применением насилия денег в сумме 20000 руб. В приговоре отражено о расписке, согласно которой обвиняемый передал потерпевшему денежные средства в сумме 20000 руб. в счет погашения причиненного ущерба. В связи с чем суд указал, что данное обстоятельство является смягчающим наказание подсудимого в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ как добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступления [5].

Однако для того, чтобы суд мог законно и обоснованно учесть эти действия при вынесении приговора, следователю необходимо тщательно документировать все меры, предпринятые обвиняемым для исправления ситуации. Важно отличать действия, направленные на заглаживание вины, от помощи в розыске преступно добытого имущества на досудебной стадии. Ведь это две разные правовые ситуации.

Для улучшения положения с возмещаемостью причиненного преступными действиями ущерба в ведомствах, осуществляющих предварительное расследование (СК РФ, МВД России, ФСБ, МЧС, Минюст России, ГТК РФ), необходимо разработать *методические рекомендации* (возможно, даже инструкции, обязательные к исполнению) по защите интересов лиц, пострадавших от преступлений, в части возмещения физического, имущественного и морального вреда. Приложить к ним образцы процессуальных документов, используемых следователем или дознавателем в производстве по уголовному делу. На наш взгляд, такое письменное оформление требований к лицу, осуществляющему предварительное расследование, поможет изменить отношение сотрудников к вопросу возмещения ущерба, который сейчас часто рассматривается как второстепенный.

В рамках ведомственного контроля руководители следственного органа и органа дознания должны построить свою работу так, чтобы следователи (дознаватели) выполняли свои обязанности по обеспечению возмещения вреда по каждому уголовному делу о преступлении насильственного завладения собственностью граждан. При проверке дел и согласовании направления дела прокурору с обвинительным заключением необходимо оценивать эффективность предпринятых мер по возмещению ущерба, причиненного преступлением, в том числе с учетом предполагаемого дополнения нормы о мерах по обеспечению гражданского иска [8].

Таким образом, мы рассмотрели некоторые особенности уголовно-процессуальной деятельности о возмещении вреда, причиненного совершением преступлений о насильственном посягательстве на собственность. Выяснили, что потерпевший - физическое лицо становится в этом

случае субъектом правоотношений, как правило, по всем категориям вреда при решении вопроса о его возмещении. Определили различие в видах причиненного вреда и ориентирования некоторых положений в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Требуется особый подход при ознакомлении потерпевшего с его правами, в том числе в части исковых требований. Реализация права на возмещение вреда предполагает проведение потерпевшим активных действий при поддержке органами расследования выдвинутых гражданских исков. Высказали предложение о возмещении государством части общего размера причиненного ущерба, касающегося вопросов реабилитации здоровья физического лица. Раскрыли меры по обеспечению гражданского иска и считаем целесообразным введение в ст. 160.1 УПК РФ новой части, которая бы определяла обязанность следователя по установлению и изъятию имущества для погашения причиненного вреда. Показали трудности с наложением ареста на имущество обвиняемого в совершении насильственного преступления против собственности. Предложили ужесточить ведомственный контроль в вопросе активизации возмещения материального ущерба.

Список использованных источников

1. Вирясова, Н. В. О возмещении имущественного вреда, причиненного преступлениями / Н. В. Вирясова, Д. В. Даллакян // Российская наука на пути к устойчивому развитию: междисциплинарные исследования : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Ставрополь, 20 марта 2023 года. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2023. – С. 319-321. – EDN BRCRNB.
2. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Приговор № 1-42/2025 1-736/2024 от 23 марта 2025 г. по делу № 1-42/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XNnyOCdiIcNs/> (дата обращения: 28.09.2025);
3. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Приговор № 1-114/2025 1-1902/2024 от 2 февраля 2025 г. по делу № 1-114/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/g6tqdeHgJjUn/> (дата обращения: 28.09.2025);
4. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Приговор № 1-49/2025 1-490/2024 от 13 февраля 2025 г. по делу № 1-49/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3VhW2K2sYP1x/> (дата обращения: 28.09.2025);
5. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Приговор № 1-6/2025 1-745/2024 от 13 февраля 2025 г. по делу № 1-6/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UQG9YqzXcDdY/> (дата обращения: 28.09.2025);
6. Чащина, И. В. Актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, в России и государствах - участниках СНГ / И. В. Чащина // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 6(98). – С. 110-118. – EDN EGRCLZ.
7. Шикула, И. Р. К вопросу возмещения вреда беспомощному потерпевшему / И. Р. Шикула // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : Материалы III международной научно-практической конференции, Донецк, 25–26 мая 2023 года / Ответственный редактор С.Ю. Мироненко. – Донецк: ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции» МИНЮСТА России, 2023. – С. 659-664. – EDN QIDLPO.
8. Вологина Е.В. Гражданский иск как средство возмещения ущерба, причиненного преступлением./ А.А. Бутенко // Научно-практический журнал ВФ АНО ВО МГЭУ «Форум». № 2 (19). Волгоград 2020.

3.3. ГРАЖДАНСКИЙ ИСТЕЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Бондарь Мария Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

Конституция РФ декларирует и выступает гарантом защиты прав потерпевших лиц, обеспечивает им доступ к правосудию, а также предоставляет возможности для компенсации причиненного им ущерба (ст. 46, 52) [1]. В свою очередь уголовно-процессуальный закон гарантирует защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), что по своему смыслу подразумевает также и устранение последствий от совершенных преступлений, в том числе, путем восстановления нарушенных гражданских прав.

Неотъемлемость права собственности гарантирована Европейской Конвенцией о защите прав и основных свобод, а также ст. 35 Конституции РФ, которые предусматривают, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, при этом государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Поскольку гражданский иск может быть заявлен только после возбуждения уголовного дела и только лицом, которому ущерб был причинен непосредственно преступлением, право на предъявление гражданского иска в уголовном судопроизводстве потерпевшему должно быть разъяснено в ходе предварительного расследования, а в случае, если этого не было сделано, данная обязанность возлагается на суд. Неотъемлемость права собственности закреплена Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [2] и статьей 35 Конституции РФ. Эти нормы обязывают государство охранять права лиц, пострадавших от преступлений и злоупотреблений властью, обеспечивая им доступ к правосудию и компенсацию ущерба. Поскольку подача гражданского иска в уголовном процессе возможна только после возбуждения уголовного дела и только лицу, которому непосредственно причинен ущерб, разъяснение права на предъявление такого иска должно быть осуществлено в ходе предварительного расследования. Если это разъяснение не было проведено, обязанность по его осуществлению возлагается на суд.

Предъявление гражданского иска с требованием о возмещении имущественного вреда, также материальной компенсации морального вреда, причиненного преступлением – делает необходимым признать лицо, заявившее указанные требования, гражданским истцом по уголовному делу.

Понимая под гражданским иском в уголовном процессе обращенное к уполномоченным государственным органам гражданско-правовое требование физического или юридического лица о возмещении вреда причиненного ему непосредственно преступлением или уголовно-наказуемым деянием невменяемого, предъявленное при производстве по уголовному делу и подлежащее разрешению совместно с уголовным делом в порядке уголовного судопроизводства, необходимо определить понятие гражданского истца, как участника уголовного судопроизводства, а также его процессуальный статус.

Необходимо вспомнить, что в соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим по уголовному делу может быть признано физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В соответствии с разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда РФ, понятие «потерпевший» охватывает любое лицо, пострадавшее от преступления, независимо от его гражданства, возраста, физического или психического состояния, а также иных индивидуальных характеристик. Необходимо учитывать, что вред потерпевшему может быть причинен как непосредственно преступлением, так и противоправным деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости [3].

Процессуальный статус потерпевшего лицо приобретает с момента принятия решения о признании потерпевшим, которое оформляется постановлением следователя (дознателя или суда). В случае признания потерпевшим юридического лица, реализация его прав в полном объеме осуществляются представителем потерпевшего (ч. 9 ст. 42 УПК РФ), который выступает от имени юридического лица и обязан действовать добросовестно и разумно в его интересах. В соответствии с УПК РФ в качестве представителя потерпевшего могут быть допущены: адвокаты; лица, уполномоченные ГК РФ, выполнять функции представителя (ст. 53 ГК РФ); иные лица, о допуске которых ходатайствует потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55 УПК РФ).

Полномочия допускаемого в качестве представителя потерпевшего лица должны быть подтверждены: а) доверенностью (оформленной надлежащим образом) или иным документом

(устав, учредительные документы) случае, если в разбирательстве участвует руководитель юридического лица; б) ордером, если интересы юридического лица представляет адвокат.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ, гражданским истцом в уголовном судопроизводстве может быть признано как физическое, так и юридическое лицо.

Потерпевший, чьи имущественные права были нарушены, обладает свободой выбора способа судебной защиты. Возбуждение уголовного дела не лишает его права обратиться с иском в арбитражный или суд общей юрисдикции. При этом, заявляя гражданский иск в ходе уголовного процесса, потерпевший должен осознавать все юридические последствия такого шага, включая потенциальную необходимость дальнейшей защиты своих интересов в рамках гражданского судопроизводства. Следовательно, компетентный в данных вопросах, обязан предоставить потерпевшему соответствующие разъяснения.

Таким образом, гражданский иск вправе заявить лица, которым был причинен вред непосредственно преступлением, к которым относятся:

- лица, признанные потерпевшими и понесшие убытки от утраты заработка (дохода) вследствие постоянной или временной утраты ими трудоспособности, а также вследствие дополнительно понесенных ими расходов, вызванных повреждением здоровья: на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовку к другой профессии;

- нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении погибшего в результате преступления кормильца или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания, а также ребенок погибшего, родившийся после его смерти (иск предъявляет законный представитель); один из родителей, супруг либо другой член семьи, независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении погибшего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими четырнадцати лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе; лица, состоявшие на иждивении погибшего и ставшие нетрудоспособными в течение пяти лет после его смерти; один из родителей, супруг либо другой член семьи, не работающий и занятый уходом за детьми, внуками, братьями и сестрами погибшего и ставший нетрудоспособным в период осуществления ухода;

- признанные потерпевшими от преступления лица, которым вред причинен утратой заработка в результате уголовно-противоправного нарушения их трудовых прав;

- физические и юридические лица, имуществу которых, принадлежащему им на праве собственности или законного владения, причинен вред преступлением (хищение, уничтожение, порча и т.д.);

- признанные потерпевшими физические лица, которым преступлением причинен моральный вред (ст. 151 ГК РФ), а также юридические лица, в случае причинения преступлением вреда их деловой репутации, если это повлекло возникновение убытков (ст. 152 ГК РФ).

В защиту интересов несовершеннолетних, а также лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут самостоятельно осуществлять защиту своих прав и законных интересов, гражданский иск может быть предъявлен их законными представителями.

В случаях, если законные представители ненадлежащим образом исполняют обязанности по защите прав и законных интересов представляемых лиц, гражданский иск в защиту их интересов может быть предъявлен прокурором.

Исключительное право на предъявление гражданского иска в защиту государственных интересов принадлежит прокурору. Согласно части 3 статьи 44 УПК РФ, прокурор уполномочен защищать интересы публичных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий посредством гражданского иска в рамках уголовного процесса, если им причинен вред. То есть, исходя из буквы закона, верным разрешением рассматриваемой ситуации является признание потерпевшим государственного либо муниципального органа, предприятия, учреждения и предъявление гражданского иска только прокурором [4, с. 12-14].

Необходимо отметить, что в тех случаях, когда последствием совершенного преступления явилась смерть потерпевшего, его права переходят к одному из близких родственников, который должен быть признан потерпевшим по уголовному делу (не представителем потерпевшего, как зачастую ошибочно признают следователи на практике, а именно потерпевшим) [3]. Последний также вправе заявить гражданский иск по данному уголовному делу. В случае, если потерпевшими по подобным уголовным делам были признаны несколько близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а при их отсутствии или невозможности участия в уголовном судопроизводстве – несколько его родственников, то каждый из них вправе предъявить гражданский иск, содержащий самостоятельное требование о компенсации морального вреда.

Результаты анализа следственно-судебной деятельности свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве уголовных производств стороной гражданского иска является потерпевший. Это обусловлено тем фактом, что именно потерпевший является первоочередным субъектом, которому причинен вред в результате совершения преступного деяния. Следовательно, потерпевший, выступающий в качестве гражданского истца, вправе в полном объеме реализовывать права, закрепленные законодательством за потерпевшим (статья 42 УПК РФ): вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении; давать показания; отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы (одним из которых, как раз, может быть исковое заявление – предъявление требований о признании гражданским истцом). Кроме того, имеет права давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; бесплатно пользоваться помощью переводчика; иметь представителя; участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; знакомиться с постановлением о назначении в отношении него судебной экспертизы и заключением эксперта. Также потерпевший вправе знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств; получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций; участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций; выступать в судебных прениях; поддерживать обвинение; знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда; обжаловать приговор, определение постановление суда; знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения; ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ; осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. В данном случае права гражданского истца поглощаются правами потерпевшего, поэтому нет смысла их перечислять еще раз.

Если же гражданским истцом по уголовному делу признается лицо, не являющееся потерпевшим по уголовному делу, круг его прав несколько уже.

Так, гражданский истец вправе поддерживать исключительно гражданский иск, представлять доказательства по факту исковых требований (хотя они могут одновременно являться и доказательствами по уголовному делу); давать объяснения по предъявленному иску, а также давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет, а также пользоваться помощью переводчика бесплатно; заявлять ходатайства и отводы; отказаться свидетельствовать против себя, своих близких родственников (их круг определен п. 4 ст. 5 УПК РФ), а также должен быть предупрежден, что при согласии давать показания, последние могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу даже при последующем отказе от них; иметь представителя. Также участвовать в следственных действиях по его ходатайству или его представителя с разрешения следователя. Кроме того, гражданский истец вправе отказаться от предъявленного гражданского иска в любой момент производства по уголовному делу вплоть до окончания судебного разбирательства в суде первой инстанции. При этом по окончании расследования гражданский истец вправе знакомиться с материалами уголовного дела,

относящимися к предъявленному гражданскому иску и выписывать из материалов уголовного дела, с которыми ознакомлен, любые сведения и в любом объеме. Впоследствии знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и делать замечания на них. Также гражданский истец вправе знать о принятых по уголовному делу решениях, которые затрагивают его интересы, получать копии принятых решений, относящихся к предъявленному гражданскому иску; участвовать в судебных разбирательствах по уголовному делу в судах различных инстанций, при этом выступать в судебных прениях для обоснования гражданского иска, а также приносить жалобы на действия и бездействия органов расследования и суда, на приговор (определение, постановление суда), а также участвовать в их рассмотрении (ст. 44 УПК РФ).

Закон предусматривает для потерпевшего ряд ограничений в правах, то есть обязанностей, которые распространяются также и на гражданского истца, являющегося потерпевшим по уголовному делу. Так, последний не вправе уклоняться от явки по вызову следователя (дознателя, в суд); давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний; разглашать данные предварительного расследования, если он был предупрежден об этом заранее. При неявке потерпевшего по вызову без уважительных причин, он может быть подвергнут мере процессуального принуждения - приводу. За отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний потерпевший несет ответственность по ст. 307 и 308 УК РФ, а за разглашение данных предварительного расследования – ст. 310 УК РФ.

Непосредственно для гражданского истца УПК РФ предусматривает только обязанности по неразглашению данных предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке ст. 161 УПК РФ, при несоблюдении которой он может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. По аналогии уголовно-процессуального закона гражданский истец, являясь участником уголовного процесса, обязан не препятствовать расследованию и являться по вызову следователя (дознателя, суда).

Несмотря на общую идентичность процессуальных положений потерпевшего и гражданского истца, касающихся их прав и обязанностей, в их правовом положении обнаруживаются некоторые расхождения:

а) потерпевшим лицо становится вне зависимости от своего желания и воли (за исключением уголовных дел частного обвинения – ч. 2 ст. 20 УПК РФ, где инициатива уголовного преследования принадлежит потерпевшему), тогда как для приобретения статуса гражданского истца в уголовном процессе физическое лицо должно проявить волю, физическое и юридическое лицо должны совершить определенные юридически значимые действия;

б) правовой статус гражданского истца имеет сходство со статусом потерпевшего, однако включает положения, направленные на реализацию его правового интереса по иску, то есть учитывает необходимость осуществления им своих прав и законных интересов, касающихся гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства.

Представительство по гражданскому иску также схоже с представительством потерпевшего по уголовному делу. Напомним, что уголовно-процессуальный закон предоставляет гражданскому лицу возможность как лично участвовать в уголовном деле, так и наряду с личным участием, иметь представителя, который обладает аналогичным «набором» процессуальных прав, что и представляемое им лицо (ст. 45 УПК РФ).

Представителями гражданского истца – физического лица могут выступать адвокаты. Для допуска адвоката в качестве представителя гражданского истца в уголовное дело, исходя из смысла норм, закрепленных в п. 6 ч. 4 ст. 56, ч. 5 ст. 189, ч. 2 ст. 53 УПК РФ, необходимо наличие у него удостоверения адвоката и ордера на представление интересов конкретного лица (с указанием процессуального статуса или статусов) в конкретном уголовном деле. В качестве представителя гражданского истца в уголовном деле может быть допущен один из близких родственников гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует гражданский истец. В данном случае ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гл. 15 УПК РФ.

В контексте уголовного процесса, гражданским истцом признается лицо (физическое или юридическое), которое заявило государственным органам о своем праве на компенсацию вреда, причиненного ему непосредственно преступлением или действиями невменяемого. Такое требование подается в ходе расследования уголовного дела и решается в рамках уголовного судопроизводства.

Предъявление гражданского иска в порядке ст. 44 УПК РФ имеет определенные временные рамки: лицо, которому преступлением причинен вред, может заявить свои исковые требования после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при рассмотрении и разрешении уголовного дела в суде первой инстанции (ст. 44 УПК РФ). При принятии решения о признании лица потерпевшим органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, обязаны разъяснить лицу, чьи имущественные права нарушены преступлением, возможность возмещения ущерба, как в рамках уголовного, так и гражданского судопроизводства.

Выделяют следующие условия правомерности предъявления гражданского иска по уголовному делу: 1) факт возбуждения уголовного дела; 2) наличие достаточных данных считать, что вред причинен преступлением; 3) наличие у лица процессуальной право- и дееспособности.

Для реализации права на возмещение вреда, причиненного преступлением, лицу, которому данный вред был причинен, необходимо заявить о своем желании следователю (дознавателю, суду) ходатайством, а также составить исковое заявление. Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон не устанавливает определенной процессуальной формы искового заявления и не предъявляет особых требований к его составлению, гражданский иск должен содержать в себе ряд обязательных сведений.

К таковым относятся:

1) исковое заявление в уголовном судопроизводстве всегда составляется на имя того суда, к подсудности которого относится расследуемое уголовное дело, в рамках которого заявляется данный гражданский иск;

2) анкетные и иные данные заявителя – гражданского истца;

3) данные лица, к которому предъявляются требования о возмещении вреда, причиненного преступлением – гражданского ответчика. В случае, если на момент предъявления иска такое лицо не установлено, в искомом заявлении оно указывается обезлично, как лицо, совершившее преступление, виновное лицо. Это обстоятельство не лишает права на предъявление гражданского иска. Он может быть заявлен к обвиняемому (подозреваемому) либо к лицам, несущим ответственность за действия последнего (например, законные представители несовершеннолетнего обвиняемого и др.);

4) данные о совершенном преступлении, которым причинен вред, с обязательным указанием факта возбуждения уголовного дела, его номера и даты возбуждения;

5) какой вред, причиненный непосредственно совершенным преступлением, и в каком размере подлежит взысканию с виновного лица.

В случае поступления искового заявления к следователю, последний обязан осуществить его принятие и последующее приобщение к материалам уголовного дела. Затем следователем принимается процессуальное решение о признании лица гражданским истцом в рамках уголовного производства. Необходимо учитывать, что функция следователя не сводится исключительно к разъяснению права на предъявление гражданского иска и его интеграции в материалы уголовного дела. Следователь после предъявления гражданского иска, обязан проверить его на соответствие нормам уголовно-процессуального, гражданского права, а также на правильность его составления, «уместность» используемых формулировок и отражения фактов совершенного преступления. В случае необходимости следует оказать содействие лицу в составлении искового заявления и таким образом обеспечить надлежащую реализацию его прав, что также будет способствовать восстановлению нарушенных преступлением прав.

В зависимости от вида и обстоятельств совершенного преступления, личности лица, которому причинен вред данным преступлением, содержание, процессуальное оформление гражданского иска, а также порядок признания лица гражданским истцом могут различаться.

Под имущественным вредом понимается причинение убытков, заключающихся в утрате, повреждении или уничтожении материальных ценностей, имеющих денежную оценку. Иск о компенсации имущественного вреда может быть предъявлен лицом, обладающим законным правом на соответствующее имущество. К таким лицам, согласно статье 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, относятся собственники, а также наниматели, хранители и арендаторы.

Физический вред предполагает, что совершенным преступлением вред причинен жизни и здоровью лица, и он может выражаться в фактическом непосредственном вреде здоровью человека (потеря зрения, речи, слуха, какого-либо органа либо утрата органом его функций, неизгладимое

обезображивание лица и т.п.), а равно в последствиях психического характера (физические страдания, боль), опосредованно влияющих на здоровье. Физический вред определяется как нарушение анатомической или физиологической целостности человеческого организма. Психические травмы, в свою очередь, рассматриваются как состояния, повлекшие за собой объективно установленные неблагоприятные последствия для здоровья.

Поскольку на территории РФ действует обязательное медицинское страхование, реализуемое территориальными фондами, то при причинении вреда здоровью лица, лечение в государственных учреждениях здравоохранения ему обеспечивается на безвозмездной основе. Средства обязательного социального страхования являются федеральной государственной собственностью, если иное не предусмотрено законом (п. 3 ст. 13 Федерального закона № 165) [5]. В случае причинения физического вреда потерпевшему, материальный ущерб противоправными действиями ответчика нанесен государственному учреждению на основании выплат, затраченных на лечение потерпевшего, который в соответствии со ст. 1064 ГК РФ подлежит возмещению в полном объеме. Согласно ч. 3 ст. 44 УПК РФ гражданский иск в защиту интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий предъявляется прокурором.

При этом прокурор гражданским истцом по уголовному делу не признается. В случае, если в рамках расследования будет заявлено ходатайство о признании представителя государственного учреждения «Территориального фонда обязательного страхования» гражданским истцом, то такое ходатайство должно быть удовлетворено. Лицо, которому преступлением был причинен физический вред, также может заявить гражданский иск в случае, если оно понесло материальные затраты на восстановление своего здоровья (приобретение лекарственных средств, прохождение медицинских исследований, не покрываемые медицинской страховкой и т.п.)

Часть 4 статьи 42 УПК РФ устанавливает порядок компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Потерпевший может обратиться в суд с требованием о денежном возмещении, и именно суд, в рамках уголовного процесса, будет решать вопрос о размере этой компенсации. Это правило действует и в отношении лиц, пострадавших от преступных деяний, совершенных невменяемыми.

В настоящее время возможность возмещения морального ущерба в денежном выражении приравнивается к возмещению материального ущерба от преступления. При определении размера компенсации морального вреда по предъявленному иску судом учитывается характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями; степень вины подсудимого; его материальное положение и другие конкретные обстоятельства уголовного дела. Во всех случаях при определении размера компенсации морального вреда судом должны учитываться требования разумности и справедливости [6].

Компенсация морального вреда подлежит возмещению не только в соответствии с ч. 4 ст. 42 УПК РФ, но и согласно положениям ст. 151, 1099, 1100, 1101 ГК РФ. При этом данная компенсация осуществляется в денежном выражении, то есть исчисляется в определенной сумме денежных средств. Денежное выражение морального вреда может быть реализовано лишь в валюте РФ: в денежных знаках в виде банкнот и (или) монет Банка России, находящихся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории нашей страны (ст. 9 Федерального закона № 173) [7].

Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием) лица, совершившего преступление, нарушающими, в том числе, и имущественные права гражданина.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении прямо указал на то, что по смыслу положений п. 1 ст. 151 ГК РФ гражданский иск о компенсации морального вреда (физических или нравственных страданий) может быть предъявлен по уголовному делу, когда такой вред причинен потерпевшему преступными действиями, нарушающими его личные неимущественные права (например, права на неприкосновенность жилища, частной жизни, личную и семейную тайну, авторские и смежные права), либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности и др.). Исходя из положений ч. 1 ст. 44 УПК РФ и ст. 151, 1099 ГК РФ в их взаимосвязи, гражданский иск о компенсации морального вреда подлежит заявлению и рассмотрению судом и в случаях, когда в результате преступления, посягающего на

чужое имущество или другие материальные блага, вред причиняется также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам (например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия и др.) [8].

В соответствии с частью 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицо, признанное виновным в причинении ущерба, обязано осуществить его полное возмещение. Для успешного удовлетворения требований о возмещении вреда, основанных на нормах главы 59 ГК РФ, истцу необходимо представить доказательства следующих обстоятельств: факт наступления вреда и его количественное выражение, противоправность действий лица, причинившего вред, наличие причинно-следственной связи между противоправными действиями и возникшими убытками, а также наличие вины причинителя вреда. Если ущерб причинен в результате совершения преступления, то по смыслу закона, причинно-следственная связь между действиями виновного лица и наступившими последствиями в виде причинения вреда окончательно устанавливается приговором суда, вступившим в законную силу.

Институт гражданского иска в отечественном уголовном процессе известен еще со времен Судебной реформы 1864 года [9, с. 120-252]. Однако, не смотря на столь длительный срок существования, до сих пор так и не удалось выяснить и разрешить все проблемы, которые не позволяют рассматриваемому институту надежно и эффективно функционировать в настоящее время и его исследование продолжает оставаться актуальным, важным для развития уголовно-процессуальной науки и практики. [10, с.72]. В современных реалиях наиболее важным представляется не только модернизация законодательства, регламентирующего гражданский иск в уголовном процессе, но и совершенствование правоприменительной практики действующего института гражданского иска в части, касающейся обеспечения реализации прав лица на возмещение вреда, причиненного преступлением: разъяснение права на предъявление гражданского иска участнику уголовного процесса, оказание содействия в подаче искового заявления и установлении доказательств причиненного вреда, разъяснении особенностей приобретенного процессуального статуса гражданского истца, а также в обеспечении реализации исковых требований в ходе расследования и разрешения уголовного дела.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и реализация ее требований в УМС Российской Федерации через решения Европейского Суда по правам человека» (утв. ФСИН РФ) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Григорьев Н. Е. Реализация полномочий прокурора по предъявлению гражданских исков в уголовном процессе // Законность. 2017. № 2. С. 12 – 14.
5. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2024) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X – XX вв.: Судебная реформа. В 9-ти томах. Т. 8 / Отв. ред.: Б. В. Виленский, под общ. ред.: О. И. Чистяков – Москва : Юрид. лит., 1991. С. 120-252.

10. Поповой Л.В. К вопросу возмещения материального ущерба гражданскому истцу в досудебном производстве по уголовному делу /Л.В. Попова // Современное уголовно-процессуальное право- уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: международная научно-практическая конференция памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения, Орёл, 11 октября 2024 года.- Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова, 2024. – С. 70-74. – EDN HNSQFA.

3.4. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА

Трифонова Кристина Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Уголовно-процессуальные механизмы обеспечения возмещения ущерба в досудебном уголовном судопроизводстве достаточно обширны, в последние годы прослеживается тенденция применения поощрительных институтов при добровольном возмещении ущерба, в частности ст.ст. 25, 25.1 и 28.1 УПК РФ. Вместе с тем, согласно данным официальной статистики, в 2024 году материальный ущерб от преступлений составил 628 млрд. рублей, из которых удалось возместить 346 млрд. рублей [12], что незначительно превышает 50 % и свидетельствуют о необходимости совершенствования работы органов предварительного расследования в этом направлении.

Институт гражданского иска в спектре назначения уголовного судопроизводства является важной гарантией обеспечения права, закрепленного в ст. 52 Конституции РФ. В досудебном производстве реализация данного конституционного права возложена на субъекта расследования, а в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 44 УПК РФ – на прокурора. Основополагающим элементом досудебной подготовки гражданского иска в уголовном деле является принятие субъектом расследования мер по обеспечению гражданского иска. Стоит согласиться с мнением С.В. Валова, что «в нормативной модели обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, следователь не является ни субъектом, на которого возложена обязанность возместить причиненный преступным деянием вред, ни субъектом окончательного определения формы и способа, вида и размера возмещения, в конкретизированном виде выражающего определенную составляющую бремени, налагаемого на лицо, признанное вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления»[3, с. 101]. Как правило, уголовно-процессуальным средством обеспечения гражданского иска является наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ). Однако среди процессуалистов не сложилось однозначного мнения относительно содержания системы мер по обеспечению гражданского иска, и устоялось мнение, что обеспечение гражданского иска состоит не только в наложении ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем [4].

Несомненно, что применению данной меры процессуального принуждения предшествует совокупность уголовно-процессуальных действий субъекта расследования, направленных на доказывание размера и характера вреда, причиненного преступлением, признание физических и юридических лиц гражданскими истцами, выяснение имущественного положения подозреваемого (обвиняемого), признание его гражданским ответчиком, принятие мер к установлению местонахождения имущества, на которое может быть наложен арест (например, путем производства обыска, выемки), выяснение наличия желания у подозреваемого (обвиняемого) добровольно возместить ущерб, причиненный его противоправными действиями.

Несмотря на длительную следственную практику применения данной меры процессуального принуждения, нормативная регламентация и практическое применение анализируемых норм до настоящего времени вызывает у правоприменителей определенные сложности.

Проблематичным является соблюдение принципа соразмерности, т.е. стоимость имущества, на которое будет наложен арест должна быть соразмерна имущественным взысканиям, указанным в ходатайстве следователя (дознателя). Данное понятие не является новым для правоприменительной практики. В научной литературе отмечается, что понятие «соразмерность» можно рассматривать в узком и широком смыслах, в первом случае – это соответствие стоимости имущества причиненному ущербу, во втором, это соблюдение баланса частных и публичных интересов [8, с. 68-75]. На соблюдение данного принципа еще в 2019 году указал Верховный Суд Российской Федерации [11], иллюстрируя выводы примерами его нарушения. Однако нарушения данного принципа продолжают оставаться предметом судебного контроля. Так, согласно постановлению 2КСОЮ от 19 октября 2022 г. № 77-3698/2022 [6] решение Московского городского суда от 25 апреля 2022 г. в отношении обвиняемого Т. было отменено в виду несоблюдения правила соразмерности стоимости имущества, на которое налагается арест, причиненному преступлением ущерб. В частности, Т. инкриминировалось совершение неоконченного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159.5 УК РФ, при этом, из описания преступного деяния указывалось, что ущерб не причинен, но мог бы быть причинен в сумме 23 384 000 рублей. Постановлением Басманного районного суда г. Москвы от 11 октября 2021 г., оставленным без изменения апелляционным постановлением Московского городского суда от 25 апреля 2022 г., разрешено наложение ареста на денежные средства в пределах суммы 65 442 001 рубль.

Соблюдение принципа соразмерности при наложении ареста на имущество следует достигать еще на этапе подготовки ходатайства в суд, путем протоколирования всех характеристик установленного имущества и производства его оценки. Далее в ходатайстве необходимо указывать стоимость имущества, на которое предполагается наложение ареста. Непосредственно при составлении протокола наложения ареста на имущества необходимо описывать индивидуальные признаки имущества, что нивелирует проблемы при обжаловании законности действий должностного лица.

Отмечается также проблема необходимости учета волатильности курса российского рубля по отношению к иностранной валюте при наложении ареста на счет в пределах денежных средств [7, с. 24-31], т.е. когда по истечению определенного времени в связи с колебаниями валютных курсов, признанные соразмерными ранее наложенные ограничения, перестают быть таковыми.

Решение о наложении ареста на имущество может быть принято в отношении третьих лиц, т.е. других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). В таком случае необходимо учитывать ряд правил, установленных законодателем и позицию высшего судебного органа конституционного контроля, в частности решение вопросов о том «кому принадлежит арестованное имущество, когда, кем и на чьи средства оно приобретено, в каких целях использовалось или предназначалось для использования, на основании каких норм арест следует применять в конкретном деле» [10]. Собранными материалами уголовного дела должны подтверждаться факт передачи подозреваемым (обвиняемым) имущества третьему лицу, сведения о преступном происхождении такого имущества, при этом действия последнего по приобретению имущества не должны образовывать состав преступления. Не следует забывать и о позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), обозначенной в 2014 году, что применение ч. 3 ст. 115 УПК РФ «допускается лишь в публично-правовых целях обеспечения предполагаемой конфискации имущества или сохранности имущества, относящегося к вещественным доказательствам по данному уголовному делу» [13]. Вместе с тем, нормативное регулирование наложения ареста на имущество в отношении субъектов, установленных в ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ демонстрирует отсутствие баланса соблюдения их прав в части срока действия ареста.

Новеллой уголовно-процессуального законодательства стало введение в УПК РФ опережающей меры процессуального принуждения, предшествующей наложению ареста на имущество - приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи. Виды приостанавливаемых операций на срок не более 10 суток перечислены в ч. 2 ст. 115.2 УПК РФ. Это списание денежных средств с банковского счета (вклада, депозита), снятие наличных денежных средств, закрытие банковского счета (вклада, депозита), операции с применением платежных

терминалов или банкоматов, уменьшение или увеличение остатка электронных денежных средств, возврат авансовых платежей за услуги связи.

Подобная мера эффективно применяется в деятельности налоговой службы и органов принудительного исполнения. Комплекс поправок, внесенных в отраслевое законодательство и связанные с ним федеральные законы [16], позволяет оперативно принять меры к возмещению ущерба, причиненного преступлением, в том числе в рамках заявленного гражданского иска.

Данный правовой механизм первоначально содействует эффективной реализации применения меры процессуального принуждения - наложение ареста на имущество путем временного ограничения конституционных права собственности, т.е. временного запрета на расходные операции с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи. Такой временный запрет применяется только, как указано в ч. 1 ст. 115.2 УПК РФ, при наличии достаточных оснований. Данная категория довольно абстрактна и, по мнению адвокатского сообщества, может привести к злоупотреблениям со стороны органов предварительного расследования [1]. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что аналогичная формулировка распространена при конструировании норм, касающихся оперативного принятия решений, например, об избрании меры пресечения или о производстве обыска в жилище. Достаточность оснований по общему правилу будет подтверждаться материалами уголовного дела, свидетельствующими о транзакции платежа и что счет использовался при совершении преступления. Также указывается на возможные уязвимости для предпринимательской деятельности в виду кратковременной «заморозки» расчетных счетов, что повлечет не только репутационные потери, но и нарушение договорных обязательств[5]. Несмотря на отмеченные опасения, обеспечение законности принятия решения о приостановлении операций с денежными средствами во внесудебном порядке обеспечивается на первом этапе получением согласия субъектом расследования у властного участника, обладающего контролирующими полномочиями, соответственно руководителя следственного органа, с направлением копии постановления прокурору либо прокурора, если приостановление инициирует дознаватель. Далее следует судебный контроль при последующем принятии решения о наложении ареста на имущество, а именно, денежные средства, электронные денежные средства, денежные средства, внесенные в качестве аванса за услуги связи. Дополнительными гарантиями являются невозможность изъятия денежных средств, «блокировка» только подозрительных денежных средств, возможность обжалования действий должностных лиц и автоматическое возобновление операций в случае, если не последует наложение ареста на данное имущество. Такой механизм контрольно-надзорных действий и процессуальных гарантий нивелирует коррупционные риски и возможные нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Пункт 5 ч. 1 ст. 111 УПК РФ регламентирует, что рассматриваемая мера процессуального принуждения применяется к подозреваемому или обвиняемому. В то же время положения ст. 115.2 УПК РФ не устанавливают ограничения в отношении участников, а анализ коррелирующей с ней ст. 115 УПК РФ, как возможного закономерного итога приостановления операций с денежными средствами, позволяет прийти к выводу, что круг таких участников обширный, в частности «и другие лица, не являющиеся подозреваемыми, обвиняемыми или лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия». Не содержится ограничений и относительно составов преступлений, по которым может применяться данная мера процессуального принуждения, что свидетельствует о наличии у органов предварительного расследования мощного механизма по противодействию преступлениям, совершаемым как с применением информационно-коммуникационных технологий, так и любых преступлений, где присутствуют информационные технологии.

В контексте данной проблематики интересен зарубежный опыт обеспечения возмещения ущерба в досудебном производстве. Уголовно-процессуальное законодательство Германии, схожее в истоках становления правовой системы, предусматривает возможность компенсации жертвам насилия причиненного ущерба и систему проверки деятельности социальных судов, касающейся вопросов компенсационных выплат. В научной литературе отмечается, что условия таких выплат имеют недостатки, в частности, компенсационные выплаты назначаются только за умышленное причинение вреда жизни и здоровью потерпевшего и зависят от медицинского критерия, кроме того, требуется незамедлительное обращение потерпевшего в правоохранительные органы в случае

преступного посягательства в отношении него [15, с. 100-109]. В 2020 году государства-участники СНГ на заседании Межпарламентской ассамблеи приняли модельный закон «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступления», который предусматривает механизм возмещения вреда, причиненного потерпевшему преступлением [9]. Компенсационная выплата обеспечивается, когда виновное в совершении преступления лицо не установлено, либо не известно его местонахождение, либо местонахождение его известно, однако исполнить решение суда не представляется возможным, либо оно не может быть подвергнуто уголовному преследованию или наказанию, либо оно не имеет средств для исполнения решения в части возмещения вреда, либо при неотложной необходимости оказания материальной поддержки потерпевшему (ст. 15 Модельного закона). На досудебной стадии на следователя возлагается обязанность разъяснить потерпевшему его право на компенсацию.

Несовершенство механизма обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением, особо проявляется, когда принимается решение о прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого. Субъект расследования в резолютивной части итогового постановления должен отменить принятое решение о наложении ареста на имущество. Фактически потерпевший после принятия данного решения должен предпринять самостоятельные меры по розыску наследников умершего подозреваемого или обвиняемого, так как в соответствии с п. 3 ст. 1175 ГК РФ в случае смерти обвиняемого потерпевший может предъявить гражданский иск к его наследникам. В данном случае действия по обеспечению возмещения ущерба в досудебном уголовном производстве прекращаются и потерпевшим инициируется гражданское судопроизводство. Кроме того, КС РФ, была сформулирована позиция, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не создает препятствий, в том числе и для компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему в связи со смертью близкого родственника, за счет наследственного имущества умершего обвиняемого-причинителя вреда [14]. Вместе с тем, О.В. Анучина [2, с. 50] отмечает несовершенство механизма возмещения вреда, причиненного преступлением, на досудебной стадии, когда по уголовному делу принимается решение в порядке п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, и предлагает возложить на следователя обязанность по установлению не только близких родственников умершего, но и его наследников, которые вправе настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью реабилитации умершего. Содержанием данной обязанности может являться обеспечение составления и направления необходимых материалов в контексте реализации заявленного гражданского иска, разрешение вопроса о продолжении действия наложения ареста на имущество умершего обвиняемого до разрешения гражданского иска.

Обозначенные проблемы, возникающие при применении мер по обеспечению гражданского иска, свидетельствует о необходимости применения комплексного подхода с целью соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Список использованных источников

1. Адвокатская газета. Одобрен закон о внесудебной блокировке счетов при подозрении в преступном использовании. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/odobren-zakon-o-vnesudebnoy-blokirovke-schetov-pri-podozrenii-v-prestupnom-ispolzovanii/> (дата обращения: 04.10.2025).
2. Анучина О.В. Право потерпевшего на возмещение вреда в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Юрист-Правоведь. 2022. № 4. С. 47-52.
3. Валов С.В. Причиненный преступлением вред и обязанность следователя: возмещать или обеспечивать возмещение? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2. С. 91-102.
4. Вдовкин К.В. Проблемы совершенствования процессуальных средств обеспечения гражданского иска на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник БГУ. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-protsessualnyh-sredstv-obespecheniya-grazhdanskogo-iska-na-dosudebnyh-stadiyah-ugolovnogo> (дата обращения: 07.10.2025).
5. Информационно-правовой портал «Закон.ру». Новый порядок приостановления счетов в УПК: риски для защиты и бизнеса. URL: https://zakon.ru/blog/2025/09/08/novyj_poryadok_priostanovleniya_schetov_v_upk_riski_dlya_zaschity_i_biznesa (дата обращения: 04.10.2025).

6. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2022 № 77-3698/2022. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8089913&case_uid=f6014b90-1833-442c-b12a-76dbf89b3ebf&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 01.10.2025)
7. Куликов А.С. Арест разных видов имущества по уголовному делу. Ошибки следствия и судов // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 24-31.
8. Луданина А.В. Оценка стоимости имущества при наложении на него ареста: как применять принцип соразмерности // Уголовный процесс. 2022. № 12. С. 68-75.
9. О модельном законе «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 27 ноября 2020 г. N 51-28 // Доступ СПС «Гарант».
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бибишевой Элеоноры Самвеловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление КС РФ от 17.07.2025 № 1871-О // Доступ СПС «Консультант Плюс».
11. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019) // Доступ СПС «Консультант Плюс».
12. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. В Генпрокуратуре России состоялось совещание по теме «Состояние надзора за следствием, дознанием и оперативно-разыскной деятельностью». URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=101547915>; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. МВД России. ФКУ ГИАЦ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 01.10.2025)
13. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена: постановление КС РФ от 21.10.2014 № 25-П // Доступ СПС «Консультант Плюс».
14. По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина: постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П // Доступ СПС «Консультант Плюс».
15. Сушина Т.Е. Особенности развития и современное состояние германской модели возмещения вреда, причиненного преступлением // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 100-109.
16. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 279-ФЗ «О внесении изменения в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»»; Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 280-ФЗ «О внесении изменения в статью 54 Федерального закона «О связи» // Доступ СПС «Консультант Плюс».

3.5. ВОЗМЕЩЕНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ИМУЩЕСТВЕННОГО И МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ПОРЯДКЕ РЕГРЕССА

Большаков Александр Павлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Всеобщая декларация прав человека в статье 8 устанавливает: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [1]. Конституция РФ в ст. 46 и 52 гарантирует охрану прав потерпевших от преступлений, обеспечение им доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. В свою очередь, статья 53 Конституции

Российской Федерации конкретизирует это право, гарантируя каждому гражданину возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) госорганов или их должностных лиц» [2].

Согласно ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) к числу способов защиты гражданских прав относятся возмещение убытков и компенсация морального вреда. В уголовном судопроизводстве обязанность государства обеспечить надлежащую защиту гражданских прав потерпевших от преступлений лиц реализуется посредством разрешения исков о возмещении имущественного ущерба или компенсации морального вреда.

Вред, причиненный в результате преступления, может выражаться в причинении имущественного, физического и морального вреда (для физических лиц) и имущественного либо неимущественного вреда (для юридических лиц) (ст. 42 УПК РФ).

Материальный вред (ущерб) связан с лишением или повреждением имущества, иных материальных благ и выражается в денежной сумме.

Физический вред выражается в причинении вреда жизни и здоровью лица.

Моральный вред согласно ст. 151 ГК РФ определяется как физические и нравственные страдания, причиненные гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на другие принадлежащие гражданину нематериальные блага. Моральный вред может быть причинен лицу при причинении как имущественного, так и неимущественного ущерба.

Согласно ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) физическое или юридическое лицо вправе предъявить в рамках уголовного дела требование о возмещении имущественного вреда при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Такое лицо (гражданский истец) может предъявить гражданский иск в уголовном процессе и для имущественной компенсации морального вреда.

Помимо этого, за гражданским истцом признается право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства. В соответствии со ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Нередко складываются ситуации, когда одно лицо вынуждено исполнить обязательства вместо другого -, например, оплатить ущерб потерпевшему. Возникает закономерный вопрос - можно ли после этого потребовать возмещения затрат с того, кто был настоящим виновником? Да, в форме регрессного иска [10].

Под регрессивным иском подразумевается право требовать возврат средств, уплаченных за другого человека или организацию. Это означает, что, если одна организация по объективным причинам покрыла убытки, понесенные фактическим должником, она имеет законное основание обратиться в суд для взыскания этих средств с виновной стороны. По сути, речь идет о перераспределении финансовой ответственности между участниками обязательства. Данный иск не зависит от первоначального долга и рассматривается как самостоятельное требование, основанное на новом основании — возмещении убытков за третье лицо.

Кроме того, закон налагает на государство обязанность возмещать убытки, возникшие из-за неправомερных действий чиновников. После выплаты оно также вправе требовать компенсации с виновного лица. Таким образом, механизм регресса фактически позволяет вернуть средства туда, откуда они были изъяты без достаточных на то оснований.

В части 3 статьи 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или муниципальные образования могут осуществлять регресс в отношении судьи, который причинил вред при выполнении своих обязанностей по осуществлению правосудия, если его вина подтверждена приговором суда, вступившим в законную силу.

В части 3.1 данной статьи утверждается, что субъект Российской Федерации или муниципальное образование, осуществляя возмещение ущерба в соответствии со статьями 1069 и 1070 Кодекса, имеет право на регресс к лицу, виновному в осуществлении незаконных действий (или бездействия), приведших к данному возмещению.

Статья 133 УПК РФ гласит, что государство обязано полностью возместить ущерб, причиненный человеку в результате уголовного преследования, независимо от вины должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и судебное разбирательство. Это означает,

что не важно, произошла ли ошибка со стороны следователя или суда, или же действия этих должностных лиц имели умышленный характер и были направлены на привлечение к ответственности заведомо невиновного человека.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, лица, подвергшиеся незаконному уголовному преследованию, имеют право на возмещение вреда как в случае полной, так и при частичной реабилитации (п. 2.1 ст. 133 УПК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» уточняет, что реабилитация в уголовном процессе представляет собой процедуру восстановления прав и свобод лица, которое было незаконно или необоснованно подвергнуто уголовному преследованию, а также возмещения причиненного ему вреда. При этом нормы главы 18 УПК РФ больше отражают юридико-фактические основания для возмещения ущерба, чем устанавливают сам порядок возмещения. Это означает, что они определяют условия наступления безвиновной имущественной ответственности за вред, причиненный в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, что соотносится со ст. 1070 ГК РФ.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации реабилитация определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК РФ).

Реабилитация — это комплексное восстановление прав человека, который стал жертвой уголовного преследования, будучи невиновным. Право на реабилитацию охватывает не только возмещение материального и морального ущерба, но и восстановление в других правах, включая, трудовые, пенсионные, жилищные и ряд других прав.

Процесс реабилитации органически связан с основными принципами уголовного судопроизводства. Согласно статье 6 УПК РФ, одной из важнейших задач этой правовой системы является защита личности от неправомерных обвинений, что не менее важно, чем защита жертв преступлений. Принцип охраны прав и свобод граждан в процессе уголовного судопроизводства предполагает необходимость возмещения ущерба, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод судебными органами и органами, осуществлявшими уголовное преследование (ч. 4 ст. 11 УПК РФ).

Следует заметить, что советское законодательство не уделяло должного внимания вопросам реабилитации, зачастую полностью игнорируя эту проблему. Сложность данного вопроса заключается в необходимости признания государством своих ошибок, включая действия должностных лиц и правоохранительных органов. Признать свою вину и выразить извинения всегда сложнее, чем обвинять других. Именно поэтому статья 58.1 Уголовно-процессуального кодекса 1960 года, устанавливающая «Обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями», была внедрена только в 1981 году.

В 1993 г. с принятием Конституции Российской Федерации реабилитация получила конституционно-правовую основу, и в 2001 г. соответствующий правовой институт занял место в новом УПК РФ. Практика показывает, что в последние годы ежегодно судами рассматривается около тысячи дел о реабилитации. При этом следует отметить, что оправдывается граждан и прекращается уголовных дел по реабилитирующим основаниям намного больше [9, с. 214].

Впервые был создан полноценный механизм уголовного процесса, который позволяет лицам, незаконно преследуемым органами обвинительной власти, восстановить свои права и получить как материальную, так и моральную компенсацию за причиненный ущерб. Тем не менее, наличие отдельной главы не устраняет многочисленные пробелы в правовом регулировании и правоприменительной практике, касающейся восстановления прав преследуемых в уголовном процессе.

С этого момента вопросы реабилитации - возмещения имущественного и морального вреда по уголовным делам, включая аспекты регресса - становятся актуальными как для граждан, так и для сотрудников правоохранительных органов, адвокатов и судей. Ведутся публикации, освещающие различные аспекты реабилитации в уголовном процессе [7, с. 36-41]. Не претендуя на

исчерпывающее освещение всей сложности данной темы, отметим лишь некоторые проблемы правового регулирования реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Само по себе появление гл. 18 в УПК РФ, которая включает семь статей (ст. 133-139 УПК РФ), можно оценить с положительной стороны.

Так, основополагающим в реабилитации в уголовном процессе является перечень лиц, которые имеют право на реабилитацию. Данный перечень носит исчерпывающий характер. Правом на реабилитацию обладают следующие лица:

1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, т. е. приговор, выносимый судом в случаях, если не установлено событие преступления, подсудимый непричастен к совершению преступления, в деянии подсудимого отсутствует состав преступления или в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт;

2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого, прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Такое право предоставлено государственному обвинителю в силу ч. 7 ст. 246 УПК РФ: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа»;

3) подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, которые принято называть в науке и практике «реабилитирующими», т. е. в связи с отсутствием события преступления; отсутствием в деянии состава преступления; отсутствием заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению; отсутствием заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 1, 3-5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной думы, Конституционного суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, обладающих неприкосновенностью.

Также подозреваемый или обвиняемый, в отношении которого уголовное преследование было прекращено в соответствии со статьей 27 УПК РФ, может быть реабилитирован при наличии следующих обстоятельств: если установлено, что он не причастен к совершению преступления; если по тому же обвинению имеется вступивший в законную силу приговор, определение суда или постановление судьи о прекращении уголовного дела; если существует неотмененное постановление органа дознания или следователя о прекращении уголовного дела или об отказе в его возбуждении; а также в случае отказа Государственной Думы в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, и/или отказа Совета Федерации в обсуждении вопроса о лишении неприкосновенности этого лица.

4. Осужденный также может рассчитывать на реабилитацию в случае полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора и прекращения уголовного дела по основаниям непричастности к совершению преступления, а также при наличии других оснований, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Хотя в этой части перечислено несколько оснований, фактически актуальны лишь два: отсутствие события преступления и отсутствие состава преступления в деянии.

5. Кроме того, лицо, к которому применялись принудительные меры медицинского характера, может быть реабилитировано в случае отмены судебного решения о применении этих мер как незаконных или необоснованных. Однако к основаниям для реабилитации не относятся акты амнистии, истечение сроков давности, недостижение возраста уголовной ответственности, принятие законов, которые декриминализируют деяния, а также случаи признания несовершеннолетними лицами, способными не полностью осознавать фактический характер своих действий и их общественную опасность, даже если они достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Таким образом, возможность возмещения вреда лицу за действия, которые были декриминализованы, в УПК РФ не регламентируется отдельно, в отличие от ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства [8, с. 223].

Право на реабилитацию должно быть установлено судом в вынесенном приговоре, определении или постановлении, а также следователем или дознавателем в их постановлениях. Данные процессуальные документы, согласно части 1 статьи 134 УПК РФ, должны содержать

конкретные указания на необходимость возникновения права на реабилитацию. Кроме того, реабилитированному лицу должно быть направлено извещение с разъяснением порядка возмещения вреда.

К данному извещению уголовно-процессуальный закон не выдвигает особых требований, однако подразумевается общее разъяснение права на обращение в суд для защиты своих имущественных и неимущественных личных прав. Данное обращение осуществляется в рамках искового производства. Исковому заявлению необходимо прикрепить, помимо документов, указанных в ст. 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), также документы, подтверждающие наличие у лица права на реабилитацию и компенсацию ущерба.

При рассмотрении гражданского дела по иску реабилитированного лица важно отметить, что вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, подлежит возмещению государством независимо от вины органов дознания, дознавателей или суда. Следует подчеркнуть, что случаи причинения вреда в результате оперативно-розыскной деятельности не подпадают под действие института реабилитации. Это связано с тем, что оперативно-розыскная деятельность не считается уголовно-процессуальной, и возмещение такого вреда должно осуществляться по общим нормам, изложенным в Гражданском кодексе РФ.

Согласно ч. 1 ст. 133 УПК РФ, вред, нанесенный лицу в результате уголовного преследования или применения мер уголовно-процессуального принуждения, подлежит полному возмещению.

В соответствующих документах подробно описывается методика расчета ущерба в рамках действующего законодательства. В целом, выделяются три основных направления возмещения вреда: 1) возмещение имущественного вреда; 2) компенсация морального вреда; 3) восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и других правах.

Начнем с первого аспекта. Согласно статье 1082 ГК РФ, возмещение имущественного вреда может происходить в форме восстановления в натуре (передача вещи того же рода и качества или исправление поврежденной вещи) или через возмещение убытков. Для более полного понимания термина «убытки» необходимо обратиться к гражданскому законодательству. В соответствии со статьей 15 ГК РФ, убытки включают: 1) расходы, которые понесло или должно понести лицо, чьи права были нарушены, для восстановления этих прав; 2) реальный ущерб, то есть утрату или повреждение имущества; 3) упущенную выгоду.

На сегодняшний день, в части, не противоречащей действующему законодательству, продолжает действовать Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданам незаконными действиями органов дознания, предварительного расследования, прокуратуры и суда, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года (номер 4892-X). Этот Указ применяется в той части, которая не противоречит главе 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и положениям статьи 1070, а также § 4 главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Право на заявление о возмещении имущественного ущерба имеют лица, подвергшиеся реабилитации, а также их законные представители (ч. 3 ст. 135 УПК РФ).

Второй аспект. Компенсация имущественного ущерба реабилитированным лицам включает возмещение следующих видов убытков:

- утраченной заработной платы, пенсии, пособий и других средств, которых они были лишены в результате уголовного преследования;
- изъятого или переданного в доход государства имущества на основании приговора или решения суда;
- штрафов и процессуальных издержек, взысканных с них согласно решению суда;
- сумм, уплаченных за юридическую помощь;
- других расходов.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, лица, реабилитированные после уголовного преследования, имеют право на возмещение утраченных заработной платы, пенсии, пособий и других выплат. При расчете утраченного заработка суд должен учитывать среднюю заработную плату по региону с учетом уровня инфляции.

И третий аспект. С практической точки зрения важно отметить, что согласно ст. 1070 ГК РФ, вред, причиненный гражданину вследствие незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности или незаконного применения меры пресечения, возмещается за счет

бюджета Российской Федерации. В некоторых случаях, предусмотренных законом, возмещение осуществляется за счет бюджета субъекта Российской Федерации или муниципального образования.

Согласно ст. 1071 ГК РФ, если вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, соответствующий финансовый орган выступает от ее имени, если эта обязанность не передана другому органу в соответствии с п. 3 ст. 125 УПК РФ. По правилам ч. 1 ст. 242.2 Бюджетного кодекса РФ, исполнение судебных актов по искам о возмещении вреда, причиненного действиями государственных органов или их должностных лиц, возложено на Министерство финансов Российской Федерации.

По специальному поручению Министерства финансов в суде могут выступать иные государственные органы, органы местного самоуправления, а также юридические лица и граждане (п. 3 ст. 125 УПК РФ).

Таким образом, из вышеуказанных норм следует, что надлежащим ответчиком по искам о возмещении вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности, является Министерство финансов РФ, а не Генеральная прокуратура. Размер подлежащих выплат, включающих неполученную заработную плату с учетом уровня инфляции за период содержания под стражей, определяется судом согласно статьям 135 УПК РФ.

В случае, если конфискованные вещи подлежат возврату, они возвращаются в натуре, а денежные средства – в размере конфискованной суммы с учетом инфляции. Если же конфискованные предметы были проданы или уничтожены, возмещение ущерба в гражданском судопроизводстве должно определяться судом индивидуально. В этом случае возможно, как самостоятельное определение ущерба судом, так и назначение оценочной экспертизы.

Сложностей с возвратом денежных средств, связанных с реабилитацией, таких как штрафы и процессуальные издержки, на практике не возникает. Однако суммы, выплаченные за юридическую помощь, требуют наличия письменных подтверждений. Истец обязан представить квитанции и чеки, подтверждающие оплату этих услуг. Уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает требований к «разумности» расходов на юридическую помощь, что отличается от норм гражданского процессуального законодательства.

В соответствии со ст. 135 УПК РФ, реабилитированному лицу возмещается имущественный вред, причиненный в ходе уголовного преследования, включая расходы на восстановление нарушенных прав после оправдательного приговора. На требования реабилитированных лиц, обращающихся за возмещением вреда в рамках гражданского судопроизводства, распространяются сроки исковой давности, установленные Гражданским кодексом Российской Федерации, начиная с момента получения копий документов, указанных в первой части статьи 134 УПК РФ, и уведомления о порядке возмещения вреда.

Реабилитированный имеет право на свое усмотрение обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда: а) в суд, который вынес приговор или постановление о прекращении уголовного дела; б) в суд по месту своего жительства; в) в суд по месту нахождения органа, принявшего решение о прекращении уголовного дела или об отмене незаконных решений. В случае, если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, требование о возмещении вреда подается в суд, который издал первоначальный приговор.

Компенсация морального вреда осуществляется в соответствии со ст. 136 УПК РФ. Прокурор обязан принести официальные извинения от имени государства за причиненный вред.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33 от 15.11.2022 г. «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (например, жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных

связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, в силу п. 2 ст. 1099 ГК РФ подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом (например, статья 15 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей», далее – Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей», абзац шестой статьи 6 Федерального закона от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»).

Компенсация за моральный вред не имеет установленного фиксированного размера и зависит от степени физических и моральных страданий, которые испытало лицо, ставшее жертвой незаконного уголовного преследования. В связи с этим размер компенсации устанавливается судом индивидуально в процессе гражданского судопроизводства.

Особое внимание следует уделить ситуации, когда информация о задержании реабилитированного, его заключении под стражу, временном отстранении от должности, применении к нему мер принудительной медицинской помощи, осуждении и других незаконных действиях была опубликована в средствах массовой информации — печати, радио, телевидении и т.д. В таких случаях реабилитированный, а в случае его смерти — его родственники, имеют право потребовать от соответствующих СМИ, а также по письменному указанию суда, прокурора, руководителя следственного органа или следователя, чтобы в течение 30 дней была сделана публикация о реабилитации [3, с. 29].

Следует отметить, что закон не определяет размер и место размещения информации о реабилитации в газетах, сети интернет или время ее трансляции, что на практике приводит к ситуации, когда информация о задержании и обвинениях появляется на первой странице, в то время как сведения о реабилитации располагаются мелким шрифтом на последней.

Кроме того, суд, прокурор, следователь или дознаватель обязаны в течение 14 дней направить письмом сообщения о признании реабилитированного невиновным по месту его работы, учебы или жительства.

Восстановление других прав реабилитированного, таких как трудовые, пенсионные или жилищные, осуществляется в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальными нормами, касающимися исполнения приговора. Тем, кто на основании судебного решения был лишен специальных, воинских и почетных званий, а также государственных наград, эти звания и награды должны быть восстановлены. Если суд отклоняет требование о восстановлении прав, или реабилитированный не согласен с решением, он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство содержит отдельные нормы, касающиеся компенсации ущерба юридическим лицам, который подлежит полному возмещению в соответствии с главой 18 УПК РФ.

С принятием Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 329-ФЗ (далее - ФЗ № 329-ФЗ) была изменена редакция п. 3 ст. 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации. Ранее этот пункт предусматривал регрессную ответственность должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда только в тех случаях, когда их вина была установлена вступившим в законную силу приговором суда. Законодатель решил, что такую привилегию должны иметь лишь судьи. Для остальных должностных лиц из указанных органов был введен пункт 3.1, который позволяет предъявлять регрессные иски без необходимости установления их вины в результате вступившего в законную силу судебного решения.

Таким образом, согласно верному замечанию Е.В. Ларкиной, «для должностных лиц, работающих в сфере уголовного судопроизводства, установлены разные критерии ответственности. Вопрос заключается в том, соответствует ли это конституционному принципу равенства всех перед законом и судом» [6, с. 27].

По закону уголовное преследование осуществляется дознавателем, следователем и прокурором от имени государства. Их задачей является выявление фактов преступления и установление вины лиц, причастных к его совершению (ч. 1 ст. 21 УПК РФ). Тем не менее, согласно

п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, государство может возложить на этих должностных лиц часть своей ответственности.

Важно отметить, что, согласно законодательству, ущерб, который понес гражданин в результате уголовного преследования, должен быть полностью компенсирован государством, независимо от вины сотрудников правоохранительных органов, следователя, прокурора или суда (ч. 1 ст. 133 УПК РФ, п. 1 ст. 1070 ГК РФ). Это подчеркивает, что даже в случаях, когда вред причинен невиновным лицам, обязанность по его возмещению полностью возлагается на государство.

В связи с этим возникает вопрос: допускает ли закон возможность регрессной ответственности без определения вины указанных должностных лиц, или же без установления их вины через вступивший в законную силу приговор суда? Если суд не выступает в качестве критерия, как именно должна быть установлена их вина?

Следует отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации включает несколько статей, предусмотренных для привлечения к ответственности за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), халатность (ст. 293), привлечение лиц, заведомо не виновных, к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299), а также за незаконные задержания, заключения под стражу или содержание под стражей (ст. 301), фальсификацию доказательств (ст. 303) и другие преступления, совершенные должностными лицами в рамках уголовного судопроизводства. Умышленный характер этих преступлений является их основной субъективной стороной.

Должен ли следователь нести регрессную ответственность за преступления, связанные с правосудием или государственной службой? Ответ на этот вопрос однозначен: безусловно, должен.

Однако возникает другой вопрос: несет ли следователь такую ответственность, если он не совершал указанных преступлений, а лишь выполнял свои профессиональные обязанности? Следователь, как и судья, оценивает доказательства вопроса, основываясь на своем внутреннем убеждении и руководствуясь законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). В данной ситуации существует риск, что суд может интерпретировать те же доказательства иначе, ведь внутреннее убеждение судьи может отличаться от мнения следователя.

Согласно статье 133 УПК РФ, право на реабилитацию и возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют следующие лица: подсудимый, который был оправдан или в отношении которого уголовное преследование прекращено по решению государственного обвинителя; подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование по которому прекращено на реабилитирующих основаниях; осужденный в случае полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора и прекращения дела по реабилитирующим основаниям; а также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе уголовного дела.

Наиболее часто встречающиеся причины для возникновения права на реабилитацию включают прекращение уголовного дела по основаниям, которые оправдывают такую меру, а также вынесение оправдательного приговора. Кроме того, незаконное применение каких-либо процессуальных мер принуждения — будь то задержание, избрание меры пресечения (от подписки о невыезде и ведения себя надлежащим образом до ареста) или других мер (например, обязательства о явке или наложения ареста на имущество) — предоставляет лицу право на возмещение причиненного вреда.

Как отметила одна из экспертов «Адвокатской газеты» (АГ), в 2024 г., больше всего оправдательных приговоров вынесено по делам, рассматриваемым единолично судьями, а не с участием присяжных заседателей. Другой выразил обеспокоенность ситуацией с обжалованием в апелляционном порядке решений судов о заключении обвиняемого под стражу. Третий предположил, что снижение показателей поступивших кассационных жалоб и представлений может быть продиктовано, в том числе, снижением общего количества дел, находящихся в производстве судов общей юрисдикции. В Федеральной палате адвокатов РФ указали на усиление карательной политики государства на фоне объективного снижения преступности[11].

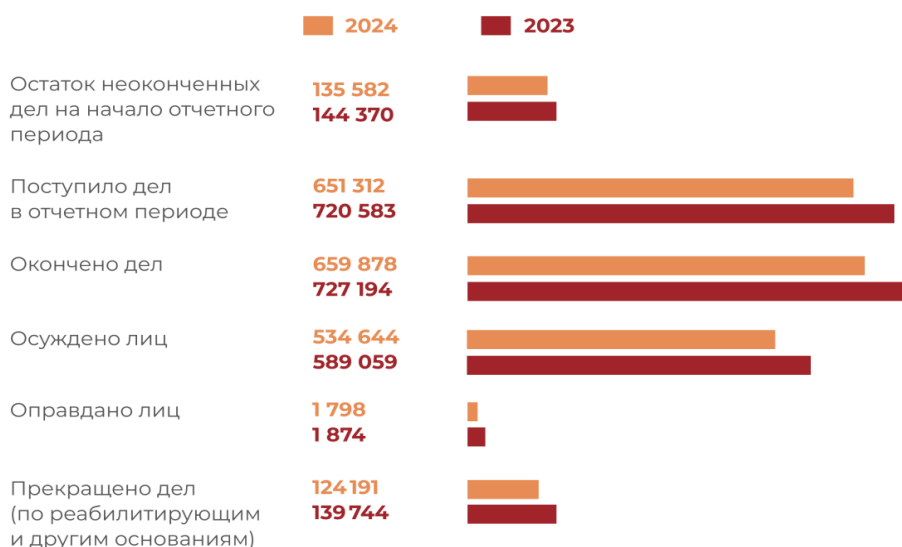
Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал сводную статистику деятельности российских судов за 2024 г. Адвокаты прокомментировали ключевые показатели ответности, содержащей статистические сведения по уголовным делам.

Первая инстанция. В 2024 г. в суд общей юрисдикции первой инстанции поступило на 69271 дело меньше, чем годом ранее. В 2023 г. было осуждено лиц на 54415 больше, чем в отчетном периоде. Число оправданных лиц в 2024 г., снизилось на 76 человек в сравнении с 2023 г.

Заместитель председателя коллегии адвокатов ARM IUST Нарине Айрапетян, комментируя статистику уголовных дел, отметила количество лиц, получивших оправдательный приговор. «В абсолютных цифрах это 1798 человек. К этому числу можно добавить также 671 человека, в отношении которых, уголовное дело было прекращено по реабилитирующим основаниям. В сумме это составляет 2469 человек, что является 0,46% от общего числа дел, направленных в суды первой инстанции. Это не 0,02%, как многим привычно считать, а 0,46%, что дает шанс надеяться на результат. Тем не менее, в нашей работе не должно быть места чудесам. Мы опираемся на факты дела, наличие или отсутствие состава преступления, и на процессе доказывания – только это имеет значение. Однако реальность порой затрудняет правильное понимание всех этих категорий», – считает она[11].

Приведем схематично, результаты рассмотрения дел в первой инстанции.

Результаты рассмотрения дел в первой инстанции

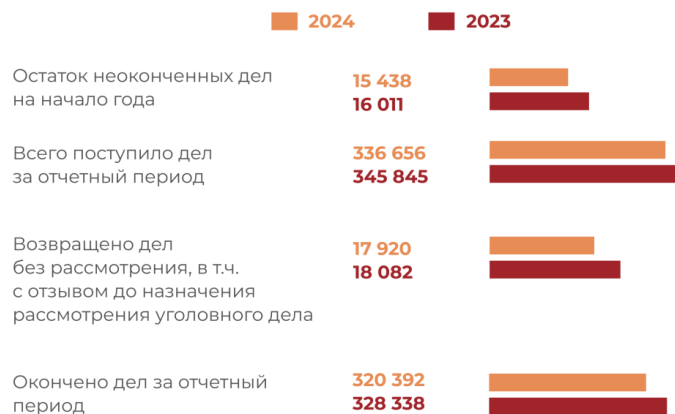

Больше всего оправдательных приговоров выносятся по делам, рассматриваемым единолично судьями (в отношении 1499 лиц), в сравнении, например, с оправданиями 290 лиц, в отношении которых дело рассматривалось с участием присяжных заседателей. Разумеется, в целом профессиональный суд рассматривает больше дел, отсюда и такие показатели. Однако показатель оправданий при рассмотрении дел с участием присяжных обычно выше, нежели в стандартном процессе. Примечательно также и то, что наибольшее количество оправданий в анализируемом аспекте затронуло преступления небольшой тяжести. При этом в качественном аспекте самыми распространенными составами при оправдании являются убийство без смягчающих обстоятельств, умышленное причинение тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью, мошенничество, другие преступления против интересов службы в органах власти и местного самоуправления.

Апелляционная инстанция. В 2024 г. снизилось как число поступивших уголовных дел на рассмотрение апелляционных судов, так и количество окончанных ими дел в сравнении с 2023 г.

Адвокат МКА «Князев и партнеры» Артем Чекотков заметил, что в 2024 г., из 659878 уголовных дел, разрешенных по существу судом первой инстанции, 336656 дел были рассмотрены и в апелляционном порядке, т.е. 51% из них: «Стоит отметить, что этот показатель несколько вырос в сравнении с 2023 г., когда участниками уголовного судопроизводства судебные решения оспаривались во второй инстанции лишь в 47,56% случаев, однако в целом остается стабильным» [3].

Движение уголовных дел в апелляционной инстанции

Таким образом, уголовное преследование прекращается, если имеются соответствующие основания для реабилитации, и на стадии предварительного расследования. Это соответствует основной цели уголовного судопроизводства: защите личности от незаконных и необоснованных обвинений, осуждений, а также от ограничений её прав и свобод. Кроме того, важным аспектом является отказ от преследования невиновных и реабилитация тех, кто стал жертвой неправомерного уголовного преследования (ст. 6 УПК РФ).

В Письме Минфина России от 17.06.2025 № 02-16-06/58970 «Об исполнении судебных актов (за исключением судебных актов, вынесенных в целях компенсации вреда, причиненного лицам), требующих выделения бюджетных ассигнований в текущем финансовом году», указано, что размер взыскиваемых судами компенсаций за незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное содержание под стражей и др., подлежит взысканию из средств федерального бюджета.

Так, 15 октября Санкт-Петербургский городской суд оставил в силе решение Василеостровского районного суда о присуждении реабилитированному гражданину компенсации морального вреда в 4 млн. руб. за незаконное уголовное преследование. В ноябре 2022 г., Г. был оправдан по приговору Ленинградского областного суда по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, в связи с отсутствием события преступления, а по п. «а», «г» ч. 4, 5 ст. 228.1 Кодекса – в связи с непричастностью к совершению преступлений, вследствие чего за ним было признано право на реабилитацию. Позднее апелляционный суд оставил в силе оправдательный приговор.

Далее мужчина обратился в Василеостровский районный суд с иском к Минфину России о взыскании компенсации морального вреда в размере 20 млн. руб. и упущенной прибыли в 2 млн. руб. В иске отмечалось, что Г. был задержан в январе 2018 г. в качестве подозреваемого, уже на следующий день в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, которая впоследствии неоднократно продлевалась вплоть до его освобождения осенью 2022 г. по оправдательному приговору. Общий срок содержания под стражей составил 4 года 8 месяцев и 15 дней. Само уголовное дело, как заметил Г., состояло из 200 томов, в ходе предварительного следствия были проведены множество следственных и иных процессуальных действий. Суд провел 123 судебных заседания, общий срок судопроизводства превысил два года.

18 марта 2024 г. Василеостровский районный суд вынес решение о назначении Г. компенсации морального вреда в размере 4 миллионов рублей. При этом суд прекратил производство по делу в части требования о взыскании упущенной выгоды в виде заработной платы, утраченной истцом в результате уголовного преследования, ссылаясь на то, что данный вопрос рассматривается в рамках уголовного производства, согласно статье 135 УПК РФ. Таким образом, исковые требования были удовлетворены частично на уровне первой инстанции [4].

Добавим к этому, что сотни тысяч рублей выплачиваются не только за незаконное содержание под стражей и необязательно за годы незаконного расследования.

В этой связи приведем еще пример. Уголовное дело возбуждено следователем СУ при Нижнекамском УВД, которым была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении гражданке В. Далее уголовное дело принимается к производству вторым следователем, который объявляет розыск обвиняемой. В результате розыска обвиняемая задержана,

к ней применяется мера пресечения в виде заключения под стражу. Третий следователь, которому поручено дальнейшее расследование, выносит постановление о ее освобождении из-под стражи, избирает меру пресечения в виде подписки о невыезде. Четвертый следователь возбуждает в отношении обвиняемой еще одно уголовное дело, соединяет дела в одно производство, предъявляет обвинение, составляет обвинительное заключение.

Первый заместитель Нижнекамского городского прокурора утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд, который возвращает дело прокурору для устранения препятствий к рассмотрению в связи с неверным указанием места совершения деяний. Четвертый следователь «перепредъявляет» обвинение, составляет новое обвинительное заключение, которое утверждается тем же прокурором.

Приговором Нижнекамского городского суда В. признается виновной, ей назначается наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев условно с испытательным сроком 1 год [13].

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан приговор отменен, уголовное дело прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления. ГСУ при МВД по Республике Татарстан проведена служебная проверка, по результатам которой вынесено заключение о том, что расследование по делу проведено поверхностно, без изучения всех обстоятельств дела, нарушены требования ст.ст. 73, 74, 86-88, 171 УПК РФ. К дисциплинарной ответственности привлечены четвертый следователь и начальник СУ при Нижнекамском УВД.

К последним и предъявлен регрессный иск. В результате рассмотрения искового заявления суд пришел к выводу, что оснований для признания действий следователя и начальника СУ незаконными и причинившими вред не имеется, не установлена также причинная связь между действиями исключительно указанных лиц и вредом, который претерпела В. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан указанное решение суда оставила в силе [12].

Примеры можно продолжить. Однако необходимо ответить на вопрос: должен ли следователь нести регрессную ответственность за принимаемые им процессуальные решения? Если да, то не должен ли он нести ответственность солидарно:

1) со всеми иными следователями (дознателями), в производстве которых находилось уголовное дело;

2) с руководителем следственного органа (причем как со своим непосредственным руководителем, так и с руководителем следственного органа уровня субъекта Российской Федерации, например, согласовавшим ходатайство о продлении сроков содержания под стражей свыше 3 месяцев, либо руководителем следственного органа федерального уровня при продлении таких сроков свыше 12 месяцев);

3) со всеми иными должностными лицами, осуществлявшими ведомственный процессуальный контроль (перед продлением срока содержания под стражей руководителем следственного органа уровня субъекта Российской Федерации уголовное дело изучается иными сотрудниками следственных органов (организационно-зональных отделов, отделов процессуального контроля и т. п.)) и прокурорский надзор (надзирающим прокурором, прокурором, утвердившим обвинительное заключение, должностным лицом органа прокуратуры, поддерживавшим обвинение в суде);

4) судьями, избравшими меру пресечения, продлевавшими сроки содержания под стражей, выносившими обвинительный приговор до принятия реабилитирующих решений судом следующей инстанции?

При ответе на последний вопрос мы вновь обратимся к п. 3 ст. 1081 ГК РФ о возможности предъявления регрессных исков к судьям только при установлении их вины вступившим в законную силу приговором суда.

Здесь уместно вспомнить правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации о том, что судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за сам факт принятия незаконного или необоснованного судебного акта в результате судебной ошибки, явившейся следствием неверной оценки доказательств по делу либо неправильного применения норм материального или процессуального права.

Подобная позиция применима и к следователям, и к прокурорам. В противном случае лишь судьям будет дозволено допускать ошибки, что абсурдно, поскольку вынесение несправедливого, незаконного и необоснованного судебного решения представляет для реализации целей уголовного судопроизводства большую угрозу, чем ошибки, допущенные на стадии предварительного расследования.

Согласно исследованию Ларкиной Е.А., анализирующей решения судов по регрессным искам данной категории, которые можно найти в ГАС «Правосудие», установлено, что суды часто отказывают в удовлетворении таких требований. Однако более всего удивляет широкая география регрессных исков, охватывающая такие регионы, как Республика Мордовия, Республика Татарстан, Краснодарский и Хабаровский край, а также Белгородская, Кемеровская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Калининградская, Тверская, Ульяновская области и Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, и многие другие [6, с. 27].

Рассмотрение подобных исков не только создает дополнительную нагрузку на суды и отвлекает должностных лиц от их непосредственных обязанностей, но и формирует у следователей ощущение правовой незащищенности. В условиях потенциальной регрессной ответственности, связанной с возбуждением уголовного дела и выбором меры пресечения или иного процесса принуждения, можно задаться вопросом: будет ли следователь заинтересован в установлении обстоятельств, которые могут исключить преступность и наказуемость действия (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ)? На самом ли деле он будет стремиться обеспечить защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, как того требует одна из целей уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ)? Вряд ли.

Государство, предоставляя следователю право осуществлять уголовное преследование от своего имени, обоснованно берет на себя ответственность за его действия, включая обязательство возмещать ущерб реабилитированным лицам, связанный с необоснованным привлечением к уголовному процессу (ч. 1 ст. 133 УПК РФ). Тем не менее, непривлечение заподозренного лица к процессу под угрозой регрессной ответственности не содействует реализации конституционного принципа обеспечения доступа потерпевших к правосудию и компенсации ущерба, причиненного преступлением.

В условиях нормативной неопределенности регрессная ответственность следователя может, с одной стороны, оказывать дисциплинирующее воздействие, а с другой - блокировать процесс уголовного судопроизводства. Следует обеспечить следователю возможность добросовестно использовать процессуальные механизмы привлечения лиц к уголовной ответственности, и такой гарантией станет наличие возможности предъявления регрессного иска в определенных случаях.

Важно учитывать, что в связи с развитием судебной практики и изменениями в законодательстве эти вопросы могут рассматриваться с учетом новых подходов и решений высших судебных органов. Поэтому постоянный мониторинг и анализ актуальных постановлений являются важными для правоприменения в данной области.

Несомненно, тема реабилитации в уголовном судопроизводстве требует дальнейших научных и практических исследований, учитывая ее важное социальное значение.

Список использованных источников

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/document/>.
3. Адвокат МКА «Князев и партнеры» Артем Чекотков. Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru/>.
4. Адвокат добился присуждения доверителю 4 млн. руб. компенсации за незаконное уголовное преследование. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-prisuzhdeniya-doveritelyu-4-mln-rub-kompensatsii-za-nezakonnoe-ugolovnoe-presledovanie/>.
5. Коршунов А.В. Вопросы реабилитации в уголовном процессе России // Научный портал МВД России. - 2017. - № 1. - С. 29 – 32.

6. Ларкина Е.В. Регрессный иск к следователю как следствие реабилитации лица в уголовном судопроизводстве // КриминалистЪ. - 2018. - № 3 (24). - С. 24 – 30.
7. Лютынский А.М., Морозов Р.М. Некоторые проблемы реабилитации в российском уголовном судопроизводстве / Пенитенциарная наука. - 2018. 4 (72) Т. 19. - С. 36 – 41.
8. Низамов В.Ю. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения и перспективы развития // Ленинградский юридический журнал. - 2016. № 4 (82). - С. 221 - 231.
9. Просвирина Д.С. Понятие и основания реабилитации по уголовно-процессуальному законодательству России // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. - 2019. - № 1. - С. 214-218.
10. Регрессный иск: что это такое? [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zakonrf.info/articles/regressnyj-isk/>.
11. Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru/>.
12. Судебная практика
13. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан от 21 авг. 2023 г. по делу № _____ [Электронный ресурс] / URL: <https://actofact.ru/case>.
14. Решение Нижнекам. гор. суда Республики Татарстан от 19 июня 2023 г. по делу № _____ [Электронный ресурс] URL: <https://actofact.ru/case>.

3.6. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Носов Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Егоров Геннадий Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Волжского филиала Волгоградского государственного университета

Интеграция цифровых технологий в правоприменительные процессы Российской Федерации приобретает системный характер и затрагивает все уровни правосудия, включая уголовное судопроизводство. Особое значение имеет применение инструментов цифрового интеллекта в контексте реализации права потерпевшего на возмещение вреда, причинённого преступлением. Несмотря на наличие чётких гражданско-правовых оснований ответственности, закреплённых в статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации [10], практическая реализация этого права в уголовном процессе сталкивается с рядом объективных и процессуальных трудностей. Традиционные механизмы оценки ущерба — от экспертных заключений до устных доказательств — характеризуются субъективностью, медленной скоростью и высокой уязвимостью к манипуляциям, что препятствует как полному восстановлению нарушенных прав потерпевшего, так и реализации процессуальных институтов, таких как примирение сторон (статья 76 Уголовного кодекса Российской Федерации) [16].

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта и машинного обучения появляется возможность заменить неопределённые и громоздкие процедуры объективными, стандартизированными и воспроизводимыми алгоритмами. Цифровой интеллект, понимаемый как совокупность автономных или полуавтономных систем анализа данных, способных оценивать имущественный и неимущественный вред, верифицировать факт возмещения и трассировать активы обвиняемых, становится не просто вспомогательным инструментом, но потенциальным элементом правовой структуры. Однако его внедрение влечёт за собой фундаментальные правовые коллизии, затрагивающие принципы вины, состязательности, равенства перед законом и права на обжалование.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного анализа условий, при которых применение цифрового интеллекта может быть не только эффективным с

технологической точки зрения, но и справедливым с правовой. Научная новизна заключается в комплексном подходе к проблеме, сочетающем доктринальный анализ норм гражданского и уголовного права, изучение технологических моделей применения искусственного интеллекта, а также оценку зарубежного опыта регулирования алгоритмических решений в правосудии. В отличие от большинства публикаций, акцентирующих внимание либо на технической стороне, либо на абстрактных правовых рисках, данная работа предлагает конкретные организационно-правовые модели, гармонизированные с действующим законодательством и адаптированные к российской правоприменительной практике.

Современное российское законодательство формирует систему возмещения вреда, причинённого преступлением, на основе двойственного правового подхода, объединяющего нормы гражданского и уголовного процессуального права. С одной стороны, содержание и объём обязательства по возмещению регулируются положениями Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, статья 15 ГК РФ определяет убытки как совокупность реального ущерба и упущенной выгоды, а статья 1064 устанавливает принцип полного возмещения вреда лицом, виновным в его причинении [10]. Это означает, что потерпевший вправе требовать не только компенсации прямых материальных потерь (например, стоимости повреждённого имущества или затрат на лечение), но и возмещения неполученного дохода, который мог бы быть получен при отсутствии преступного посягательства.

С другой стороны, механизм реализации данного гражданского обязательства интегрирован непосредственно в уголовно-процессуальную сферу. Статья 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ предоставляет потерпевшему процессуальный статус гражданского истца, позволяя ему заявить иск о возмещении имущественного и морального вреда уже в ходе расследования или рассмотрения уголовного дела [17]. Такая интеграция ускоряет процесс компенсации и упрощает доступ к правосудию, однако одновременно налагает дополнительные требования к доказыванию и оценке ущерба в рамках уголовного судопроизводства. Более того, статья 76 Уголовного кодекса РФ прямо увязывает возможность освобождения обвиняемого от уголовной ответственности с фактом полного возмещения вреда и примирения с потерпевшим, что делает точность и обоснованность расчётов особенно значимыми как для жертвы преступления, так и для правонарушителя.

Именно подобная двойственная природа — сочетание гражданского обязательства с уголовно-процессуальным механизмом его исполнения — обуславливает повышенную требовательность к объективности, достоверности и оперативности установления размера причинённого вреда. В практической деятельности суды, как правило, опираются на заключения различных специалистов: оценщиков при определении стоимости повреждённого имущества, медицинских экспертов — при подтверждении утраты трудоспособности, бухгалтеров и финансовых аналитиков — для подсчёта упущенной выгоды. Однако данные источники зачастую функционируют разрозненно, без единой методологической базы. Например, в одном регионе при оценке упущенной выгоды может применяться метод дисконтированных денежных потоков, в другом — упрощённый расчёт на основе средней заработной платы по отрасли. Подобная несогласованность приводит к тому, что итоговые суммы компенсаций могут кардинально различаться даже в делах с сопоставимыми обстоятельствами.

Особенно сложной представляется квалификация и количественная оценка упущенной выгоды — категории, влекущей за собой необходимость прогнозирования будущих экономических последствий преступления. Так, в практике судопроизводства встречается требование о компенсации упущенной выгоды за период вынужденного простоя вследствие хищения оборудования. Суд, однако, удовлетворил требование лишь частично, приняв во внимание нестабильность рынка и отсутствие чётких доказательств стабильного уровня дохода до инцидента [14]. Подобные решения иллюстрируют трудности, с которыми сталкиваются судебные инстанции при попытке оценить гипотетические потери, особенно в условиях нестабильной экономической конъюнктуры, изменчивости профессиональных перспектив и разнообразия индивидуальных жизненных обстоятельств потерпевших.

В результате судебная практика демонстрирует заметную неоднородность в подходах к назначению компенсаций. Например, согласно аналитическому отчёту «Страховые выплаты по ОСАГО» за 2025 год, опубликованному в цифровой среде, в схожих по фактическим обстоятельствам делах о причинении вреда здоровью в результате ДТП размеры компенсации

упущенной выгоды определяются до 500 тыс. рублей, но сумма может отличаться в зависимости от судебного округа и конкретного состава суда [15]. Подобные расхождения подрывают единообразие правоприменения, снижают предсказуемость судебных решений и создают предпосылки для манипуляций со стороны участников процесса — будь то завышение требований истцами или необоснованное занижение сумм ответчиками. В совокупности это формирует риски для доверия граждан к справедливости судебной системы и требует разработки более унифицированных методических рекомендаций, а также повышения квалификации специалистов, привлекаемых к оценке вреда.

Цифровой интеллект предлагает инновационный путь преодоления трудностей, сопряжённых с количественной оценкой вреда в гражданском праве, посредством внедрения стандартизированных процедур и автоматизированных технологий. Наиболее перспективной формой институциональной реализации этой идеи является создания т.н. Центров алгоритмической экспертизы (ЦАЭ) — структуры, которая может функционировать как в рамках государственного аппарата, так и в виде аккредитованной частной организации. ЦАЭ получает полномочия применять официально сертифицированные алгоритмы машинного обучения для объективного расчёта вреда, включая упущенную выгоду. Для формирования такого расчёта задействуются как публичные, так и ограниченные по доступу массивы информации: официальная статистика, предоставляемая Росстатом, сведения Федеральной налоговой службы о доходах физических и юридических лиц, отраслевые индексы экономической активности, региональные показатели развития, а также персонализированные данные пострадавшего, относящиеся к периоду до наступления правонарушения. Подобный подход позволяет генерировать выводы, отличающиеся воспроизводимостью, аргументированностью и прозрачностью, что в полной мере соответствует критериям, закреплённым в статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующей возмещение убытков [9].

Применение алгоритмических методов распространяется и на оценку нематериального ущерба — морального вреда, хотя здесь требуется значительно более деликатный подход. Международные юрисдикции уже накопили определённый опыт в этой сфере. Например, в ряде стран Европы, активно внедряющей цифровые решения в государственное управление, в рамках судебной практики тестируются модели, опирающиеся на исторические данные по искам о компенсации морального вреда и стандартизированные психометрические инструменты. В Нидерландах также ведутся эксперименты с алгоритмами, анализирующими судебную статистику и факторы, влияющие на размер компенсаций, такие как тип правонарушения, длительность страданий и наличие медицинских подтверждений. По информации, опубликованной в исследовании Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЖ) (2018 г.), такие системы используются пока в рекомендательном режиме, не заменяя судей, но помогая им в сравнительном анализе схожих дел [6].

В Российской Федерации подобные инициативы находятся на ранней стадии разработки и вызывают значительную настороженность среди правоприменителей. Основной аргумент критиков сводится к опасению, что алгоритмизация может привести к формализации и обесцениванию глубоко индивидуального переживания страданий, превратив его в набор статистических переменных. Анализ дискуссий, развернувшихся в профильных Telegram-каналах, таких как «Право.Ru» и «Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации», свидетельствует о консенсусе в отношении целесообразности применения цифрового интеллекта при расчёте материального ущерба. При этом участники дискуссий единодушно подчёркивают необходимость сохранения роли человека в процессе определения размера компенсации за моральный вред, поскольку именно живое суждение способно учесть нюансы индивидуального опыта, которые не поддаются полной формализации.

Эффективное возмещение причинённого вреда требует не только точной оценки убытков, но и надёжного подтверждения того, что обязательство по компенсации было исполнено надлежащим образом. В этом аспекте технологии цифрового интеллекта могут выступать в роли независимых верификаторов транзакций, используя архитектуру распределённых реестров (DLT, или блокчейн), где каждая операция записывается в неизменяемую и прозрачную цепочку данных. Такой подход обеспечивает высокий уровень достоверности: юридическая сила перевода средств, зафиксированного в блокчейн-реестре, может быть признана достаточным доказательством

добросовестного исполнения обязательств по «заглаживанию вреда», что соответствует требованиям статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности при возмещении ущерба до вынесения приговора [16].

Реализация подобных решений уже наблюдается в коммерческой сфере. Например, в 2015 году в России начала функционировать Telegram-каналах «КриптоПраво 256», в работе которого принимают участие юридические и IT-специалисты. Эта площадка посвящена дискуссиям о практических возможностях использования систем на основе ИИ, и, к примеру, автоматизированного депонирования компенсационных средств посредством смарт-контрактов — программных конструкций, которые исполняются автоматически при наступлении определённых условий. Подобная система позволяет не только ускорить процесс возмещения, но и минимизировать риски злоупотреблений со стороны участников. В случае если потерпевший отказывается от получения компенсации, средства могут быть направлены на нотариальный депозит в порядке, предусмотренном статьёй 327 Гражданского кодекса Российской Федерации, а факт такого депонирования — зафиксирован в DLT-реестре, обеспечивая дополнительную доказательственную базу [9].

Не менее перспективным направлением считается использование цифрового интеллекта в деятельности Федеральной службы судебных приставов. Интеллектуальные системы, основанные на предиктивном анализе, способны сканировать финансовые потоки, выявлять скрытые активы должников и прогнозировать возможные попытки уклонения от исполнения судебных решений. С 2024 года подобные технологии проходят пилотное тестирование в ряде субъектов РФ. Тем не менее, для широкомасштабного внедрения подобных решений требуется не только развитие технической инфраструктуры, но и адаптация внутриведомственных регламентов, а также системная переподготовка кадров, способных работать с новыми инструментами.

Несмотря на технологические и процессуальные преимущества, интеграция цифрового интеллекта в правоприменительную практику сталкивается с принципиальными правовыми вызовами. Наиболее острая проблема — это несоответствие между классическим деликтным правом и автономной природой алгоритмических систем. Согласно статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, основанием для возмещения вреда является наличие вины причинителя [10]. Однако в ситуациях, когда ущерб возникает из-за сбоя в работе нейросети или ошибок в обучающих данных, установление вины становится практически невозможным: разработчик может не предвидеть всех сценариев поведения модели, оператор — не контролировать каждый этап принятия решений, а пользователь — лишь следовать рекомендациям системы. Подобная правовая неопределённость создаёт опасный вакуум, особенно в случаях, когда алгоритм систематически занижает размер ущерба. Например, аналитический отчёт Transparency International (2024) указывает на случаи в Латинской Америке, где алгоритмическая оценка ущерба в ДТП приводила к компенсациям, покрывающим менее 40 % реальных расходов пострадавших [5]. В российском контексте подобные риски требуют выработки новых правовых конструкций, в том числе концепции «объективной ответственности» за действия автономных систем.

Решение юридической коллизии, возникающей при причинении вреда с участием алгоритмических систем, в доктринальном поле предлагается строить на основе института объективной, то есть безвиновной, ответственности. Эта модель аналогична правовому механизму, закреплённому в статье 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации, где предусмотрена ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности, например, транспортным средством или промышленным оборудованием [10]. В контексте цифровых технологий предлагается ввести новую правовую категорию — «источник повышенной алгоритмической опасности», которая охватывала бы автономные системы, принимающие решения, способные нанести ущерб жизни, здоровью или имуществу граждан. Такая концепция получила поддержку со стороны ряда российских правоведов, в частности Н.Н. Апостолова. Которые аргументируют необходимость возложения ответственности субъектов использующих системы на основе машинного интеллекта [7]. Подобная модель уже реализуется в международной практике в странах Европы, активно внедряющих цифровые государственные услуги, предусмотрена государственная гарантия за последствия ошибок алгоритмов, участвующих в административных решениях.

Альтернативным инструментом компенсации ущерба, вызванного ошибками ИИ, может стать создание специализированного компенсационного фонда. Источниками его наполнения могут выступать как бюджетные ассигнования, так и обязательные взносы со стороны операторов цифровых платформ, разрабатывающих или внедряющих высокорисковые алгоритмы. Подобные механизмы уже применяются в других правовых системах — например, в Европейском союзе обсуждается создание «фонда ответственности за ИИ», который обеспечивал бы компенсацию пострадавшим при невозможности установить виновное лицо [4].

Особое внимание в правовом регулировании алгоритмических систем требует проблема «чёрного ящика» — ситуация, при которой внутренние процессы принятия решений сложными моделями машинного обучения, особенно глубокими нейронными сетями, остаются непрозрачными даже для их разработчиков. Например, при использовании таких систем для расчёта размера компенсации вреда здоровью или определения степени вины в деликтных спорах ни суд, ни стороны процесса не могут проследить логическую цепочку, приведшую к конкретному выводу. Подобная непонятность нарушает фундаментальные конституционные принципы — в частности, право на состязательность и равенство сторон в гражданском и уголовном процессе. Кроме того, она делает бессмысленным право частного обвинителя на обжалование гражданского иска в рамках уголовного разбирательства, предусмотренное статьёй 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [17].

В ответ на эти вызовы международное сообщество выработало концепцию объяснимого искусственного интеллекта (Explainable AI, XAI). Согласно предложению Европейской комиссии по искусственному интеллекту (AI Act), опубликованное в 2021 году, все алгоритмы, способные влиять на основные права и свободы человека — например, при принятии решений о предоставлении кредита, найме на работу или оценке риска рецидива преступления, — обязаны быть интерпретируемыми и подлежать независимому аудиту [2]. На практике это означает, что ИИ-система должна не просто выдавать результат, но и сопровождать его разъяснением: какие входные данные были решающими, каким образом они взвешивались и какова степень уверенности модели в своём выводе. Такой подход уже внедряется в некоторых странах: в США, например, алгоритм COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), используемый для оценки риска рецидива, после скандала с дискриминацией афроамериканцев, был подвергнут требованиям прозрачности и объяснимости [13].

Российские исследователи, включая И.Ю. Богдановская, Е.В. Васякина, А.А. Волос, Н.А. Данилов, Е.В. Егорова, В.А. Калятин, О.И. Карпенко, Д.Р. Салихов настаивают на обязательном законодательном закреплении стандартов XAI в сфере правоприменения [8]. Это предполагает, что любая ИИ-система, участвующая в вынесении или подготовке юридически значимых решений, должна генерировать не только итоговый вердикт, но и структурированный, понятный человеку отчёт. Такой отчёт должен содержать перечень ключевых факторов, повлиявших на вывод, а также указание их весовых коэффициентов и логических связей между ними. Внедрение подобного требования обеспечит не только процессуальную честность, но и даст участникам спора реальную возможность эффективно оспаривать решения, основанные на алгоритмах, тем самым укрепляя доверие к цифровому правосудию.

Алгоритмическая предвзятость представляет собой серьёзную угрозу справедливости в правоприменении, особенно когда системы искусственного интеллекта обучаются на исторических данных, отражающих укоренившиеся социальные диспропорции. Подобные алгоритмы не просто воспроизводят существовавшие ранее неравенства — они способны усиливать их, формируя замкнутый цикл дискриминации. В частности, если обучающая выборка состоит преимущественно из решений, вынесенных в пользу лиц с высоким уровнем дохода, модель может автоматически приписывать меньшую ценность упущенной выгоде представителей социально уязвимых слоёв населения, таких как малоимущие, мигранты или лица, проживающие в отдалённых регионах.

Ярким подтверждением этой проблемы служит история с использованием алгоритмической системы COMPAS в США. Исследование, проведённое журналом ProPublica в 2016 году, показало, что система в два раза чаще ошибочно классифицировала афроамериканцев как склонных к повторным правонарушениям по сравнению с белыми подозреваемыми, при этом недооценивая риски среди последних. Эти выводы были подтверждены последующими академическими работами и стали поворотным моментом в обсуждении этики ИИ в правосудии [13].

В условиях российской правовой системы такие искажения особенно опасны, поскольку напрямую противоречат конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, закреплённому в статье 19 Основного закона Российской Федерации [11]. Нарушение этого принципа не только подрывает доверие граждан к судебной системе, но и создаёт угрозу системной несправедливости, особенно в контексте цифровизации правосудия.

Для нейтрализации вышеуказанного риска представляется необходимым внедрение обязательного аудита справедливости алгоритмов (Algorithmic Fairness Audit) на этапе их сертификации и до введения в судебную практику. Процедура такого аудита должна осуществляться независимыми экспертами — например, междисциплинарными группами, включающими специалистов по машинному обучению, правоведов и социологов. В рамках проверки требуется оценка наличия дискриминационного эффекта по признакам пола, возраста, географического положения, социально-экономического статуса и иных характеристик, имеющих значение для обеспечения равного доступа к правосудию.

Интересный прецедент уже реализован в Великобритании: с 2023 года все государственные алгоритмы, применяемые в публичном секторе, подлежат обязательной оценке на соответствие принципам справедливости и прозрачности в рамках так называемого Algorithmic Transparency Recording Standard (ATRS). Британский подход, разработанный под эгидой Центра по этике искусственного интеллекта при правительстве, демонстрирует, как институционализация аудита может стать эффективным инструментом предотвращения системной предвзятости [3]. Подобную модель возможно адаптировать и для российской правовой реальности.

В целях комплексной реализации всех предложенных мер целесообразно создание Единой цифровой платформы возмещения вреда (ЦПВ). Данная платформа должна интегрировать три ключевые функции: оценочную — с использованием Цифрового ассистента по экспертной оценке (ЦАЭ); верификационную — за счёт распределённого реестра на основе технологии DLT (Distributed Ledger Technology); и исполнительную — через прямую интеграцию с государственными органами, включая Федеральную службу судебных приставов (ФССП), Федеральную налоговую службу (ФНС) и Росреестр.

Записи, внесённые в ЦПВ, должны наделяться презумпцией достоверности, аналогичной той, что предоставлена сведениям Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ). Такой подход обеспечит полную юридическую преемственность — от момента подачи иска до завершения исполнительного производства — и повысит доверие участников процесса к цифровым инструментам правосудия.

Зарубежные юрисдикции демонстрируют успешную реализацию моделей, в которых цифровой интеллект активно участвует в правоприменительной деятельности. В частности, в Китае с 2022 года функционирует так называемый «Интернет-суд» в городе Ханчжоу, где свыше 90 % судебных дел, касающихся возмещения убытков, рассматриваются при активном задействовании алгоритмических систем и автоматизированных аналитических инструментов. По информации South China Morning Post, подобный подход позволяет значительно сократить сроки рассмотрения дел и минимизировать влияние человеческого фактора на исходы решений, особенно в спорах, связанных с нарушениями авторских прав в цифровой среде и спорами между пользователями платформ электронной коммерции [1].

Важно отметить, что успешное функционирование подобных систем невозможно без развитой нормативно-правовой базы, регулирующей применение искусственного интеллекта в правосудии. В Китае и Эстонии существуют специализированные законодательные акты, определяющие ответственность за ошибки, порождённые алгоритмами, установлены чёткие процедуры обжалования автоматизированных решений, а также созданы независимые надзорные органы, контролирующие использование ИИ в публичных сферах.

В Российской Федерации подобный правовой фундамент пока отсутствует. Для гармоничного и безопасного внедрения цифрового интеллекта в судебную систему требуется внесение существенных поправок в действующее законодательство. В частности, необходимо включить в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации положение, признающее «алгоритмическое заключение» самостоятельным видом доказательства, с чёткими критериями его допустимости и проверяемости [17]. Одновременно следует внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, чтобы установить режим юридической ответственности за

последствия, вызванные ошибками или сбоями в работе систем цифрового интеллекта, особенно в случаях, когда такие сбои влекут за собой имущественный или моральный вред гражданам или организациям [10].

При отсутствии этих законодательных механизмов использование технологий в правосудии рискует остаться разрозненным и не интегрированным в общую систему правовой защиты. Более того, без чётко прописанной ответственности такие инициативы могут привести к нарушению конституционных прав участников процесса и создать правовые пробелы, которые окажутся трудно-устраняемыми в судебной практике.

При этом необходимо подчёркивать: автоматизированные системы ни при каких обстоятельствах не должны замещать судебное усмотрение в вопросах, требующих человеческого суждения и моральной оценки. Сюда относятся, например, установление наличия или отсутствия вины, добровольность участия сторон в примирительных процедурах, а также оценка этической стороны поведения участников процесса. Как справедливо отмечено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 года № 6-П, формы представления принципа гуманизма и личностного подхода к участникам правосудия не могут быть полностью формализованы в технологическом формате [12]. Это означает, что любая модель взаимодействия с цифровым интеллектом должна строиться на принципе вспомогательности: технологии могут обрабатывать данные, выявлять закономерности и предлагать рекомендации, но окончательная оценка субъективных обстоятельств должна оставаться прерогативой судьи или нотариуса, как носителя личной ответственности и профессионального суждения.

Внедрение цифрового интеллекта в процедуру возмещения вреда по уголовным делам открывает обширные перспективы для трансформации правосудия, делая его более оперативным, последовательным и справедливым. Современные технологические инструменты способны не только автоматизировать расчёт компенсации, включая упущенную выгоду, но и обеспечить её неоспоримую фиксацию в цифровом пространстве, что повышает доверие к судебным решениям. Например, в странах Европы функционирует системы, где судебные акты, включая решения о возмещении ущерба, имеют юридическую силу в электронной форме и автоматически подключаются к системе принудительного исполнения. Подобные решения значительно сокращают время между вынесением решения и его фактическим исполнением, тем самым укрепляя институт примирения сторон — одна из ключевых целей гуманизации уголовного процесса.

Тем не менее, полный переход к алгоритмизированной модели компенсационных механизмов требует не просто технической настройки, но и фундаментальной правовой перестройки. Алгоритмы, даже самые точные, по своей природе могут игнорировать контекстуальную сложность человеческого поведения и нарушать один из краеугольных принципов уголовного права — принцип вины. Например, в США в 2016 году выяснилось, что алгоритм COMPAS, используемый для оценки риска рецидива, демонстрировал расовую предвзятость, ошибочно классифицируя афроамериканцев как более опасных по сравнению с белыми преступниками при одинаковых обстоятельствах. Подобные случаи подчёркивают необходимость внедрения объяснимого искусственного интеллекта (XAI — explainable AI), способного обосновывать свои выводы в понятной для человека форме и проходить независимый аудит.

Особое внимание следует уделить защите от алгоритмической дискриминации, которая может возникнуть даже при отсутствии злого умысла — вследствие искажений в обучающих данных или несовершенства модели. В Европейском союзе в рамках проекта «Руководящие принципы по этике для надёжного искусственного интеллекта» (2019) была подчёркнута необходимость обеспечения «недискриминации, прозрачности и подотчётности» всех систем, использующих искусственный интеллект в правоприменении. Без таких гарантий цифровизация может породить новую форму несправедливости — технократическую, где формальная объективность алгоритма маскирует системные предвзятости и подменяет правовую культуру технической рациональностью.

Ключевым условием для безопасного и этичного внедрения цифровых решений становится формирование комплексной нормативно-правовой базы. Такая база должна включать как изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, так и специализированные подзаконные акты, регулирующие сертификацию алгоритмов, процедуры их независимого аудита и распределение ответственности за ошибки, возникшие вследствие автоматизированных решений. В качестве образца можно привести законопроект ЕС об искусственном интеллекте (AI Act, 2021),

который вводит строгую классификацию ИИ-систем по уровню риска и предписывает особые требования к системам, применяемым в правосудии.

Центральным элементом будущей системы должна стать Единая цифровая платформа возмещения вреда, объединяющая в себе три ключевые функции: объективную оценку ущерба, верификацию фактов компенсации и автоматизированное исполнение судебных решений. Все этапы должны фиксироваться в неизменяемом, юридически значимом формате — например, с использованием технологии блокчейн, как это практикуется в пилотных проектах в ряде стран Европы и ОАЭ. Подобный подход не только повышает эффективность, но и создаёт прозрачную цепь ответственности.

В итоге, цифровой интеллект может стать мощным инструментом модернизации правосудия лишь при соблюдении трёх условий: тщательной правовой подготовки, постоянного мониторинга и неукоснительного сохранения за человеком права принимать окончательное решение в вопросах морали, справедливости и личного волеизъявления. Технологии должны служить праву, а не подменять его.

Список использованных источников

1. China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment // South China Morning Post. (2022) URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 15 ноября 2025 г.)
2. Explainable artificial intelligence (XAI) Challenges of model interpretability (электронный ресурс) // Management Solutions. 2023. дата обращения: 25.11.2025. url: <https://www.managementsolutions.com/sites/default/files/minisite/static/22959b0f-b3da-47c8-9d5c-80ec3216552b/iax/pdf/explainable-artificial-intelligence-en.pdf>
3. Guidance for organisations using the Algorithmic Transparency Recording Standard (электронный ресурс) // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/guidance-for-organisations-using-the-algorithmic-transparency-recording-standard> (дата обращения: 25.11.2025).
4. Proposal for a Regulation on Artificial Intelligence (AI Act) // European Parliament. 2021. Дата обращения: 25.11.2025. url: www.europarl.europa.eu
5. Transparency Report 2024 (электронный ресурс) // HLB. дата обращения: 25.11.2025. url: <https://www.hlb.global/about-us/transparency-report-2024/>
6. Антинуччи М. Этическая хартия ЕС по использованию технологий искусственного интеллекта в судебной системе и законодательство, регулирующее блокчейн, как «Троянский конь» борьбы с контрафакцией в глобальной перспективе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 2 (66). С. 36–42.
7. Апостолова Н.Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С.112-119.
8. Богдановская И.Ю., Васякина Е.В., Волос А.А., Данилов Н.А., Егорова Е.В., Калятин В.А., Карпенко О.И., Салихов Д.Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 278-305.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета, N 238-239, 08.12.1994.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 410.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 N 6-П По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других // Вестник Конституционного Суда РФ, N 3, 2017.

14. Прозрачность или коммерческая тайна: что победит в битве за справедливое правосудие (электронный ресурс) // SecurityLab.ru. дата обращения: 25.11.2025. url: <https://www.securitylab.ru/news/546145.php>

15. Сараев В.В. Противодействие договорным матчам: уголовно-правовые и криминологические аспекты для дополнительной криминализации // Российский следователь. 2024. N 12. С. 39 - 43.

16. Страховые выплаты по ОСАГО в 2025 году (электронный ресурс) // ФИНАНСЫ проект КР.RU. дата обращения: 25.11.2025. url: <https://www.kp.ru/money/strakhovanie/strakhovye-vyplaty-po-osago/>

17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Ведомости Федерального Собрания РФ, 01.01.2002, N 1, ст. 1.

РАЗДЕЛ 4. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ (КОМПЕНСАЦИИ) ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ИЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

4.1. КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

Каюшниковая Юлия Евгеньевна, старший преподаватель кафедры Волгоградского института управления – филиала ФГБОУВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Институт компенсации морального вреда, причиненного административным правонарушением, занимает особое место в системе охранительных правоотношений, поскольку находится на стыке публичного и частного права. С одной стороны, основанием возникновения права на компенсацию выступает административное правонарушение, то есть деяние, запрещенное Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях под угрозой административного наказания. С другой стороны, сама компенсация морального вреда представляет собой меру гражданско-правовой ответственности, реализуемую в порядке гражданского судопроизводства. Такое межотраслевое взаимодействие предопределяет сложность и многогранность исследуемого правового института, требующего комплексного теоретического осмысления.

В системе российского права административное правонарушение выступает в качестве юридического факта, порождающего не только публично-правовые последствия в виде применения мер административной ответственности, но и частноправовые последствия, выражающиеся в возникновении обязательств по возмещению имущественного ущерба и компенсации морального вреда. Легальное определение административного правонарушения закреплено в статье 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которой административным правонарушением признается противоправное, виновное действие или бездействие физического или юридического лица, за которое Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Данное определение содержит исчерпывающий перечень признаков, позволяющих отграничить административное правонарушение от иных видов правонарушений и определить его сущностные характеристики.

Противоправность как первый конститутивный признак административного правонарушения означает, что деяние прямо запрещено административно-деликтными нормами. В результате совершения административного правонарушения причиняется ущерб или создается реальная угроза причинения ущерба охраняемым законом общественным отношениям, правам и законным интересам граждан, общества и государства.

Виновность как второй признак административного правонарушения выражает психическое отношение лица к содеянному и его последствиям. Деяние признается административным правонарушением в том случае, если оно совершено умышленно или по неосторожности. Не может оцениваться как административное правонарушение деяние, совершенное лицом, не способным руководить своими действиями и отдавать в них отчет, то есть находящимся в состоянии невменяемости. Применительно к юридическим лицам понятие вины раскрывается в части 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Наказуемость как третий признак административного правонарушения означает, что за совершение деяния предусмотрена административная ответственность. Общественно опасное деяние, запрещенное законом, признается административным правонарушением лишь в том случае, когда за его совершение установлена административная ответственность. Реализация наказуемости

осуществляется через административные санкции, вид, размер и срок которых предусмотрены Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Юридическая конструкция административного правонарушения раскрывается через его состав, под которым понимается совокупность обязательных объективных и субъективных признаков или элементов, подтверждающих фактическое наличие административного правонарушения. Значение состава административного правонарушения состоит в том, что он выступает основанием для административной ответственности. При отсутствии в деянии состава административного правонарушения дело об административном правонарушении не может быть начато, а начатое подлежит прекращению.

Объект административного правонарушения представляет собой охраняемые мерами административной ответственности общественные отношения, урегулированные различными материальными отраслями права.

Под объективной стороной административного правонарушения понимается система внешних признаков противоправного деяния, позволяющих судить о наличии посягательства на охраняемые законом общественные отношения. Указанные признаки характеризуют процесс совершения правонарушения как объективно проявляющийся акт поведения лица. В структуре объективной стороны выделяются обязательные и факультативные признаки.

Обязанность действовать определенным образом может быть возложена на лицо различными источниками правового регулирования, включая законодательные и подзаконные акты, локальные нормативные документы, индивидуальные правовые акты, договорные условия, а также может вытекать из фактических действий самого лица, создавших опасность для охраняемых законом благ.

Субъективная сторона административного правонарушения характеризует внутреннюю сторону противоправного поведения лица и свидетельствует о его субъективном отношении к такому поведению. Обязательным признаком субъективной стороны выступает вина, которая может проявляться в форме умысла или неосторожности. Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия или бездействия, предвидело его вредные последствия и желало их наступления или сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо предвидело возможность наступления вредных последствий своего деяния, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

Субъект административного правонарушения представляет собой лицо, совершившее общественно опасное деяние и способное нести административную ответственность, то есть обладающее административной деликтоспособностью. По действующему законодательству субъектами административных правонарушений признаются индивидуальные субъекты и юридические лица.

В доктрине административного права высказываются предложения о выделении в качестве самостоятельного субъекта индивидуальных предпринимателей, учитывая особенности их правового статуса, сочетающего признаки физического лица и субъекта предпринимательской деятельности. Также обсуждается вопрос об исключении административной ответственности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных органов, органов управления государственных внебюджетных фондов, наделенных статусом юридического лица, а также казенных учреждений с персонализацией административной ответственности должностных лиц указанных органов и организаций.

В контексте темы возмещения вреда, причиненного административным правонарушением, определение субъекта правонарушения имеет принципиальное значение, поскольку именно это лицо выступает в качестве потенциального причинителя вреда и должника в возникающем охранительном обязательстве. При этом необходимо учитывать положения части 3 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которым назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не

освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо. Это означает, что одно и то же деяние может порождать административную ответственность как юридического, так и физического лица, что имеет значение для определения надлежащего ответчика по гражданскому иску о возмещении вреда.

В случаях, когда административное правонарушение совершено работником юридического лица или индивидуального предпринимателя при исполнении трудовых обязанностей, к ответственности за причинение вреда может быть привлечено непосредственно юридическое лицо или индивидуальный предприниматель как работодатели в силу статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником. При этом работник может быть привлечен к административной ответственности, а работодатель - к гражданско-правовой ответственности перед потерпевшим.

Таким образом, административное правонарушение представляет собой сложную юридическую конструкцию, включающую четыре взаимосвязанных элемента. В контексте обязательств по возмещению вреда правильное установление всех элементов состава административного правонарушения, и прежде всего его субъекта, выступает необходимым условием для определения надлежащего ответчика по гражданскому иску и реализации потерпевшим права на судебную защиту. При этом взаимодействие публично-правовых и частноправовых механизмов требует от правоприменителя учета как положений административно-деликтного законодательства, устанавливающих особенности ответственности различных категорий субъектов, так и норм гражданского права, определяющих основания и порядок возмещения вреда, причиненного административным правонарушением.

Законодатель исключил возможность рассмотрения требований о компенсации морального вреда в рамках административно-юрисдикционной процедуры, определив безусловную подсудность таких дел судам общей юрисдикции. Материально-правовые основания возникновения права на компенсацию, а также порядок ее присуждения регламентируются общими нормами гражданского законодательства, закрепленными в статьях 151, 1099-1101 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Особенности подсудности дел данной категории предопределены природой самого способа защиты, который не поддается точной имущественной оценке на момент инициирования судебного разбирательства и определяется судом на основе внутреннего убеждения с учетом критериев, установленных законом.

Понятие морального вреда получило нормативное закрепление в статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также нашло свое развитие в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». Исходя из содержания указанных правовых актов, под моральным вредом принято понимать физические либо нравственные страдания, возникающие у гражданина вследствие действий или бездействия, направленных на нарушение его личных неимущественных прав либо на посягательство в отношении принадлежащих ему нематериальных благ. Законодатель также допускает возможность компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав потерпевшего, однако лишь в случаях, прямо обозначенных в законе.

Физические страдания как составляющая морального вреда проявляются в болевых ощущениях, вызванных повреждением здоровья, перенесенным заболеванием, явившимся прямым следствием противоправного деяния, а также в иных негативных физиологических изменениях и симптомах, наступивших в результате совершенного в отношении лица правонарушения. Нравственные страдания представляют собой психический дискомфорт, душевные переживания, негативные эмоциональные реакции, включая чувство страха, снижение самооценки, ощущение собственной беспомощности, переживание стыда и унижения, разочарование и иные психологические состояния, обусловленные совершенным в отношении потерпевшего противоправным деянием.

В разъяснениях высшей судебной инстанции акцентируется внимание на том, что присуждение компенсации морального вреда по основаниям, связанным с нарушением имущественных прав, допустимо исключительно в ситуациях, прямо предусмотренных законодательными нормами. Вместе с тем, когда противоправное посягательство на имущество

лица сопровождается нарушением его личных неимущественных прав либо посягательством на принадлежащие ему нематериальные блага, и подобные действия повлекли за собой физические или нравственные страдания, право на компенсацию морального вреда возникает независимо от того, что основным объектом противоправного посягательства выступали именно имущественные отношения. В качестве иллюстрации данного подхода приводится ситуация уничтожения или повреждения вещи, обладающей для потерпевшего особой неимущественной значимостью, например, семейной реликвии, хранящей память об умерших родственниках. В подобных случаях сам факт утраты такого предмета с неизбежностью влечет нравственные страдания, что является достаточным основанием для удовлетворения требований о компенсации морального вреда.

Право на компенсацию морального вреда по своей правовой природе относится к числу личных неимущественных прав, неразрывно связанных с личностью потерпевшего. В силу прямого указания пункта 1 статьи 383 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации данное право не может быть объектом правопреемства или уступки требования. Однако после того как размер компенсации определен вступившим в законную силу судебным решением, обязательство утрачивает личный характер и трансформируется в обычное денежное обязательство, которое может переходить к правопреемникам в общем порядке.

Юридический состав, служащий основанием для присуждения компенсации морального вреда, включает ряд обязательных элементов. К их числу относится противоправность деяния, под которым понимается действие или бездействие, ответственность за совершение которого предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Обязательным элементом выступает наличие у потерпевшего физических или нравственных страданий, образующих содержание морального вреда как фактического основания ответственности. Необходимым элементом является причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившими страданиями. Завершающим элементом выступает вина причинителя вреда, однако из данного правила имеются исключения, предусмотренные статьей 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, когда обязанность компенсировать моральный вред возникает независимо от наличия вины причинителя [4].

Распределение бремени доказывания по делам данной категории подчиняется общим правилам гражданского процесса с учетом особенностей, обусловленных природой морального вреда. Потерпевший обязан доказать факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, а также то, что именно ответчик является лицом, действия которого повлекли эти нарушения, либо в силу закона обязан возместить вред. Вина причинителя вреда презюмируется, обязанность доказывать ее отсутствие возлагается на причинителя вреда. Причинение вреда здоровью любой степени тяжести является безусловным основанием для возникновения морального вреда и удовлетворения иска о его взыскании, поскольку, как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1, в связи с причинением вреда здоровью потерпевший во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения морального вреда предполагается, установлению подлежит лишь размер компенсации.

Существенное значение для правильного разрешения дел о компенсации морального вреда, причиненного административным правонарушением, имеет преюдициальное значение постановления суда по делу об административном правонарушении. Вступившее в законную силу постановление судьи по делу об административном правонарушении обязательно для суда, рассматривающего гражданское дело о компенсации морального вреда, в отношении установленных в нем фактических обстоятельств и их правовой квалификации. Данное правило корреспондирует общим положениям части 4 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о преюдициальном значении вступивших в законную силу постановлений судов по делам об административных правонарушениях.

Способ компенсации морального вреда определен законом императивно. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает исключительно денежную форму компенсации морального вреда. Причинитель вреда в добровольном порядке может предложить потерпевшему иную форму заглаживания причиненных страданий, например, приобретение медицинских изделий за его счет, осуществление ухода за потерпевшим, принесение извинений, опубликование опровержения порочащих сведений. Однако данное обстоятельство не исключает права

потерпевшего на взыскание компенсации морального вреда в денежной форме в судебном порядке, если предложенное причинителем заглаживание вреда не является, по мнению потерпевшего, достаточным и соразмерным перенесенным страданиям.

Определение размера компенсации морального вреда представляет собой наиболее сложный аспект судебного разбирательства по данной категории дел. Законодатель, осознавая невозможность формализации оценки нравственных и физических страданий, установил открытый перечень критериев, которыми должен руководствоваться суд при определении размера компенсации. В соответствии со статьей 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33, к числу таких критериев относятся: характер и степень физических и нравственных страданий с учетом фактических обстоятельств дела, включая существо и значимость нарушенных прав потерпевшего, интенсивность и длительность их нарушения, способ причинения вреда, поведение потерпевшего в момент причинения вреда, тяжесть наступивших последствий; индивидуальные особенности личности потерпевшего; иные заслуживающие внимания обстоятельства, включая подтвержденное документально тяжелое имущественное положение причинителя вреда.

Важным правилом, неоднократно подтвержденным судебной практикой, является положение о том, что размер компенсации морального вреда не зависит от размера удовлетворенных судом требований имущественного характера. Данное правило подчеркивает самостоятельность компенсации морального вреда как способа защиты, направленного на заглаживание неимущественных потерь, которые не поддаются точной денежной оценке и не могут быть поставлены в прямую зависимость от размера имущественного ущерба.

Действующее гражданское законодательство не регламентирует конкретный размер компенсации морального вреда, оставляя его определение на усмотрение суда. Такой подход носит субъективный характер и порождает существенные различия в судебной практике, когда за аналогичные правонарушения судами присуждаются кратно различающиеся суммы компенсации. В научной литературе и среди практикующих юристов неоднократно высказывались предложения о разработке методики расчета компенсации морального вреда с применением формул, учитывающих различные факторы в их совокупности [2].

Есть сложность в отсутствии единообразных подходов к определению размера компенсации морального вреда, причиненного административным правонарушением, что порождает существенные различия в судебной практике и нарушает принцип правовой определенности. Действующее законодательство, предоставляя суду широкую дискрецию при определении размера компенсации и не устанавливая даже минимальных или максимальных пределов, создает ситуацию, при которой размер присуждаемой компенсации зависит не столько от объективных характеристик правонарушения и его последствий, сколько от субъективного усмотрения конкретного судьи, региональной практики, процессуальной активности сторон и иных факторов, не имеющих правового значения. Решение указанной проблемы видится в разработке и законодательном закреплении примерных критериев дифференциации размера компенсации в зависимости от вида административного правонарушения, характера нарушенных благ, тяжести наступивших последствий. Целесообразно также принятие Верховным Судом Российской Федерации развернутых рекомендаций, содержащих обобщенные подходы к определению размера компенсации по различным категориям дел с приведением примерных ориентиров, что будет способствовать унификации судебной практики.

Другая проблема связана с отсутствием в законодательстве четкого механизма реализации права на компенсацию морального вреда при прекращении производства по делу об административном правонарушении по нереабилитирующим основаниям [3]. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 15 июля 2020 года № 36-П, законодатель вправе установить порядок и условия возмещения морального вреда при прекращении административного преследования, отличные от порядка и условий его возмещения в связи с прекращением уголовного преследования. Однако действующее законодательство не содержит специальных правил для случаев, когда производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с истечением сроков давности, изданием акта амнистии, смертью лица, привлекаемого к ответственности, либо по иным

нереабилитирующим основаниям. В указанных ситуациях потерпевший фактически лишается возможности использовать постановление о привлечении лица к административной ответственности в качестве преюдициального акта, подтверждающего факт правонарушения и виновность причинителя вреда, что существенно осложняет доказывание оснований гражданско-правовой ответственности. Решение данной проблемы требует законодательного закрепления положения о том, что прекращение производства по делу об административном правонарушении по нереабилитирующим основаниям не препятствует рассмотрению гражданского иска о компенсации морального вреда и не освобождает суд от обязанности оценить фактические обстоятельства дела и установить наличие или отсутствие оснований для гражданско-правовой ответственности.

Третья заключается в несовершенстве процессуального механизма взаимодействия административного и гражданского судопроизводства при разрешении вопросов о компенсации морального вреда. В соответствии с частью 3 статьи 4.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, споры о возмещении морального вреда рассматриваются судом в порядке гражданского судопроизводства. Это означает, что потерпевший вынужден инициировать отдельный судебный процесс после завершения производства по делу об административном правонарушении, что увеличивает сроки судебной защиты, создает дополнительные процессуальные издержки и не способствует оперативному восстановлению нарушенных прав. В юридической литературе высказываются предложения о целесообразности внедрения механизма, позволяющего разрешать вопрос о компенсации морального вреда в рамках того же судебного процесса, в котором рассматривается дело об административном правонарушении, по аналогии с гражданским иском в уголовном процессе. Реализация данного предложения потребует внесения изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающих возможность предъявления гражданского иска о компенсации морального вреда при рассмотрении дела об административном правонарушении и обязанность судьи разрешить этот вопрос одновременно с назначением административного наказания.

Рассмотрим другой пример судебной практики по компенсации морального вреда, причиненного административным правонарушением (на примере решения Чунского районного суда Иркутской области от 24 августа 2023 г. по делу № 2-505/2023)

Рассматриваемое гражданское дело представляет собой наглядный пример реализации потерпевшим права на компенсацию морального вреда, причиненного административным правонарушением, в порядке гражданского судопроизводства. Фабула дела заключается в следующем. Вступившим в законную силу постановлением мирового судьи судебного участка № 113 Чунского района Иркутской области от 22 февраля 2023 года ФИО2 была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Правонарушение было совершено 30 декабря 2022 года: ФИО2, действуя умышленно, причинила ФИО1 телесные повреждения в виде кровоподтеков и ссадины верхних конечностей, которые согласно заключению эксперта, относятся к категории повреждений, не причинивших вреда здоровью, однако сам факт насильственных действий причинил потерпевшей физическую боль. ФИО1 обратилась в Чунский районный суд Иркутской области с исковым заявлением к ФИО2 о компенсации морального вреда в размере 100 000 рублей, а также о взыскании судебных расходов на оплату услуг адвоката в размере 3 000 рублей.

Ключевое значение для разрешения данного спора имело вступившее в законную силу постановление мирового судьи о привлечении ФИО2 к административной ответственности. Суд при рассмотрении гражданского дела руководствовался положениями части 4 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым вступившее в законную силу постановление суда по делу об административном правонарушении обязательно для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого оно вынесено, по вопросам о том, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Установленные постановлением по делу об административном правонарушении обстоятельства не перепроверяются судом, рассматривающим дело о гражданско-правовых последствиях совершенного административного правонарушения, и не доказываются вновь. Таким

образом, при рассмотрении гражданского дела о компенсации морального вреда суд исходил из доказанности факта совершения ФИО2 противоправных действий, наличия причинно-следственной связи между этими действиями и наступившими последствиями в виде телесных повреждений и физической боли, а также виновности ответчика.

Суд обоснованно указал, что в соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, если гражданину причинен моральный вред действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. К нематериальным благам пунктом 1 статьи 150 Гражданского кодекса Российской Федерации отнесены жизнь и здоровье человека. Суд также правомерно сослался на пункт 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1, согласно которому, поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения ему морального вреда предполагается. Установлению в данном случае подлежит лишь размер компенсации морального вреда. Применительно к рассматриваемому делу данное разъяснение означает, что сам факт причинения ФИО1 телесных повреждений является безусловным основанием для вывода о причинении ей морального вреда.

При определении размера денежной компенсации морального вреда суд руководствовался положениями статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которым размер компенсации определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Судом были исследованы следующие обстоятельства, имеющие значение для определения размера компенсации: характер и степень причиненных истцу страданий (физическая боль, чувство унижения, страха, стресс); конкретные обстоятельства причинения вреда (умышленный характер действий, совершение правонарушения лицом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения); данные о личности потерпевшего (пожилой возраст, обращение за медицинской помощью с жалобами, свидетельствующими о перенесенном стрессе); поведение ответчика после совершения правонарушения (непринесение извинений, отсутствие добровольной компенсации).

По итогам рассмотрения дела судебная инстанция сочла обоснованным уменьшение испрашиваемой истцом суммы компенсации морального вреда с 100 000 рублей до 25 000 рублей. При определении указанного размера суд исходил из требований разумности и справедливости, которые призваны обеспечить баланс между необходимостью максимально возможного возмещения потерпевшему перенесенных страданий и недопущением его неосновательного обогащения, а также чрезмерного обременения ответчика, способного поставить его в тяжелое материальное положение. Дополнительно с ответчика в пользу истца были взысканы судебные издержки, связанные с оплатой юридической помощи, в сумме 3 000 рублей.

Рассмотренное дело наглядно демонстрирует ряд фундаментальных положений, определяющих развитие института компенсации морального вреда в контексте административных правонарушений. Из анализа данного судебного акта следует, что вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении обладает преюдициальной силой для последующего гражданского процесса, что освобождает потерпевшего от повторного доказывания факта противоправного деяния, его совершения конкретным лицом и наличия причинной связи между действиями этого лица и наступившими последствиями. Правоприменительная практика исходит из того, что сам по себе факт причинения вреда здоровью, установленный в административном порядке, презюмирует наличие у потерпевшего физических или нравственных страданий, вследствие чего бремя доказывания смещается в сторону обоснования размера их денежной компенсации. Наконец, представленное решение служит иллюстрацией реализации судом дискреционных полномочий при определении размера компенсации с применением критериев, закрепленных в статье 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, и их

наполнением конкретным содержанием исходя из обстоятельств дела и данных о личности потерпевшего.

Деяние, квалифицируемое в качестве административного правонарушения и повлекшее причинение вреда, выступает юридическим фактом, порождающим деликтное обязательство. Возникновение указанного обязательства и обязанности по его исполнению обусловлено наличием совокупности юридически значимых условий: противоправный характер поведения причинителя, выражающийся в нарушении запрета, установленного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях; наличие причинно-следственной зависимости между этим поведением и наступившим вредом; а также установленная вина лица, совершившего правонарушение, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом, когда ответственность может наступать и при отсутствии вины.

Обязательства по компенсации морального вреда могут возникать в результате совершения различных видов административных правонарушений, посягающих как на личные неимущественные права, так и на иные охраняемые законом блага. Субъектами этих правоотношений всегда выступают потерпевший и причинитель вреда, а также возможно участие субъекта деликтных обязательств, на которого законом возлагается обязанность возместить вред, например, работодателя за вред, причиненный его работником при исполнении трудовых обязанностей, либо публично-правового образования за вред, причиненный незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц.

Возмещение имущественного ущерба, причиненного административным правонарушением, может быть осуществлено в добровольном порядке, при отсутствии спора - в административном порядке путем внесения соответствующих сумм непосредственно потерпевшему, при наличии спора - в судебном порядке в соответствии с правилами подсудности. Компенсация морального вреда также может производиться причинителем вреда в добровольном порядке, однако все споры по данному вопросу в силу прямого указания закона разрешаются исключительно в порядке гражданского судопроизводства.

Перспективным направлением совершенствования законодательства в исследуемой сфере выступает разработка процессуального механизма, позволяющего более эффективно и оперативно разрешать вопросы компенсации морального вреда, причиненного административным правонарушением. В целях исключения необходимости в дополнительных судебных разбирательствах, минимизации временных и финансовых издержек потерпевших, предотвращения злоупотребления правом со стороны недобросовестных участников процесса законодатель целесообразно предусмотреть следующие меры: закрепить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях процессуальный статус потерпевшего в административном процессе с четким определением его прав, включая право на предъявление требований о компенсации морального вреда; ввести норму, допускающую возможность подачи гражданского иска о компенсации морального вреда одновременно с рассмотрением протокола об административном правонарушении; установить обязанность судьи, рассматривающего дело об административном правонарушении, разрешать вопросы возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда в порядке административного производства, а не только право на такое разрешение.

Реализация указанных предложений будет способствовать усилению гарантий прав потерпевших от административных правонарушений, повышению эффективности судебной защиты, сокращению сроков восстановления нарушенных прав и снижению нагрузки на судебную систему. Вместе с тем при разработке соответствующих законодательных новелл необходимо учитывать специфику морального вреда как правовой категории, требующей тщательного исследования обстоятельств дела и индивидуального подхода к определению размера компенсации, что может быть затруднено в рамках ускоренного производства по делу об административном правонарушении. Поиск оптимального баланса между оперативностью судебной защиты и полнотой исследования всех значимых обстоятельств составляет основную задачу дальнейшего совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

Итак, под исследуемой правовой категорией следует понимать основанный на законе механизм защиты, направленный на устранение последствий умаления нематериальных благ и личных неимущественных прав лица, пострадавшего от деяния, квалифицируемого как

административное правонарушение. Сущность данного механизма состоит в возложении на непосредственного причинителя вреда, а в установленных законодательством случаях — на иное обязанное лицо, обязательства по предоставлению потерпевшему денежной компенсации. Такая компенсация служит формой заглаживания физических или нравственных страданий, ее итоговый размер исчисляется судебными органами в ходе гражданского судопроизводства. При исчислении суд руководствуется материальными критериями, предписанными Гражданским кодексом, во взаимосвязи с конкретными обстоятельствами деликта и данными, характеризующими личность потерпевшего

Юридическая конструкция компенсации морального вреда, причиненного административным правонарушением, представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, при наличии которых у потерпевшего возникает право требовать денежной компенсации, а на причинителя вреда возлагается соответствующая обязанность. К числу таких элементов относятся:

- противоправное деяние, образующее объективную сторону состава административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях либо законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях;

- наличие физических или нравственных страданий у потерпевшего, которые могут выражаться в физической боли, связанной с повреждением здоровья, заболеванием, иных нездоровых ощущениях и симптомах организма, а также в душевных страданиях, переживаниях негативных эмоций, ощущениях страха, неполноценности, беспомощности, стыда, унижения, разочарования и иных психологических дискомфортных состояниях;

- причинно-следственная связь, которая представляет собой объективную зависимость, согласно которой противоправное деяние, образующее объективную сторону административного правонарушения, выступает непосредственной причиной, а физические или нравственные страдания потерпевшего — прямым следствием, возникшим в результате этого деяния. Установление такой связи является обязательным условием квалификации вреда как причиненного именно данным правонарушением;

- виновность лица, совершившего противоправное деяние. В административно-деликтном праве действует презумпция виновности, согласно которой обязанность доказывания отсутствия вины возлагается на привлекаемое к ответственности лицо. Сам же факт наличия вины, равно как и ее форма, подлежат установлению в процессуальном порядке, регламентированном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Из данного правила существуют легальные исключения: в случаях, прямо предусмотренных гражданским законодательством, в частности статьей 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, обязанность по компенсации морального вреда может наступать и при отсутствии вины причинителя, например, когда вред причинен источником повышенной опасности или в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности;

- наличие надлежащего процессуального основания, подтверждающего факт совершения административного правонарушения. Таким основанием служит вступившее в законную силу постановление судьи, коллегиального органа или должностного лица, вынесенное по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении. Данный акт имеет преюдициальное значение для гражданского судопроизводства, поскольку им устанавливается как событие правонарушения, так и его совершение конкретным лицом. Вместе с тем юридическое значение для гражданского иска может иметь и факт прекращения производства по делу об административном правонарушении. В ситуациях, когда прекращение происходит по так называемым реабилитирующим основаниям, то есть при освобождении лица от административной ответственности в связи с истечением сроков давности, изданием акта амнистии или иными обстоятельствами, не исключающими противоправности деяния и виновности лица, потерпевший не лишается права на компенсацию морального вреда. В этом случае факт совершения правонарушения и причинения им вреда может подтверждаться совокупностью иных доказательств, собранных по делу и исследуемых судом в рамках гражданского процесса;

- денежный размер компенсации, определяемый судом при рассмотрении гражданского дела в порядке гражданского судопроизводства на основе критериев, установленных статьей ГК РФ.

Указанные элементы находятся в системной взаимосвязи.

Список использованных источников

1. Брижак, В.С. Возмещение морального вреда, причиненного административным правонарушением – Текст: непосредственный. / В.С. Брижак, О.Г. Савинова // Epomen.Global. 2025. №63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-moralnogo-vreda-prichinennogo-administrativnum-pravonarusheniem> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Пагава, Т.Л. Становление и развитие правового института компенсации морального вреда как способа защиты нарушенных имущественных прав граждан. / Т.Л. Пагава // Экономика. Право. Общество. 2019. № 2 (18). С. 33-38.
3. Сусликов, В.Н. Проблемы компенсации морального вреда по делам о причинении вреда жизни и здоровью граждан / В.Н. Сусликов, А.А. Филимонов // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 7-2. С. 148-150.
4. Трофимова, Г.А. Моральный вред: сущность, основания возникновения и объем / Г.А. Трофимова // Законодательство и экономика. 2016. № 7. С. 24-26.

4.2. ИНСТИТУТ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Урываев Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Институт возмещения вреда, являясь межотраслевым правовым образованием, традиционно занимает одно из центральных мест в механизме защиты прав и законных интересов граждан. В современной правовой действительности его развитие характеризуется усилением взаимодействия частноправовых и публично-правовых начал, что с неизбежностью порождает комплекс правоприменительных проблем, связанных с выбором надлежащей процессуальной формы судебной защиты. Особую остроту и теоретическую значимость указанная проблематика приобретает в сфере реализации права на компенсацию вреда лицами, содержащимися под стражей, где конституционные гарантии достоинства личности сопрягаются с необходимостью обеспечения законности в деятельности органов публичной власти, наделенных властными полномочиями.

Указанная трансформация, инициированная как законодательными новеллами, так и правовыми позициями высшей судебной инстанции, порождает необходимость теоретического осмысления природы, свойств и особенностей компенсации морального вреда, присуждаемой в порядке Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. В контексте рассмотренного выше кассационного определения Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2022 года № 41-КАД22-14-К4 данная проблематика приобретает особую актуальность, поскольку именно вопрос о возможности и пределах взыскания морального вреда по правилам административного судопроизводства стал камнем преткновения в судебной практике и предметом принципиальной оценки со стороны высшей судебной инстанции.

Под компенсацией морального вреда в административном судопроизводстве следует понимать установленный нормами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и применяемый судом в публично-правовом споре способ защиты нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан, нарушенных действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, а также иных органов и организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, выражающийся в возложении на соответствующее публично-правовое образование обязанности по выплате денежной компенсации за причиненные физические или нравственные страдания. Данное определение отражает синтетическую природу рассматриваемого института, сочетающего в себе материально-правовое

содержание, свойственное гражданскому деликтному праву, и процессуальную форму, характерную для публично-правовых споров.

Доктрина раскрывает право на компенсацию морального вреда в административном судопроизводстве как универсальный способ защиты прав во взаимоотношениях с публичными субъектами [3]. Универсальность данного способа проявляется в нескольких аспектах: во-первых, он применим к любым нематериальным благам, нарушенным властными действиями (бездействием) органов публичной власти; во-вторых, он интегрирует публично-правовые механизмы доказывания, включая презумпцию виновности причинителя вреда и распределение бремени доказывания на административного ответчика; в-третьих, он обеспечивает единый режим процессуальных гарантий независимо от конкретной разновидности публично-правового спора. Указанная универсальность позволяет рассматривать административный иск о компенсации морального вреда в качестве эффективного инструмента преодоления фактического неравенства сторон в споре гражданина с государством.

Анализ нормативной базы свидетельствует о наличии системных противоречий между общими положениями Гражданского кодекса Российской Федерации о компенсации морального вреда и специальными нормами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации о присуждении компенсации за нарушение условий содержания. Отсутствие законодательно закрепленной иерархии применения указанных норм порождает конкуренцию процессуальных форм судебной защиты. Пробел регулирования усугубляется тем, что критерии разграничения частноправовых и публично-правовых начал в деликтных обязательствах государства перед гражданином не получили исчерпывающего закрепления в законе, будучи отнесенными к сфере судейского усмотрения [2].

Специфика компенсации морального вреда, причиненного решениями, действиями (бездействием) субъекта публичной власти обусловлена особенностями деликтоспособного субъекта: ответственность возлагается не на конкретное должностное лицо, а на публично-правовое образование в лице его казны [4]. Это предопределяет особый характер юридической конструкции, в рамках которой противоправность деяния и вина причинителя вреда презюмируются, а размер компенсации определяется с учетом не только индивидуальных особенностей потерпевшего, но и публично-правового контекста нарушения. При этом сам факт наделения субъекта властными полномочиями усиливает общественную опасность деликта, что должно находить отражение в размере присуждаемой компенсации, выполняющей не только компенсаторную, но и превентивную функцию.

Сущностные свойства компенсации морального вреда в административном судопроизводстве раскрываются через ее неразрывную связь с публично-правовым характером правоотношений, из которых возникает спор. В отличие от классической гражданско-правовой компенсации морального вреда, где деликтоспособным субъектом выступает любое физическое или юридическое лицо, в административном судопроизводстве ответчиком всегда является субъект, наделенный властными полномочиями и реализующий публичные функции. Это предопределяет особую социально-правовую значимость института, поскольку компенсация морального вреда в данном контексте выступает не только мерой индивидуальной защиты нарушенного права конкретного лица, но и инструментом публично-правового контроля за деятельностью государственных органов и их должностных лиц, стимулом к повышению качества осуществления ими своих функций и соблюдению прав граждан.

Другим фундаментальным свойством выступает специфика объекта защиты. Если в гражданском праве моральный вред может быть компенсирован при нарушении любых личных неимущественных прав или нематериальных благ, то в административном судопроизводстве круг защищаемых благ объективно ограничен теми сферами, где возможно властное вторжение публичных субъектов. Преимущественно это такие блага, как достоинство личности, свобода и личная неприкосновенность, право на уважение частной и семейной жизни, право на благоприятную окружающую среду, право на достойные условия содержания под стражей и в исправительных учреждениях. Указанные блага имеют конституционно-правовую природу, что придает институту компенсации морального вреда в административном судопроизводстве особый, конституционно-правовой оттенок, сближая его с механизмами конституционной защиты прав граждан.

Особенности компенсации морального вреда в административном судопроизводстве проявляются в нескольких аспектах. Первая особенность касается оснований возникновения права на компенсацию и условий ее присуждения. Согласно положениям статей 151, 1069, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, применяемым субсидиарно к публично-правовым отношениям, для возложения ответственности за причинение морального вреда необходима полная совокупность условий: наличие вреда, противоправность действий (бездействия) причинителя, причинно-следственная связь между действиями и вредом, а также вина причинителя вреда. Однако в административном судопроизводстве, особенно при рассмотрении требований о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, действует специальное правовое регулирование. Статья 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, введенная Федеральным законом от 27 декабря 2019 года № 494-ФЗ, устанавливает, что сам факт нарушения установленных законодательством условий содержания под стражей или в исправительном учреждении презюмирует причинение морального вреда. Иными словами, доказыванию подлежит только факт нарушения условий содержания, тогда как наличие физических или нравственных страданий предполагается и не требует подтверждения дополнительными доказательствами. Это существенно облегчает положение административного истца и повышает эффективность судебной защиты.

Вторая особенность связана с распределением бремени доказывания. В классическом гражданском процессе действует общее правило, согласно которому истец обязан доказать факт причинения ему вреда, его размер, а также вину причинителя вреда. В административном судопроизводстве по делам о компенсации морального вреда, причиненного действиями публичной власти, действует презумпция виновности причинителя вреда, вытекающая из части 3 статьи 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, согласно которой обязанность доказывания законности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц возлагается на соответствующий орган или должностное лицо. Таким образом, административный ответчик обязан доказать, что условия содержания соответствовали установленным требованиям, либо что нарушение условий не было следствием его виновных действий. Непредставление таких доказательств или их недостаточность влекут удовлетворение административного иска.

Третья особенность проявляется в порядке исчисления процессуальных сроков. Как было продемонстрировано в анализируемом кассационном определении, переход к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства влечет применение иных, более продолжительных сроков кассационного обжалования. В соответствии с частью 2 статьи 318 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, судебные акты могут быть обжалованы в кассационном порядке в течение шести месяцев со дня их вступления в законную силу, тогда как Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает трехмесячный срок. Применительно к лицам, содержащимся под стражей, указанное различие приобретает особое значение, поскольку объективные трудности в получении копий судебных актов и подготовке жалоб делают более длительный срок существенной процессуальной гарантией доступа к правосудию.

Четвертая особенность связана с субъектным составом и порядком определения размера компенсации. В отличие от гражданского судопроизводства, где размер компенсации морального вреда определяется судом на основе требований разумности и справедливости с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего и иных заслуживающих внимания обстоятельств, в административном судопроизводстве по делам о нарушении условий содержания суд обязан учитывать типовые условия и стандарты содержания, установленные законодательством. Размер компенсации должен быть соразмерен допущенным нарушениям и не может быть символическим, но вместе с тем не должен приводить к неосновательному обогащению истца. При этом судебная практика Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации исходит из того, что отсутствие утвержденной методики определения размера компенсации морального вреда не освобождает суды от обязанности мотивировать присуждаемые суммы, приводя конкретные расчеты либо обоснованные суждения о степени страданий, перенесенных истцом.

Пятая особенность заключается в соотношении компенсации морального вреда и специальной компенсации за нарушение условий содержания, предусмотренной статьей 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. В доктрине и судебной практике до настоящего времени отсутствует единообразное понимание того, являются ли указанные компенсации тождественными, взаимозаменяемыми или самостоятельными способами защиты. С одной стороны, пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» допускает возможность предъявления требований о компенсации морального вреда в порядке административного судопроизводства, если они вытекают из публичных правоотношений. С другой стороны, в пункте 18 названного Постановления разъясняется, что правила статьи 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации являются специальными по отношению к общим положениям о компенсации морального вреда, и их применение исключает возможность одновременного взыскания компенсации морального вреда по общим правилам за те же самые нарушения. Однако на практике разграничение зачастую затруднительно, особенно когда требования заявлены в исковом порядке, а суд переqualифицирует их на административные, как это имело место в деле Н. Калинина.

Шестая особенность касается исполнимости судебных актов о присуждении компенсации морального вреда в административном судопроизводстве. В отличие от гражданского процесса, где ответчиком выступает конкретное юридическое лицо или гражданин, в административном судопроизводстве денежные взыскания обращаются на казну соответствующего публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования). Это предопределяет особый порядок исполнения судебных решений, регламентированный Бюджетным кодексом Российской Федерации, и связанные с этим сложности, включая длительность процедур, необходимость предъявления исполнительных документов к исполнению в финансовые органы, а также законодательно установленные иммунитеты бюджетных средств.

Седьмая особенность вытекает из принципа состязательности и равноправия сторон в административном судопроизводстве. Учитывая, что одной из сторон спора выступает государственный орган, обладающий значительными организационными, кадровыми и финансовыми ресурсами, законодатель предусмотрел дополнительные гарантии для административного истца. К числу таких гарантий относится право суда по собственной инициативе истребовать доказательства в подтверждение законности действий административного ответчика, а также возможность привлечения к участию в деле прокурора для дачи заключения. В делах о компенсации морального вреда, связанного с условиями содержания, указанные гарантии приобретают особое значение, поскольку истец, будучи ограниченным в свободе, объективно лишен возможности собирать и представлять доказательства в том же объеме, что и администрация исправительного учреждения.

Восьмая особенность связана с возможностью возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу в результате нарушения условий содержания, в порядке гражданского судопроизводства, тогда как компенсация морального вреда за те же нарушения подлежит рассмотрению в административном процессе. Часть 6 статьи 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации прямо предусматривает, что требования о возмещении вреда, причиненного имуществу и (или) здоровью в результате нарушения условий содержания, подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. Таким образом, одно событие (нарушение условий содержания) может породить два самостоятельных требования, подлежащих рассмотрению в разных видах судопроизводства. Указанная ситуация создает риск принятия противоречащих друг другу судебных актов, поскольку фактические обстоятельства, установленные судом в административном деле, не имеют преюдициального значения для гражданского дела, и наоборот.

Девятая особенность проявляется в характере судебного контроля при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в административном судопроизводстве. Суд не ограничивается проверкой формальной законности действий административного ответчика, но оценивает их фактическую обоснованность, соразмерность и соответствие принципам справедливости и гуманизма. Применительно к условиям содержания под стражей это означает, что суд обязан

исследовать реальное положение дел в исправительном учреждении, оценить соответствие фактических условий содержания установленным нормативам и стандартам, а также установить, были ли предприняты администрацией все необходимые меры для обеспечения достойных условий содержания. Такой подход сближает административное судопроизводство с конституционным правосудием и усиливает его роль в защите прав и свобод человека и гражданина.

Десятая особенность связана с отсутствием в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации специальной главы, посвященной компенсации морального вреда как таковой. Нормы о компенсации морального вреда «рассыпаны» по различным главам Кодекса и применяются субсидиарно с учетом положений гражданского законодательства. Это порождает известную правовую неопределенность и требует от судей высокой квалификации в вопросах разграничения частноправовых и публично-правовых начал в деликтных обязательствах. Ситуация усугубляется тем, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своих разъяснениях не всегда последовательно проводит грань между компенсацией морального вреда в гражданском процессе и в административном судопроизводстве, что оставляет широкий простор для судебского усмотрения.

В контексте анализируемого кассационного определения Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2022 года № 41-КАД22-14-К4 [1] все вышеуказанные особенности приобретают практическое звучание. Высшая судебная инстанция, квалифицируя требование о компенсации морального вреда как подлежащее рассмотрению в порядке административного судопроизводства, фактически применила комплексный подход, учитывающий не только формальную сторону дела (наименование иска), но и его существо, особенности правового положения истца, а также специальные правила о компенсации за нарушение условий содержания. Тем самым Верховный Суд продемонстрировал, что институт компенсации морального вреда в административном судопроизводстве обладает собственной природой и спецификой, не сводимой к простому перенесению гражданско-правовых конструкций в публично-правовую сферу.

Представляется, что дальнейшее развитие института компенсации морального вреда в административном судопроизводстве должно идти по пути его дальнейшей специализации и обособления от гражданско-правового аналога. Целесообразно было бы дополнить Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации специальной главой, посвященной рассмотрению требований о компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием) органов публичной власти, с детальной регламентацией всех процессуальных особенностей: предмета доказывания, распределения бремени доказывания, порядка определения размера компенсации, сроков обращения в суд и их восстановления, а также вопросов исполнения судебных решений. Такой подход позволил бы преодолеть фрагментарность правового регулирования, обеспечить единообразие судебной практики и повысить эффективность судебной защиты прав граждан в публично-правовой сфере.

Кроме того, требуется дальнейшая теоретическая разработка вопроса о соотношении компенсации морального вреда и специальной компенсации за нарушение условий содержания. Представляется, что законодателю следовало бы четко определиться: либо признать указанные компенсации тождественными и унифицировать порядок их присуждения в рамках административного судопроизводства, либо сохранить их самостоятельность, но при этом законодательно урегулировать механизм разграничения и взаимного влияния соответствующих требований. В любом случае, недопустима ситуация, при которой выбор процессуальной формы (гражданское или административное судопроизводство) предопределяет существо правового регулирования, включая сроки, порядок доказывания и размер причитающихся выплат, поскольку это нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом.

Рассмотрим данную проблему в практическом аспекте. Федеральным законом от 27 декабря 2019 года № 494-ФЗ в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации была введена статья 227.1, установившая особенности рассмотрения требований о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях. Указанная новелла, будучи призванной создать специализированный механизм судебной защиты для данной категории лиц, вместе с тем породила дискуссию о разграничении компетенции судов общей юрисдикции при рассмотрении дел, вытекающих из публичных правоотношений, но обремененных в традиционную гражданско-правовую форму иска о компенсации морального вреда.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления правовых позиций высшей судебной инстанции по вопросам отраслевой идентификации подобных споров и анализа процессуальных последствий такой квалификации для участников судопроизводства.

Дискреция суда в определении отраслевой принадлежности спора: анализ процессуальных последствий квалификации требований о компенсации морального вреда, заявленных лицами, содержащимися под стражей (на примере Кассационного определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2022 года № 41-КАД22-14-К4)

Институт возмещения вреда в современном российском правопорядке демонстрирует устойчивую тенденцию к дифференциации процессуальных форм судебной защиты в зависимости от характера правоотношений, из которых возник спор. Указанная дифференциация, будучи призванной обеспечить наиболее эффективную реализацию материально-правовых притязаний, одновременно порождает комплекс проблем правоприменительного характера, связанных с разграничением компетенции судов общей юрисдикции при рассмотрении дел, вытекающих из публичных правоотношений, но облеченных в форму гражданско-правового иска. Особую остроту данная проблематика приобретает в контексте реализации права на компенсацию вреда лицами, содержащимися под стражей, где пересекаются как конституционно-правовые гарантии достоинства личности, так и публично-правовые механизмы обеспечения законности в деятельности пенитенциарных учреждений. Анализ Кассационного определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2022 года № 41-КАД22-14-К4 позволяет выявить узловые противоречия современной судебной практики и наметить перспективные направления совершенствования как процессуального законодательства, так и подходов к его толкованию.

Фабула дела, ставшего предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации, репрезентативна для значительного массива споров, инициируемых лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Гражданин Н. Калинин обратился в суд с иском к Федеральной службе исполнения наказаний и ее территориальным органам, а также к следственным изоляторам о компенсации морального вреда и возложении обязанности инициировать проведение проверки. Традиционно подобные требования, основанные на положениях статей 151, 1069, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, квалифицировались судами как исковые и рассматривались в порядке гражданского судопроизводства. Именно по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дело прошло первую и апелляционную инстанции, которые отказали в удовлетворении заявленных требований.

Ключевой процессуальный конфликт возник на стадии кассационного обжалования. Истец, находясь в исправительном учреждении, 10 июня 2021 года направил кассационную жалобу в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, одновременно ходатайствуя о восстановлении пропущенного процессуального срока. В обоснование ходатайства указывалось на неполучение копии апелляционного определения. Судья кассационной инстанции, руководствуясь нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, возвратил жалобу без рассмотрения, констатируя отсутствие уважительных причин для восстановления срока. При этом суд исходил из презумпции добросовестности участников процесса и возложения на них обязанности самостоятельно предпринимать меры к получению копий судебных актов, а также из необходимости соблюдения принципа разумности сроков судопроизводства. Судебная коллегия по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции согласилась с выводами судьи.

Однако Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая жалобу Н. Калинина, квалифицировал сложившуюся ситуацию принципиально иначе, сместив фокус с вопроса о соблюдении процессуального срока на проблему определения надлежащей процессуальной формы судопроизводства. Ключевым аргументом Верховного Суда стала ссылка на положения Федерального закона от 27 декабря 2019 года № 494-ФЗ, которым глава 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации была дополнена статьей 227.1. Данная норма устанавливает особенности рассмотрения требований о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях. По мнению

высшей судебной инстанции, фактические обстоятельства, подлежащие проверке по делу Н. Калинина (условия содержания в следственных изоляторах), тождественны тем, которые исследуются при рассмотрении административных исков в порядке статьи 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Следовательно, спор возник из публичных правоотношений между гражданином и государством в лице органов и учреждений, наделенных властными полномочиями, что предопределяет необходимость его разрешения по правилам административного судопроизводства.

Юридическая конструкция, предложенная Верховным Судом, базируется на постулате о приоритете публично-правовой природы требований о компенсации за ненадлежащие условия содержания вне зависимости от того, в какой процессуальной форме они изначально заявлены. Согласно данному подходу, требование о компенсации морального вреда, предъявляемое лицом, полагающим нарушенными условия его содержания в местах изоляции, по своей сути является способом защиты в споре, вытекающем из публичных отношений. Исходя из действия процессуальных норм во времени, Верховный Суд указал, что кассационная жалоба Н. Калинина, поданная 10 июня 2021 года, то есть после введения в действие статьи 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, подлежала рассмотрению именно в порядке административного судопроизводства и должна соответствовать требованиям Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Руководствуясь пунктом 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 года № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», Суд применил единый шестимесячный срок для кассационного обжалования, установленный Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, и с учетом исключения периода составления мотивированного апелляционного определения пришел к выводу о том, что срок кассационного обжалования Н. Калининым не пропущен.

Данное кассационное определение высвечивает как минимум три фундаментальные научные проблемы, требующие осмысления в контексте института возмещения вреда. Первая проблема заключается в разграничении гражданского и административного судопроизводства по делам о компенсации вреда, причиненного действиями (бездействием) органов публичной власти и их должностных лиц. Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к критериям отраслевой идентификации подобных споров. С одной стороны, пункт 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» предусматривает, что требование о компенсации морального вреда на основании статей 151, 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации вследствие причинения вреда здоровью, возникшего в связи с нарушением условий содержания, подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. С другой стороны, часть 6 статьи 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, закрепляя возможность возмещения вреда, причиненного имуществу и (или) здоровью в результате нарушения условий содержания, в порядке гражданского судопроизводства, не регулирует вопросов о компенсации морального вреда, оставляя его в сфере административной юрисдикции. Более того, в научной доктрине обосновывается позиция, согласно которой компенсация за нарушение условий содержания является самостоятельной разновидностью морального вреда, однако с особым публично-правовым режимом присуждения. Двойственность правового регулирования порождает ситуацию процессуальной неопределенности, при которой истец вынужден прогнозировать, по правилам какого вида судопроизводства его требования будут квалифицированы судом.

Вторая проблема сопряжена с дифференциацией сроков обращения за судебной защитой в гражданском и административном процессах и противоречивой практикой их исчисления применительно к лицам, находящимся в местах лишения свободы. В гражданском судопроизводстве действует общий трехмесячный срок подачи кассационной жалобы с момента вступления судебного акта в законную силу. В административном судопроизводстве, как разъяснено Верховным Судом, установлен единый шестимесячный срок для кассационного обжалования, исчисляемый со следующего дня после принятия апелляционного определения. Различие в сроках само по себе создает коллизионную ситуацию: применение судом кассационной

инстанции норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации к требованию, которое, по мнению Верховного Суда, подлежало рассмотрению по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, привело к выводу о пропуске срока, тогда как применение административно-процессуальных норм свидетельствовало о соблюдении срока обжалования. Особого внимания заслуживает вопрос о критериях уважительности причин пропуска процессуальных сроков для лиц, содержащихся под стражей. В рассмотренном деле Верховный Суд фактически признал, что факт неизвещения судом апелляционной инстанции лица, находящегося в исправительном учреждении, о принятом судебном акте, при отсутствии обязанности суда направлять копию апелляционного определения по нормам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не может быть вменен в вину истцу. Более того, следует учитывать, что согласно абзацу второму статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации срок исковой давности не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом. В судебной практике Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации встречаются примеры, когда отказы в удовлетворении административных исков о присуждении компенсации в связи с пропуском срока обращения в суд отменялись со ссылкой на данное положение Гражданского кодекса Российской Федерации, что свидетельствует о попытке унификации правовых режимов защиты нематериальных благ независимо от процессуальной формы.

Третья проблема касается пределов судейского усмотрения при определении отраслевой принадлежности спора и обязанности суда по правильному определению предмета заявленного требования. В анализируемом определении Верховный Суд фактически возложил на нижестоящие суды обязанность осуществлять переквалификацию заявленных требований и переходить к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства, если фактические обстоятельства указывают на публично-правовую природу спора. Такой подход, безусловно направленный на обеспечение правильного применения процессуального закона, вместе с тем порождает ряд сложностей. Во-первых, он требует от суда высокой квалификации и глубокого понимания тонкостей разграничения частноправовых и публично-правовых начал в деликтных обязательствах. Во-вторых, он ставит под сомнение принцип диспозитивности, поскольку истец, сознательно избравший гражданско-правовую форму защиты, может столкнуться с тем, что его требование будет рассмотрено по иным процессуальным правилам, возможно, менее благоприятным с точки зрения распределения бремени доказывания или сроков. В-третьих, на практике переквалификация требований зачастую происходит на поздних стадиях процесса, как это имело место в деле Н. Калинина, что нивелирует процессуальные гарантии сторон и приводит к дополнительным временным затратам.

Решение обозначенных проблем видится в нескольких взаимосвязанных направлениях. Первым направлением является совершенствование законодательной техники при конструировании процессуальных норм. Представляется целесообразным на уровне федерального закона закрепить исчерпывающий перечень критериев отнесения дел о компенсации вреда, причиненного органами публичной власти, к административному судопроизводству, исключив возможность двойственного толкования. В частности, необходимо четко определить, что все требования лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание, связанные с условиями их содержания, независимо от того, в какой форме они заявлены (о компенсации морального вреда или о присуждении компенсации за нарушение условий содержания), подлежат рассмотрению в порядке, установленном главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. При этом следует законодательно предусмотреть механизм «плавного перехода» из одного вида судопроизводства в другой на ранних стадиях процесса с минимальными издержками для сторон, например, путем закрепления обязанности суда первой инстанции при выявлении признаков публично-правового спора выносить определение о переходе к рассмотрению дела по правилам административного судопроизводства с разъяснением истцу его прав и обязанностей.

Вторым направлением выступает унификация процессуальных сроков по делам о защите нематериальных благ от неправомερных действий публичной власти. Учитывая особый статус истцов, ограниченных в свободе передвижения и коммуникации, а также конституционную значимость защищаемых благ (достоинство личности, право на свободу и личную

неприкосновенность), представляется обоснованным установление единого шестимесячного срока кассационного обжалования по всем категориям дел, связанных с условиями содержания под стражей, вне зависимости от вида судопроизводства. Более того, следует распространить на данную категорию дел правило о том, что неполучение лицом, содержащимся под стражей, копии судебного акта по вине суда или учреждения уголовно-исполнительной системы является безусловным основанием для восстановления пропущенного срока. Целесообразно также внести изменения в процессуальное законодательство, обязывающие суды направлять копии судебных актов лицам, находящимся в местах лишения свободы, заказными письмами с уведомлением о вручении, фиксируя дату фактического получения документа, что позволит объективно исчислять начало течения срока на обжалование.

Третье направление связано с развитием судебного толкования и формированием единообразной практики применения действующих норм. Пленуму Верховного Суда Российской Федерации следовало бы дать развернутые разъяснения о соотношении положений Гражданского кодекса Российской Федерации о компенсации морального вреда и специальных норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о присуждении компенсации за нарушение условий содержания. В этих разъяснениях важно подчеркнуть, что присуждение компенсации в порядке административного судопроизводства не препятствует последующему возмещению вреда, причиненного имуществу и здоровью, в гражданском порядке, однако исключает возможность повторного взыскания компенсации морального вреда за те же самые нарушения (принцип недопустимости двойной ответственности). Также необходимо разъяснить, что суды, принимая исковое заявление о компенсации морального вреда от лица, содержащегося под стражей, обязаны проверять, не связано ли заявленное требование с условиями содержания, и при положительном ответе разъяснять истцу право на уточнение требований либо переходить к рассмотрению дела по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации с соблюдением всех гарантий, предоставленных сторонам.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических выводов и практических рекомендаций, направленных на совершенствование института возмещения вреда в части судебной защиты прав лиц, содержащихся под стражей.

Анализ Кассационного определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2022 года № 41-КАД22-14-К4 свидетельствует о формировании устойчивого подхода, согласно которому определяющее значение для выбора надлежащей процессуальной формы судопроизводства имеет не наименование иска (о компенсации морального вреда или о присуждении компенсации за нарушение условий содержания), а существо правоотношений, из которых возник спор. Верховный Суд последовательно проводит идею о том, что требования, связанные с условиями содержания под стражей, по своей природе являются публично-правовыми и, следовательно, подлежат рассмотрению в порядке административного судопроизводства. Такой подход, будучи теоретически обоснованным, вместе с тем обнажил ряд системных проблем, требующих неотложного разрешения.

К числу наиболее значимых проблем, выявленных в ходе исследования, относятся: во-первых, отсутствие законодательно закрепленных и однозначно понимаемых критериев разграничения гражданского и административного судопроизводства по делам о компенсации вреда, причиненного действиями (бездействием) органов публичной власти; во-вторых, существенная дифференциация процессуальных сроков кассационного обжалования в гражданском и административном процессах при отсутствии специальных правил их исчисления для лиц, содержащихся под стражей, что создает риск необоснованного лишения указанных лиц права на судебную защиту; в-третьих, неопределенность пределов судебского усмотрения при квалификации заявленных требований и отсутствие процессуального механизма «перехода» из одного вида судопроизводства в другой с минимальными издержками для сторон.

Разрешение обозначенных проблем видится в реализации комплекса мер законодательного и правоприменительного характера. На законодательном уровне представляется целесообразным закрепить исчерпывающий перечень критериев отнесения дел о компенсации вреда, причиненного лицам, содержащимся под стражей, к административному судопроизводству, а также установить

единый шестимесячный срок кассационного обжалования по данной категории дел вне зависимости от процессуальной формы их рассмотрения. Кроме того, требуется законодательно предусмотреть обязанность судов направлять копии судебных актов лицам, находящимся в местах лишения свободы, с фиксацией даты их фактического получения, что позволит объективно исчислять начало течения срока на обжалование. На уровне судебного толкования Пленуму Верховного Суда Российской Федерации надлежит дать развернутые разъяснения о соотношении положений Гражданского кодекса Российской Федерации о компенсации морального вреда и специальных норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации о присуждении компенсации за нарушение условий содержания, а также о процессуальных последствиях переквалификации требований судом.

Реализация предложенных мер будет способствовать формированию единообразной судебной практики, обеспечению процессуальной определенности и предсказуемости судебной защиты для лиц, содержащихся под стражей, что в полной мере соответствует конституционным принципам правового государства и уважения человеческого достоинства. Дальнейшие научные исследования в данной области могут быть направлены на сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей судебной защиты прав лиц, лишенных свободы, и разработку на этой основе рекомендаций по совершенствованию российского процессуального законодательства.

Таким образом, институт компенсации морального вреда в административном судопроизводстве представляет собой сложное, многогранное правовое образование, находящееся в стадии активного формирования и развития. Его особенности обусловлены публично-правовой природой споров, особым статусом истца (зачастую лица, ограниченного в свободе), спецификой доказывания, распределением бремени доказывания, порядком исчисления сроков, а также необходимостью сочетания частноправовых и публично-правовых начал в регулировании деликтных отношений. Анализ правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, включая кассационное определение по делу Н. Калинина, свидетельствует о стремлении высшей судебной инстанции придать институту компенсации морального вреда в административном судопроизводстве целостный и системный характер, обеспечивающий эффективную защиту прав граждан в их отношениях с публичной властью. Дальнейшее развитие данного института должно быть направлено на совершенствование законодательной базы, устранение выявленных противоречий и формирование единообразной судебной практики, основанной на глубоком понимании публично-правовой природы соответствующих споров.

Список используемой литературы

1. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2022 года № 41-КАД22-14-К4. — Текст : непосредственный // <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25112022-n-41-kad22-14-k4/>
2. Махина С.Н., Вороненко О.А. К вопросу о компенсации морального вреда в сфере публично-правовых отношений в Российской Федерации: коллизии и пробелы законодательного регулирования. // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 187-192.
3. Панкратова О.В. Право на компенсацию морального вреда в административном судопроизводстве как универсальный способ защиты прав во взаимоотношениях с публичными субъектами. // Юридическая гносеология. 2024. № 4. С. 32-39.
4. Потапенко С.В. О компенсации морального вреда, причиненного решениями, действиями (бездействием) субъекта публичной власти // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8 (196). С. 120-126.

4.3. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета

Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета

Нарушкевич Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного и публичного права АНО ВО «Волгоградского института бизнеса»

Вопрос возмещения вреда, причиненного окружающей среде экологическими правонарушениями, в XXI веке перестал быть узко отраслевым, и все чаще воспринимается как индикатор эффективности государства и зрелости правовой системы. Экологические происшествия - от разливов нефтепродуктов и аварий на промышленных объектах до незаконной вырубке лесов и деградации водных экосистем - порождают долгосрочные, и нередко отсроченные последствия. Страдают здоровье и имущество граждан, нарушаются интересы хозяйствующих субъектов, а восстановительные работы требуют значительных финансовых и организационных ресурсов. При решении этих проблем ключевым ориентиром выступает принцип «загрязнитель платит»: именно причинитель вреда должен финансировать его предотвращение, ликвидацию и компенсацию. Однако практическая реализация данного принципа осложняется целым рядом обстоятельств. Традиционное понимание возмещения как денежной выплаты все чаще уступает место требованию реального восстановления вреда в природе - через очистку, рекультивацию и иные мероприятия. При этом экологический ущерб может возникать и при формально правомерной хозяйственной деятельности, осуществляемой на основании разрешений и при соблюдении установленных процедур, что ставит вопрос о границах ответственности и допустимых исключениях. К традиционным проблемам в последние годы добавились качественно новые: накопленный экологический вред, глобальное изменение климата и технологические инновации, включая наноматериалы, воздействие которых на экосистемы до конца не изучено. Эти факторы повышают требования к правовому механизму доказывания причинно-следственной связи, расчету ущерба и финансовым гарантиям, которые должны обеспечивать восстановление природной среды даже при неплатежеспособности причинителя.

Особенность экологического вреда состоит еще и в том, что он затрагивает одновременно частные и публичные интересы: нарушение экосистем отражается на качестве жизни населения, но одновременно подрывает природный капитал страны и влечет расходы на охрану окружающей среды. Поэтому эффективная модель возмещения должна сочетать гражданско-правовые средства с административными и финансовыми мерами, обеспечивая как компенсацию, так и предупреждение новых правонарушений. В связи с этим представляет интерес обращение к зарубежному опыту. Это важно потому, что в ряде европейских стран уже сформированы новые правовые подходы и процедуры, представляющие интерес и для российского права.

Возмещение вреда окружающей среде как самостоятельный правовой институт стало оформляться в национальных законодательствах во второй половине XX в. под влиянием международного экологического права. В конце XX в. в российском экологическом законодательстве начинает реализовываться принцип «загрязнитель платит», появляются первые нормы об ответственности за экологические правонарушения, специальные методики расчета ущерба природным объектам и др. Однако в XXI в. происходят значительные изменения, расширившие понятие экологического вреда и усложнившие процедуры его возмещения. Во-первых, если ранее возмещение экологического вреда рассматривалось через призму гражданско-правовой (деликтной) ответственности, то теперь признается необходимость межотраслевого подхода [1]. Экологический вред затрагивает не только частные, но и публичные интересы, поэтому

правовой механизм его возмещения должен сочетать гражданско-правовые средства с правовыми мерами административного, экологического и финансового характера.

Во-вторых, происходит переосмысление самого понятия «возмещение вреда». Теперь это не столько выплата денежной компенсации постфактум, сколько обеспечение реального восстановления окружающей среды. Приоритет отдается возмещению вреда в натуре – проведению очистки, рекультивации, восстановительных работ за счет нарушителя [2, с.116].

Данный вывод следует из п.2.1 ст.78 Федерального закона «Об охране окружающей среды», согласно которому при определении размера вреда окружающей среде, причиненного экологическим правонарушением, учитываются понесенные лицом, причинившим вред, затраты по устранению такого вреда. Порядок и условия учета этих затрат устанавливаются уполномоченными федеральными органами исполнительной власти. Определение размера вреда окружающей среде, который был причинен нарушением экологического законодательства, осуществляется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ, а при их отсутствии - в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды. Таким образом, денежная компенсация будет назначена при невозможности восстановить нарушенные компоненты природной среды в прежнем состоянии. В ЕС схожий подход закреплен Директивой 2004/35/ЕС от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий», согласно которой лицо, причинившее значительный ущерб земельным, водным ресурсам или охраняемым видам, обязано осуществить необходимые восстановительные меры за свой счет. Это дает стимул для бизнеса предотвращать ущерб, поскольку иначе компаниям придется финансировать восстановление окружающей среды.

В-третьих, расширяется сфера охвата экологического вреда. Традиционно подлежит возмещению вред, причиненный нарушением природоохранных норм (т.е. противоправными действиями). Но в современном мире очень часто экологический ущерб может возникать и при правомерной хозяйственной деятельности, соответствующей всем выданным разрешениям [3, с. 407-408]. В России законодательство прямо не регулирует вопрос ответственности за правомерно причиненный вред окружающей среде -согласно ст.1064 ГК РФ такой правомерный вред возмещается только в случаях, прямо предусмотренных законом. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» содержит норму о возмещении вреда даже при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы проекта (п.2 ст.77), однако отсутствует четкий механизм реализации этой нормы. Дело в том, что хотя закон и не исключает возможность возмещения «правомерного» экологического вреда, без специального регулирования такой вред выпадает из сферы гражданско-правовой ответственности.

В-четвертых, в XXI веке остро проявила себя проблема накопленного экологического вреда. Речь идет об ущербе, причиненном окружающей среде в прошлом (в том числе десятилетия назад), ответственность за который невозможно напрямую возложить на виновника – например, в случае заброшенных промышленных объектов, исторического загрязнения почв и вод, оставшихся от уже не существующих предприятий. Многие страны мира сталкиваются с необходимостью ликвидации таких «исторических экологических последствий» за счет государства, поскольку прямой причинитель юридически прекратил свое существование. В России законодатель ввел понятие «накопленный вред окружающей среде», но механизм его устранения до конца не выстроен [4]. Законодатель (ст.80.1-80.3 Федерального закона «Об охране окружающей среды») создал механизм инвентаризации, учета и ликвидации накопленного вреда окружающей среде, однако основную работу должны проводить органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, которые испытывают финансовые проблемы, а охрана окружающей среды не входит в число их основных приоритетов.

В-пятых, важнейшей новеллой последних лет стало признание того, что наиболее эффективным будет не возмещение уже причиненного вреда, а принятие предупредительных мер и разработка финансовых гарантий. В идеале ущерб окружающей среде должен либо не допускаться вовсе, либо немедленно устраняться силами причинителя. Для этого во многих странах вводятся

требования финансового обеспечения ответственности: обязательное экологическое страхование, создание фондов возмещения вреда, банковские гарантии и др. Их цель – гарантировать, что даже при банкротстве или недостатке средств у правонарушителя деньги на восстановление природы будут найдены. В России закон о страховании экологической ответственности пока отсутствует, хотя в ряде отраслей действует обязательное страхование (например, при транспортировке нефти или в области использования атомной энергии). Повсеместное внедрение экологического страхования для хозяйствующих субъектов позволит переложить риски ущерба с государства на страховщиков и загрязнителей, обеспечив тем самым выплату денежных компенсаций даже в случае, если сам нарушитель не в состоянии заплатить.

Таким образом, в XXI веке институт возмещения экологического вреда развивается в направлении комплексности, приоритетного восстановления окружающей среды, расширения оснований юридической ответственности (за правомерный и накопленный вред), появления превентивных механизмов (страхование). Эти тенденции отражают стремление адаптировать право к новым экологическим реалиям. Практика возмещения экологического вреда в России демонстрирует одновременно и позитивные примеры, и ряд проблем. Если говорить о положительных тенденциях, то за последние годы значительно возросли суммы взыскиваемого ущерба, и даже появились прецеденты привлечения к ответственности крупных компаний.

1) самый известный случай – разлив дизельного топлива в Норильске (2020). Тогда из аварийного резервуара ТЭЦ-3 компании «Норникель» вылилось свыше 20 тысяч тонн топлива, загрязнив реки и почву на огромной площади в заполярной тундре [19]. Росприроднадзор предъявил иск, рассчитав ущерб в размере 148 млрд руб. Компания сперва пыталась оспорить размер выплат, но в конечном итоге Арбитражный суд Красноярского края удовлетворил иск на 146 млрд руб., что стало рекордной суммой в истории России. В феврале 2021 г. «Норникель» выплатил эту сумму в федеральный бюджет. Данный случай показал, что государство способно добиться компенсации даже от очень крупного загрязнителя, если есть политическая воля и собрана доказательственная база. Более того, суд апелляционной инстанции подтвердил взыскание, указав, что методика расчета ущерба (утвержденная приказом Минприроды) применена верно, а компания обязана оплатить полный объем восстановительных мероприятий.

2) разливы нефти и трубопроводные аварии. В конце 2013 года Арбитражный суд Республики Коми принял решение по иску Росприроднадзора к нефтяной компании «Лукойл-Коми». Компания должна была выплатить более полумиллиарда рублей за ущерб земельным ресурсам, который был выявлен еще в 2011 г. «Лукойл-Коми» пытался доказать, что ущерб возмещен рекультивацией земель, но суды обеих инстанций признали правоту природоохранной прокуратуры Республики Коми [20]. В 2020 г. на нефтепроводе «ЛУКОЙЛ» на Харьгинском месторождении произошел разлив нефти. Правительство России поручило Росприроднадзору провести проверку в связи с этой аварией. Экспертиза показала, что в почве содержится повышенная концентрация нефтепродуктов. Размер причиненного экологического ущерба составил 7,4 млн. рублей. 18 января 2024 года компания «ЛУКОЙЛ-Пермь» как правопреемник «ЛУКОЙЛ-Коми» возместила ущерб [21]. Таким образом, нефтегазовый сектор – один из основных по числу экологических исков, что неудивительно, учитывая риски этого вида деятельности.

3) Лесные пожары и вырубki. Здесь ущерб часто предъявляется лесхозами к виновникам пожаров (если они установлены) или незаконным лесорубам. Суммы бывают значительны (в сотни миллионов рублей), но проблема в реальном взыскании: ответчики либо скрываются, либо банкроты. Ущерб от катастрофических пожаров последних лет в Сибири исчисляется миллиардами рублей, но взыскать их часто не с кого (поскольку пожары стихийные).

Кроме того, наблюдаются и другие проблемы в сфере российской судебной практики по возмещению экологического вреда. Во-первых, это неосведомленность и пассивность населения. Граждане редко пользуются своим правом требовать компенсации за вред, причиненный их здоровью экологическими правонарушениями. Тут есть как общие причины такого положения дел, относящиеся к сфере экологической политики, культуры, правосознания, так и объективно существующая сложность по доказыванию экологического происхождения вреда и причинной связи, установления конкретного виновного лица [5]. Во-вторых, сложность исполнения решений. Даже если суд присудил определенную денежную сумму, взыскание может быть невозможным, если виновник – банкрот или ликвидирован. В-третьих, часто наблюдаются попытки занижения

размера вреда и попытки уйти от ответственности. Очень часто правонарушитель платит штраф, размер которого не соответствует масштабам последствий.

В-четвертых, это отсутствие дифференциации правомерного/неправомерного вреда. Дело в том, что экологическое законодательство не проводит четкого разграничения: вред возмещается и при нарушении норм, и при их соблюдении, если он все же был причинен. На практике же предъявляются иски в основном при наличии нарушения законодательства (превышения ПДВ, отсутствия разрешений, авариях). Если же предприятие действовало с соблюдением экологических требований, но все же причинило вред (например, построило в ООПТ гидротехнический объект с положительным заключением государственной экологической экспертизы, который все же причинил вред экосистемеводного объекта), такой хозяйствующий субъект редко привлекается к ответственности. Таким образом, российская система возмещения экологического вреда имеет нормативно-правовую базу и определенный опыт применения. Она позволяет государству взыскивать с загрязнителей значительные суммы, однако сохраняются и правовые пробелы, связанные с отсутствием в ГК РФ главы об особенностях возмещения экологического вреда, практические трудности с расчетом ущерба и т.д.

К этому следует добавить появление новых экологических рисков и угроз, к которым законодатель и правоприменители в России не готовы в принципе, что можно продемонстрировать на двух ярких примерах: климатического вреда и вреда от нанотехнологий.

Глобальное изменение климата – одна из главных угроз окружающей среде и человечеству в XXI веке. Рост среднегодовых температур, вызываемый накоплением парниковых газов, приводит к увеличению числа экстремальных погодных явлений, стихийных бедствий и долгосрочных неблагоприятных изменений экосистем. Россия, как и остальные страны, часто сталкивается с разрушительными стихийными бедствиями (паводками, засухами, лесными пожарами, таянием вечной мерзлоты и т.д.), которые ученые напрямую связывают с изменением климата [22]. Эти события наносят колоссальный ущерб: разрушаются экологические системы, гибнет флора и фауна, страдает здоровье людей и их имущество. Отсюда возникает вопрос – можно ли говорить о климатическом вреде в правовом смысле, и кто должен нести за это ответственность? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Климатический вред имеет большую специфику: он носит разделенный и отсроченный характер. Так, конкретное стихийное бедствие нельзя напрямую «привязать» к отдельному загрязнителю – оно является результатом совокупных исторических выбросов парниковых газов всеми странами мира за столетия. Тем не менее, все чаще звучат требования о том, чтобы страны и корпорации, внесшие наибольший вклад в глобальное потепление, компенсировали ущерб тем, кто страдает от его последствий.

Наиболее уязвимы бедные государства, так как они произвели минимальные выбросы, но испытывают максимальные последствия, например, малые островные государства. На международном уровне концепция климатических «потерь и ущерба» стала предметом переговоров в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1992). Историческим решением стало создание на конференции COP27 (Египет, 2022) специального Фонда для возмещения потерь и ущерба странам, уязвимым к последствиям изменения климата, который полноценно начал свою работу в 2025 г. по итогам климатической конференции COP29 в Баку.

Фактически впервые было признано, что страны, наиболее ответственные за эмиссию парниковых газов, должны финансово помочь пострадавшим государствам справляться с последствиями климатических изменений. Хотя конкретные механизмы наполнения и распределения этого фонда еще разрабатываются, сам факт его создания говорит о признании климатического вреда как отдельной правовой категории. Фонд призван финансировать восстановление после таких событий, как катастрофические наводнения, засухи, уничтожение урожая, вызванные изменением климата. Таким образом, происходит становление международного механизма климатической ответственности, где основой выступает принцип дифференцированной ответственности: развитые страны (исторические загрязнители) помогают развивающимся компенсировать ущерб. Помимо межгосударственного уровня, важные сдвиги происходят и во внутренних правовых системах ряда стран. Возникает феномен климатической судебной практики: граждане, НКО и даже органы местного самоуправления зарубежных стран обращаются в суды, чтобы привлечь правительства и корпорации к ответственности за климатический вред.

В США первые такие дела появились еще в 2000-е годы [6], когда были поданы иски против крупных корпораций, ответственных за значительные объемы выбросов парниковых газов, или против правительств за неспособность регулирования или прямое поощрение опасного использования ископаемого топлива. По подсчетам некоторых исследователей, число климатических исков к 2019 году в мире уже превысило 1300 [7, с.118]. В Европе наиболее известным стало дело *Urgenda v. Netherlands*, в котором группа граждан и фонд *Urgenda* через суд обязали правительство Нидерландов усилить политику снижения выбросов. В 2019 г. Верховный суд Нидерландов вынес решение, обязав правительство обеспечить сокращение выбросов CO₂ минимум на 25% к 2020 г. (от уровня 1990 г.) для защиты прав граждан на жизнь и здоровье. Это решение опиралось на обязательства государства по Парижскому соглашению и Европейской конвенции по правам человека. Фактически суд признал, что непринятие достаточных мер по сокращению выбросов представляет угрозу основным экологическим правам.

Следует заметить, что климатические иски могут преследовать разные цели [8]. Одни, как *Urgenda*, носят превентивный характер, чтобы обязать субъекта (государство или компанию) снизить будущие выбросы, тем самым предотвратив грядущий вред. Другие – компенсационные, направленные на возмещение произошедшего ущерба (например, затрат на берегоукрепление, утраченный урожай, ущерб имуществу от урагана и т.д.). Первые успехи достигнуты именно в превентивных исках: суды мотивируют принятие мер по предотвращению изменения климата ссылками на права человека и обязанность охраны окружающей среды. С компенсацией ситуация намного сложнее: проблема доказывания причинно-следственных связей и фактор множества лиц, чья деятельность (хотя и в разной степени) привела к появлению климатической проблемы (государства, юридические лица) затрудняет определение ответчика и размера ответственности. Тем не менее, дела о возмещении климатического вреда все чаще начинают рассматриваться европейскими судами. В 2025 г. в Германии суд рассмотрел дело по иску фермера о возмещении ущерба, связанного с изменением климата, против немецкой энергетической компании RWE. Суд подтвердил, что крупные корпорации, выбрасывающие углерод, могут быть привлечены к ответственности за их вклад в растущие риски и ущерб, связанные с изменением климата. И хотя иск все же был отклонен по причине недостаточности доказательств, подтверждение судом потенциальной ответственности крупных загрязнителей может способствовать активизации судебных разбирательств по вопросам климатического вреда [9]. Что касается России, то здесь пока нет специального механизма возмещения климатического вреда. Этот вопрос обсуждается, главным образом, в контексте выполнения международных обязательств по сокращению выбросов и адаптации к изменениям климата. Россия присоединилась к Парижскому соглашению 2015 г. и приняла на себя обязанность по снижению выбросов, однако внутренние нормативные акты ориентированы скорее на учет и отчетность, чем на ответственность. Специальных «климатических» норм об обязательном возмещении вреда от климатических изменений не принято. Тем не менее, все чаще фиксируются факты таяния вечной мерзлоты, которые могут повлечь техногенные катастрофы, не прекращаются лесные пожары и наводнения. Государство несет огромные расходы на ликвидацию этих последствий, выплачивает компенсации гражданам, строит защитные сооружения.

Пока эти расходы покрываются из бюджета, однако рано или поздно будет поставлен вопрос о привлечении к их несению бизнеса, например, чрез введение целевых климатических сборов или экологическое страхование. Таким образом, правовой механизм возмещения климатического вреда только начинает складываться. До сих пор ни в ГК РФ, ни в экологическом законодательстве не отражен механизм и специфика возмещения климатического вреда, хотя мировой опыт говорит о том, что такие иски, как минимум возможны, а сама проблема климатического вреда требует правового решения. В будущем следует создавать специальные правовые конструкции, например, коллективные иски от пострадавших граждан к крупным промышленным загрязнителям, осуществляющим выбросы парниковых газов [10], национальные компенсационные фонды и механизмы страхования климатических рисков. Важно, чтобы государство учитывало эти тенденции и было готово принимать эффективные правовые решения, чтобы защитить граждан и природу от надвигающихся климатических потрясений.

Другой примечательный вызов XXI века – бурное развитие нанотехнологий и появление массивной продукции наноиндустрии [11]. Наноматериалы (частицы размером от 1 до 100

нанометров) находят применение в самых разных областях – от электроники и энергетики до медицины, косметики и пищевой промышленности. Их уникальные свойства сулят большие выгоды, однако вместе с тем порождают и новые потенциальные экологические угрозы. Из-за сверхмалых размеров наночастицы способны проникать через биологические мембраны, накапливаться в организмах и средах, вызывать неизвестные ранее реакции. Научные исследования последних лет указывают на ряд рисков: некоторые наноматериалы обладают цитотоксичностью, могут наносить вред клеткам живых организмов; есть данные о негативном влиянии, например, наночастиц серебра на микроорганизмы, ответственные за биологическую очистку сточных вод. Эксперты отмечают, что при стирке тканей, содержащих наночастицы серебра, значительная их часть смывается в сточные воды, достигая очистных сооружений, что может нарушить работу очистных фильтров. Кроме того, воздействие содержащих наночастицы стоков на почву и грунтовые воды пока еще слабо изучено. В целом же ситуация с экологической безопасностью нанотехнологий характеризуется высокой степенью неопределенности, однако очевидно, что нанотехнологии несут не только пользу, но и неизвестные до конца угрозы. Понимание этого привело к тому, что ЕС принял решение об интеграции наноматериалов в существующие режимы регулирования химических веществ и продукции. Европарламент еще в 2009 г. принял резолюцию с призывом к Еврокомиссии, во-первых, обеспечить маркировку всех товаров, содержащих наноматериалы, и, во-вторых, пересмотреть законодательство, регламентируя использование всех наноматериалов, имеющих потенциальное воздействие на здоровье или окружающую среду. В дальнейшем была принята Рекомендация Европейской Комиссии от 18 октября 2011 г. об определении наноматериала. В указанных актах отмечалось, что ни один наноматериал не может находиться в обращении, пока его производитель не предоставит достаточных данных об его безопасности. Также было рекомендовано рассматривать все наноматериалы как новые вещества и требовать отдельной регистрации их производства, включая малотоннажное. В дальнейшем 3 декабря 2018 г. Европейская комиссия приняла Регламент (ЕС) 2018/1881, которым внесла изменения в технические приложения I, III и VI-XII к регламенту REACH, установив требования к регистрации наноматериалов.

Согласно нововведениям, компании, выпускающие на рынок вещества в нано-форме, должны предоставлять в регистрационных досье информацию об их основных характеристиках и использовании, способах безопасного обращения с ними, о рисках для здоровья и окружающей среды. Кроме того, специальные требования появились в регламентах по биоцидным продуктам, косметическим средствам (обязательная экспертиза безопасности наноконпонентов), пищевой продукции (наличие наноматериалов должно указываться на этикетке).

Хотя единого регламента в Европейском Союзе еще не создано, действует общий подход: наноматериалы подпадают под общие нормы химической безопасности, и к ним применяются усиленные критерии оценки рисков и маркировки. Фактически, Евросоюз старается проактивно реализовать предосторожный подход, который означает, что пока экологические риски нанотехнологий не изучены должным образом, необходимо контролировать их обращение.

Что же касается вопросов ответственности за экологический вред от нанотехнологий, то прямых прецедентов пока нет. Можно предположить, что общий механизм возмещения экологического вреда (деликтная ответственность загрязнителя) будет применяться и к ситуациям с наноматериалами, если их выброс или утечка причинят ущерб природным объектам. Однако выявление такого ущерба – нетривиальная задача: потребуются разработка методик мониторинга наночастиц в окружающей среде, установление причинно-следственной связи между присутствием наноматериалов и деградацией экосистем. Например, если в водоеме обнаружат массовый падеж рыбы из-за токсичных наночастиц, возникнет вопрос: а где источник этих наночастиц? Это может быть предприятие, сбросившее стоки с наночастицами в реку, или множественные потребители, эксплуатирующие товары (краски, покрытие, косметику), выделяющие такие частицы. Таким образом, проблема возмещения вреда является весьма сложной.

Не исключено, что придется вводить специальные правила, например, об обращении с отходами, которые содержат наноматериалы, о расширенной ответственности производителей (производитель нанопродукции финансирует утилизацию и ликвидацию товаров или упаковки после утраты ими потребительских свойств), либо применять правовые презумпции (если вред типичен для определенного наноматериала, производитель несет ответственность, пока не докажет

иное). В России нормативная база в области экологической безопасности нанотехнологий пока находится в зачаточном состоянии. В начале 2010-х были приняты некоторые методические документы, например, Методика классификации нанотехнологий и продукции наноиндустрии по степени их потенциальной опасности, устанавливающая критерии отнесения нанопродукции к категориям риска. Однако специальных законов, регулирующих производство и обращение наноматериалов, не принято. Основное внимание сейчас уделяется развитию самой отрасли (создана госкорпорация «Роснано», идут инвестиции в нанотехнологические проекты), а вопросы экологического контроля остаются на периферии. По сути, наноматериалы регулируются общими нормами: Федеральным законом «Об охране окружающей среды» (требования не превышать нормативы ПДК вредных веществ – хотя для наночастиц такие нормативы не разработаны), Федеральным законом от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (если продукция представляет опасность для здоровья, то Роспотребнадзор может ограничить ее продажу). Однако проактивного регулирования, аналогичного ЕС (маркировка, регистрация наноматериалов), в России в данный момент нет. Тем не менее, уже есть общее понимание риска: идет экспертное обсуждение необходимости включения нанотехнологий в число потенциальных угроз национальной безопасности. В связи с этим представляет интерес зарубежный опыт, по крайней мере, в плане технического нормирования и оценки рисков нанопродукции. Возможным правовым ответом на угрозы нанотехнологий может стать развитие превентивного регулирования: установление в будущем обязательности экологических экспертиз для нанотехнологичных проектов, нормирование выбросов и утилизации наноматериалов, государственная регистрация нано-продуктов с оценкой их безопасности. Также логично расширить институт обязательного страхования экологической ответственности на предприятия нано-промышленности – в этом случае при возникновении экологического ущерба будут денежные средства для его возмещения. Таким образом, нанотехнологии представляют собой новую потенциальную угрозу для окружающей среды, и, хотя они могут служить благим целям (например, нано-катализаторы для очистки воды, наноматериалы для более эффективной энергетики), нельзя игнорировать и риски. Правовые системы России и многих других стран мира находятся в процессе адаптации: вводятся требования прозрачности и оценки рисков, рассматривается вопрос об обновлении стандартов ответственности.

Не меньший интерес представляет и опыт Европейского Союза в части общих правил возмещения экологического вреда. Он интересен тем, что сочетает общеевропейскую нормативную базу (директивы, регламенты ЕС) с национальными правовыми традициями, зачастую выработавшими собственные механизмы экологической деликтной ответственности. На общеевропейском уровне (право ЕС) базовым документом является Директива 2004/35/ЕС об экологической ответственности за предупреждение и устранение вреда окружающей среде (Environmental Liability Directive, ELD). Эта директива впервые установила единые минимальные требования к возмещению вреда природе во всех странах-членах ЕС на основе принципа «загрязнитель платит» [12]. Согласно ELD, если в результате деятельности лица произошел значительный ущерб земельным ресурсам, водам или охраняемым видам и природным средам, такое лицо обязано провести все необходимые восстановительные мероприятия за свой счет.

При этом различаются два режима: для «опасных» видов деятельности (перечислены в приложении III и включают, например, операции с опасными веществами, отходами, выбросы в рамках разрешений и др.) – ответственность без вины (строгая ответственность); для прочих видов деятельности – ответственность при наличии вины или небрежности, и только за ущерб дикой природе (биоразнообразию). Заметим, что Директива ELD сфокусирована именно на экологическом вреде как таковом – то есть на ухудшении состояния природных ресурсов, а не на ущербе отдельным лицам. Если загрязнение причиняет вред здоровью граждан или имуществу, эти требования рассматриваются по национальным нормам (деликтное право, страхование и т.д.) и под действие ELD не подпадают. Таким образом, ELD восполнила пробел: раньше многие государства ЕС имели нормы о возмещении вреда гражданам, но не было четкой обязанности восстанавливать саму природу. Теперь такая обязанность есть, и государственные органы контролируют ее исполнение. Например, если произошла утечка химикатов, загрязнившая реку, компетентный орган страны ЕС выдает нарушителю предписание очистить водный объект; если тот не выполняет, власти могут сами провести очистку, а затраты взыскать с виновника. Это похоже на российскую схему, только

более централизовано и на основе единых критериев последствий ущерба. Стоит отметить, что реализация директивы ELD сталкивается и с трудностями. Европейская комиссия в 2016 г. и Европейская счетная палата в 2021 г. выявили слабые места: расплывчатость некоторых ключевых понятий (например, не все государства единообразно трактуют, что считать «значительным» ущербом), отсутствие требований об обязательном страховании или финансовых гарантиях (в результате при банкротстве причинителя восстановление окружающей среды финансируется из бюджета, нарушая принцип «загрязнитель платит»), а также узкий охват – ELD не распространяется на ущерб воздуху и климату, не применима к диффузному (рассеянному) загрязнению, сложно применяется к длительно текущим инцидентам. В результате, хотя принцип «загрязнитель платит» формально закреплен, на практике ЕС вынужден привлекать бюджетные средства для ликвидации загрязнений, когда виновник неизвестен или неплатежеспособен. В ответ на это ЕС обсуждает ужесточение мер: от расширения объема ELD (включить ответственность за загрязнение воздуха, за крупные выбросы парниковых газов, за наноматериалы и пр.) до обязательного страхования экологической ответственности. Комиссия ЕС разрабатывает поправки для усиления применения принципа «загрязнитель платит». Другой важный элемент – интеграция принципа возмещения вреда в отраслевое законодательство ЕС. Помимо ELD, в различных директивах присутствуют нормы, направленные на предотвращение и возмещение экологического ущерба.

Так, Директива о промышленных выбросах (2010/75/EU) требует от предприятий иметь планы восстановления загрязненной территории при прекращении деятельности (так называемый базовый отчет о состоянии грунтов при получении разрешения, и последующая рекультивация до этого уровня при закрытии). Директива о отходах (2008/98/EC) утвердила иерархию обращения с отходами, требуя предотвращения и безопасной утилизации, а за несанкционированное размещение отходов предусмотрена ответственность. Водное законодательство ЕС (Директива 2000/60/EC и др.) обязало виновников загрязнения вод компенсировать ущерб (правда, чаще через административные штрафы, но средства идут на экологические мероприятия). В целом, принцип «загрязнитель платит» пронизывает всю экологическую политику ЕС.

Не меньший интерес представляет уровень законодательства отдельных стран ЕС.

В Германии действует строгая система ответственности за экологический вред, частично опережающая европейскую. Еще в 1990-е был принят закон об экологической ответственности (UmweltHG), устанавливавший презумпцию ответственности операторов источников повышенной опасности за любой вред окружающей среде. Германия ввела и обязательное страхование для некоторых видов экологически опасной деятельности (например, перевозка опасных грузов, эксплуатация предприятий по переработке отходов), тем самым решая проблему неплатежеспособности потенциального загрязнителя. При внедрении директивы ELD Германия сочетала ее требования со своими: например, расширила понятие ущерба для компенсации за «нематериальный» экологический вред (ущерб экосистеме как таковой, даже если он не выразился в прямых экономических потерях). Также в праве ФРГ существует механизм государственных экстраординарных выплат в случаях, когда экологическая катастрофа затрагивает множество людей (например, в части компенсаций жертвам крупных техногенных аварий).

Франция исторически полагается на административные рычаги: инспекторы могут выдавать предприятиям обязательные предписания, а в случае их неисполнения ущерб возмещается государством с последующим взысканием денежных средств с правонарушителя. Во Франции был принят Закон «Об экологической ответственности и имплементации различных положений права Сообщества в сфере окружающей среды» от 1 августа 2008 года №2008-757, которым были внедрены в национальное право положения Директивы №2004/35/CE. В 2021 г. Франция стала единственным государством-членом ЕС, принявшим закон об экоциде. Цель документа - усилить санкции за серьезные и длительные случаи преднамеренного загрязнения воды, воздуха или почвы. И хотя пока практического применения его немного, сам термин отражает общественный запрос на ужесточение наказаний за крупный ущерб природе. Кроме того, во Франции популярны коллективные иски экологических НКО против компаний – они требуют не столько денег, сколько выполнения природоохранных обязанностей. В 2012 г. компания Total была окончательно признана виновной (решением кассационной инстанции) и привлечена к ответственности за разлив нефти в Атлантике (дело Erika) – суд обязал выплатить компенсацию не только пострадавшим частным лицам, но и местным органам власти.

Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Финляндия) делают нормативный акцент на систему фондов и соглашений. Например, в Швеции нефтяные компании ежегодно отчисляют взносы в особый фонд возмещения ущерба от разливов нефти, из которого выделяются деньги на оперативную ликвидацию аварий и компенсации пострадавшим (потом фонд может требовать регресса к виновнику). В Финляндии еще в 1990-е годы было введено обязательное страхование экологической ответственности для предприятий определенных категорий, благодаря чему подавляющее большинство инцидентов покрывается страховыми выплатами. Великобритания долго полагалась на судебное прецедентное право: иски частных владельцев земли против загрязнителей по основаниям частного права (например, нарушение покоя владельца через загрязнение). Хотя прямого аналога ELD в общем праве не было, суды присуждали значительные компенсации за ущерб природе, если он причинял сопутствующий вред частным интересам. И даже после выхода Великобритании из ЕС она сохранила эти стандарты ELD.

Таким образом, ЕС весьма продвинулся в институционализации принципа «загрязнитель платит» и создал рамки, обязывающие виновников экологического вреда восстанавливать природу. Однако ЕС также столкнулся с теми же вызовами, что и Россия: как быть, если виновник не может заплатить; что делать с ущербом от кумулятивных или глобальных воздействий; как учитывать новые типы угроз (климатические, технологические). Решения ЕС эволюционируют – усиливается требование финансовых гарантий, развивается судебная практика по новым категориям исков, законодательно иницируются новые преступления (экоцид). В целом, опыт ЕС полезен для России тем, что показывает: нужны комплексные меры – и жесткое законодательство, и активная роль государства в контроле, и участие гражданского общества через суды. Российскому законодателю имеет смысл внимательно изучать эти процессы, чтобы извлечь уроки для реформирования отечественной системы возмещения экологического вреда.

Для этого представляется необходимым начать обсуждение следующих предложений, направленных на повышение эффективности механизма возмещения экологического вреда.

Во-первых, необходимо прямо закрепить в ГК РФ обязанность возмещения вреда, причиненного окружающей среде, как самостоятельного внедоговорного обязательства. Например, дополнить абзац 1 пункта 1 статьи 1064 ГК РФ словами о возмещении вреда, причиненного не только личности или имуществу, но и окружающей среде. Это подчеркнет, что деликтная ответственность охраняет и публичный интерес в сфере экологической безопасности, а не только частные интересы. Кроме того, целесообразно добавить в ГК РФ новую статью (например, ст. 1064.1) «Возмещение вреда окружающей среде», где четко указать, что причинитель обязан возместить вред вне зависимости от того, было ли его действие правомерным или неправомерным (если иное не установлено законом), поскольку цель возмещения – восстановление окружающей среды. Отдельно следует указать, что денежная компенсация взыскивается, если восстановление компонентов природной среды невозможно либо не произведено добровольно. Такая норма фактически закрепила бы специальный экологический деликт публично-правового характера, прекратив дискуссию о природе этих требований, и предоставив судам четкие правовые основания для удовлетворения деликтных исков природоохранных органов.

Во-вторых, представляется целесообразным принятие специального федерального закона «О возмещении экологического вреда» в целях преодоления межотраслевой коллизии экологического и гражданского законодательства. Такой закон позволит решить ряд накопившихся проблем, если он будет согласован с положениями общей теории эффективности экологического законодательства [13, с. 53]. В таком законе можно объединить нормы, разбросанные по экологическому и гражданскому законодательству, а также учесть новые реалии, связанные с изменениями климата и нанотехнологиями. В частности, такой закон мог бы расширить существующее определение экологического вреда (ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды») как вреда не только окружающей среде, но и жизни, здоровью и имуществу граждан; перечислить принципы возмещения (полное возмещение, компенсация морального вреда, приоритет восстановления в натуре, сочетание мер частного и публично-правового характера и т.д.); провести разграничение ответственности причинителей и государства; состыковать нормы деликтного права и институт обязательного экологического страхования (указать категории хозяйствующих субъектов, обязанных страховать риск ответственности за причинение экологического вреда по критериям рода деятельности, объема выбросов, класса опасности производства); уточнить порядок

расчета и доказывания экологического вреда (сейчас в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» есть только фрагментарное упоминание такс и методик возмещения экологического вреда, в связи с чем этот вопрос полностью отдам на усмотрение подзаконных актов); определить особенности возмещения отдельных видов вреда (например, животному миру) [14]; регламентировать приоритет натурального возмещения вреда [15]; более четко конкретизировать возмещение накопленного экологического вреда; уточнить специфику категории «источник повышенной опасности» применительно к экологическим деликтам; определить особенности применения мер по предотвращению вреда (ст.1065 ГК РФ) применительно к сфере охраны окружающей среды; рассмотреть особенности компенсации морального вреда в данной сфере [16]. Отдельным разделом в таком законе могли бы стать нормы об особенностях возмещения отдельных видов экологического вреда, в том числе в связи с изменением климата и использованием нанотехнологий и нанопродукции.

В-третьих, в части нанотехнологий можно предложить ряд дополнительных законодательных мер: создание реестра наноматериалов, с установлением обязанностей производителей регистрировать новые наноматериалы и оценивать их риски, что потребует внесения изменений в Федеральные законы «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»; расширение сферы экологической экспертизы для нанотехнологий и наноматериалов (изменения в Федеральный закон «Об экологической экспертизе», согласно которым проекты, предполагающие массовый выброс наночастиц, подлежат государственной экологической экспертизе), и ряд других мер.

В-четвертых, Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации следует ускорить пересмотр существующих такс и методик с учетом новых знаний о негативном воздействии и экологических угроз. В этом случае суммы взысканий станут более соразмерными реальному вреду. Следует унифицировать и подходы разных органов исполнительной власти, сложившиеся для расчета размера вреда различным компонентам природной среды.

В-пятых, весьма важно, чтобы судьи имели узкую специализацию и лучше понимали специфику дел о возмещении экологического вреда [17]. Можно предложить создание специализированных судебных составов по экологическим спорам или специализированных экологических судов (как, например, это было сделано в Китае и ряде других стран). Пока объем таких дел в Российской Федерации не очень велик, но он со временем неизбежно вырастет.

В-шестых, причинение экологического вреда часто носит трансграничный характер (загрязнение рек, Мирового океана, воздуха, изменение климата, радиационные аварии). России стоит активнее участвовать в международных инициативах, в том числе высказывать свои предложения о механизмах трансграничной ответственности [18]). Это позволит в будущем более эффективно возмещать вред, причиненный российскими предприятиями окружающей среде соседних стран (например, Китаю), или, наоборот, получать компенсацию от соседей.

Представляется, что возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением, в XXI в. превратилось в сложную многогранную проблему, затрагивающую как традиционные вопросы деликтного права, так и вызовы глобального характера. Проведенный анализ показал, что за последние десятилетия понимание экологического вреда существенно расширилось: от локальных инцидентов международное сообщество (включая Россию) перешло к осознанию планетарных угроз (изменение климата), причем классические механизмы ответственности вынуждены адаптироваться к новым реалиям научно-технологического прогресса (риски нанотехнологий). Ведущие правовые системы мира, включая ЕС, выработали ряд ценных подходов к экологическим деликтам, которые представляют интерес и для российского права: они развивают принцип «загрязнитель платит» путем принятия специальных директив и законов, вводят обязательное восстановление окружающей среды за счет причинителя, предусматривают финансовые гарантии на случай его несостоятельности, развивают судебную практику, признающую защиту экологических прав и интересов в новых контекстах (климатический вред, защита прав будущих поколений). Вместе с тем, европейский опыт учит и тому, что реализация этих принципов встречает препятствия – пробелы в праве, сложность доказывания, противодействие заинтересованных групп. ЕС продолжает совершенствовать свое законодательство, и этот процесс дает хорошую базу знаний для России, где похожие проблемы только начинают обсуждаться.

Российское гражданское и экологическое законодательство, регламентирующее возмещение экологического вреда, несомненно, нуждаются в реформировании.

В числе существующих проблем – отсутствие прямой нормы об экологическом деликте в ГК РФ, неурегулированность компенсации экологического вреда от правомерной деятельности, слабость механизмов возмещения вреда в случае банкротства его причинителя, недостатки методик оценки ущерба, отсутствие обязательного экологического страхования, нерешенность вопроса о ликвидации накопленного экологического вреда – все это требует комплексного законодательного ответа. Российская правоприменительная практика уже сигнализирует о необходимости перемен: рост числа исков и взысканий последних лет доказывают, что экологический вред – это не абстракция, а вполне конкретные миллиарды рублей, которые либо заплатит нарушитель, либо придется платить бюджету (то есть всему обществу).

Мы предлагаем ряд конкретных мер по совершенствованию российского законодательства: от точечных поправок (включить окружающую среду в объект защиты ГК РФ, закрепить обязательность страхования, уточнить субсидиарную ответственность государства) до системных решений (принять специальный федеральный закон о возмещении экологического вреда, создать специализированные экологические суды). Реализация приведенных выше предложений позволит России перейти к новой модели возмещения экологического вреда, отвечающей требованиям времени: модель, где экологические права и интересы надлежащим образом защищены, ущерб природной среде возмещается полно и своевременно, а профилактика вреда становится приоритетом для всех хозяйствующих субъектов. В условиях нарастающих экологических вызовов – будь то изменяющийся климат, технологические риски или изношенная инфраструктура – укрепление правового механизма возмещения вреда окружающей среде приобретает не только природоохранное, но и экономическое, а также социальное значение.

Он станет инструментом справедливости (заставит виновного платить), инструментом устойчивого развития (создаст стимулы для экологизации производства) и инструментом обеспечения конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. Совершенствуя законодательство в данной сфере, Россия сможет лучше защитить свое уникальное природное наследие и здоровье своих граждан, а также внести свой вклад в глобальные усилия по обеспечению экологической безопасности для нынешнего и будущих поколений.

Список использованных источников

1. Краснова С.А. Возмещение экологического вреда: взгляд сквозь призму деликтного права // *Хозяйство и право*. 2023. № 5. С. 97-109.
2. Чечурин А.М. Ответственность за совершение экологических деликтов в контексте возмещения вреда в полном объеме: опыт России в ключевых позициях судебной практики // *Сфера права*. 2022. № 4. С. 106-116.
3. Огородникова А.Е. К вопросу о проблемах возмещения экологического вреда // *Вопросы российской юстиции*. 2022. № 19. С. 403-412.
4. Рыженков А.Я. О необходимости ликвидации объектов накопленного экологического вреда для перехода России к «зеленой» экономике // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. №17 (3). С. 160-169.
5. Васильева М.И. Правовые проблемы возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическими правонарушениями // *Судья*. 2017. № 9. С. 15-21.
6. Boutros T.J., Lanza Jr., Lanza D. Global warming tort litigation: the real "public nuisance" // *Ecologylawcurrents*. 2008. Vol. 35. P. 80-89
7. Гершинкова Д.А. Климатические судебные иски: зарубежный опыт и перспективы в России // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2021. №17 (3). С.116-131.
8. Рыженков А.Я. Экологические деликты: правовые основы регулирования // *Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М.Ф. Медведева (г. Волгоград, 20 мая 2022 г.) / под общей ред. Е.Н. Агибаловой, И.Б. Иловайского. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. С. 128-137.*
9. Drugmand D. German Court Ends Landmark Climate Case Brought By Peruvian Farmer, But Affirms Liability Potential For Major CO2 Emitters // <https://www.climateinthecourts.com/german-court->

[ends-landmark-climate-case-brought-by-peruvian-farmer-but-affirms-liability-potential-for-major-co2-emitters/#:~:text=Legal%20experts%20say%20this%20determination,court%20sets%20a%20groundbreaking%20precedent](#) (дата обращения 28.01.2025).

10. Кодолова А. Массовые экологические деликты в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2009. № 6. С.52-58.

11. Dennis L.V. Nanotechnology: Unique Science Requires Unique Solutions // Temple journal of science, technology and environmental law. 2006. Vol. XXV. P. 87-119.

12. Кодолова А.В. К вопросу о правовой природе ответственности за вред окружающей среде в России и Европейском Союзе: сравнительно-правовой анализ // Экологическое право. 2018. № 2. С. 27-32.

13. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lexrussica. 2018. №3. С.52-67.

14. Иванова С.В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный природным объектам: пробелы российского законодательства // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2 (4). С. 31-36.

15. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // LexRussica. 2016. № 8. С. 130-140.

16. Князькин А.Д. Компенсация морального вреда, причиненного экологическим правонарушением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.

17. Бражник И.С. Экологические суды: некоторые вопросы истории и практики // Российский судья. 2021. № 9. С. 60-64.

18. Савельева Л.В. Определение трансграничного ущерба в международном праве // Московский журнал международного права. 2009. № 2. С. 90-100.

19. Крупнейшая катастрофа в Арктике: что известно о разливе топлива под Норильском // <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/402193-krupneyshaya-katastrofa-v-arktike-chno-izvestno-o-razlive-topliva> (дата обращения 28.01.2026).

20. Арбитражный суд Коми взыскал с «ЛУКОЙЛ-Коми» 614 миллионов рублей за ущерб земельным ресурсам // <https://www.bnkomi.ru/data/news/22750/> (дата обращения 28.01.2026).

21. ЛУКОЙЛ выплатил 21 млн руб. компенсации за разлив нефти на двух северных месторождениях // <https://dzen.ru/a/ZbJCns7TaHroOW8H> (дата обращения 28.01.2026).

22. Лето сошло с ума. С какими природными аномалиями столкнулись жители России? // <https://rossaprimavera.ru/article/81f35baf> (дата обращения 28.01.2026).

4.4. НЕПРАВОМЕРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ, ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Косяченко Владимир Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России

Вопросы применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия являются весьма актуальными и злободневными. Неправомерное применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия сотрудниками полиции наступает в случаях, когда действия сотрудника выходят за пределы, установленные законодательством Российской Федерации, в частности, Федеральным законом «О полиции» № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 года, а также нормами Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Согласно закону, сотрудник полиции вправе применять физическую силу, специальные средства, огнестрельное оружие (например, палки, наручники, газовые баллончики, электрошокеры, водометы, служебных собак и др.) в следующих ситуациях: для отражения нападения на гражданина или сотрудника полиции; для пресечения преступления или административного правонарушения; при сопротивлении задержанию; для задержания лица, пытавшегося скрыться после совершения преступления; при освобождении заложников или

захваченных объектов; для пресечения массовых беспорядков; для остановки транспортного средства, не подчинившегося требованию об остановке; для защиты охраняемых объектов.

При этом запрещено применять специальные средства: к женщинам с видимыми признаками беременности; к лицам с явными признаками инвалидности; к малолетним (если только они не оказывают вооружённое сопротивление или групповое нападение, угрожающее жизни, и при угрозе вооружённого сопротивления).

Также запрещено наносить удары палкой специальной: по голове, шее, животу, сердцу, половым органам. Применение водометов при температуре ниже 0° С не допускается.

Неправомерное применение наступает, если: действия сотрудника полиции явно выходят за пределы его полномочий; применение силы или спецсредств произошло без достаточных оснований; были нарушены процедурные требования (например, отсутствовало предупреждение, если оно было необходимо); применение привело к непропорциональному вреду (например, применение электрошокера к спокойному гражданину, не оказывавшему сопротивления); силу применяли при отсутствии угрозы или после полного обезвреживания нарушителя.

Неправомерное применение влечёт для сотрудника ОВД следующие виды юридической ответственности:

дисциплинарная ответственность-выговор, строгий выговор, увольнение. Наступает при нарушении внутреннего распорядка или служебной инструкции. Дисциплинарные меры: сотрудник может быть отстранён от выполнения обязанностей, связанных с применением силы и спецсредств, до прохождения аттестации на соответствие должности;

административная ответственность — возможна по статьям КоАП РФ, например, за превышение должностных полномочий (ст. 19.1 КоАП), но чаще применяется уголовная ответственность;

уголовная ответственность — наиболее серьёзная. За превышение полномочий при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия сотрудник полиции может быть привлечён к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 286 УК РФ. «Превышение должностных полномочий с применением насилия, специальных средств или оружия, повлекшее тяжкие последствия». Если действия повлекли тяжкие последствия, наказание может составить от 3 до 10 лет лишения свободы с лишением права занимать определённые должности деятельностью на срок до 3 лет. Если действия сопровождались пытками, срок увеличивается до 4–12 лет, а при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти — до 8–15 лет. В зависимости от обстоятельств дела возможны и другие составы преступлений, например, ст. 108 УК РФ (убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания преступника) или ст. 114 УК РФ (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при тех же обстоятельствах). Также возможна ответственность по другим статьям УК РФ: ст. 111 УК РФ — умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; ст. 112 УК РФ — средней тяжести вред здоровью; ст. 115 УК РФ — лёгкий вред здоровью;

гражданско-правовая ответственность. Гражданин, пострадавший от неправомерного применения силы, вправе требовать возмещения материального и морального вреда в порядке гражданского судопроизводства (ст. 1069 ГК РФ).

Репутационные риски. Такие случаи часто получают публичное освещение, что негативно сказывается на имидже правоохранительных органов.

Применение физической силы и специальных средств, огнестрельного оружия сотрудниками полиции строго регламентировано Федеральным законом «О полиции» (ст. 18-24). Среди ключевых требований: действия должны быть соразмерны общественной опасности и прекращены после отпадения необходимости; сотрудник обязан стремиться к минимизации любого ущерба; о каждом случае применения специальных средств, огнестрельного оружия необходимо сообщить непосредственному начальнику и в течение 24 часов представить рапорт.

Пример из практики.

Если сотрудник полиции, не предупредив, применил электрошокер к мирному протестующему, который не оказывал сопротивления, и тот получил травму — это может быть квалифицировано как превышение полномочий по ч. 3 ст. 286 УК РФ, особенно если последствия признаны тяжкими (например, перелом, потеря сознания, госпитализация).

Неправомерное применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия сотрудниками полиции — серьёзное нарушение, которое влечёт юридическую ответственность. Такие действия могут привести к уголовным делам, дисциплинарным мерам и гражданским искам о возмещении вреда.

Применение электрошокера без оснований. В 2020 году в судебном деле фигурировал сотрудник полиции ФИО1, который применил электрошоковое устройство к двум гражданам — К. Г. и М. К. Потерпевшие были доставлены в отдел полиции после конфликта с другими людьми. В кабинете ФИО1 начал грубо разговаривать с ними, а когда они пытались объяснить свою версию событий, начал применять электрошокер. К. Г. снимал происходящее на телефон, после чего ФИО1 отобрал устройство и продолжил применять спецсредство. У К. Г. остались электрометки на левом бедре. Сотрудник полиции в отделе полиции неоднократно использовал электрошокер в отношении задержанных граждан. Потерпевшие получили физическую боль и травмы. Один из них упал на пол от удара током. Действия сотрудника были зафиксированы на видео, что стало основанием для расследования.

Превышение полномочий с причинением тяжких телесных повреждений. В 2022 году в Новочебоксарске инспектор патрульно-постовой службы применил физическую силу к задержанной женщине. На почве личной неприязни (из-за её негативных высказываний) он принудительно сделал загиб ей руки за спину. Это привело к перелому плечевой кости со смещением отломков. Суд признал сотрудника виновным по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия) и назначил наказание в виде 3 лет 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, а также лишил права занимать должности в правоохранительных органах на 2 года.

Необоснованное применение наручников и боевых приёмов борьбы. В одном из случаев сотрудники полиции дважды доставляли гражданина в отдел для установления личности и составления протокола об административном правонарушении. Во время второго доставления они применили к нему наручники и боевые приёмы борьбы, хотя необходимости в этом не было. Потерпевший обратился в суд с иском о компенсации морального вреда. Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих инстанций, которые отказали в удовлетворении иска, и направил дело на новое рассмотрение, указав на необходимость проверить наличие законных оснований для применения силы и спецсредств.

В 2020 году в Санкт-Петербурге сотрудник полиции был осужден за превышение должностных полномочий. Во время задержания подозреваемого он применил физическую силу, которая привела к перелому руки задержанного. Суд установил, что действия полицейского не были вызваны необходимостью и явно выходили за пределы его полномочий. В результате сотрудник был приговорен к 3 годам лишения свободы условно с лишением права занимать должности в правоохранительных органах на 5 лет.

Превышение должностных полномочий происходит, когда должностное лицо совершает действия, явно выходящие за пределы его компетенции. Это может выражаться в следующих формах:

1. Совершение действий, которые относятся к полномочиям другого должностного лица (например, вышестоящего или равного по статусу).
2. Выполнение действий, допустимых только при особых обстоятельствах, указанных в законе (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности).
3. Совершение действий, которые должны выполняться коллегиально или по согласованию с другими лицами, но выполняются единолично.
4. Совершение действий, которые никто не вправе выполнять ни при каких обстоятельствах.

Общим для всех случаев является то, что должностное лицо действует за пределами своих законных полномочий, что приводит к существенному нарушению прав и интересов граждан, организаций или государства.

Для привлечения к ответственности необходимо собрать доказательства, подтверждающие факт превышения полномочий. Это могут быть:

- Показания потерпевшего и свидетелей.

- Видео- и аудиозаписи, фиксирующие действия должностного лица.
- Медицинские заключения о причинении вреда здоровью.
- Документы, подтверждающие незаконность действий (например, приказы, инструкции).

Если вы стали жертвой превышения полномочий, важно незамедлительно обратиться в правоохранительные органы с заявлением. К заявлению следует приложить все имеющиеся доказательства.

Профессиональная юридическая помощь может существенно повысить шансы на успешное разрешение дела и защиту ваших интересов.

Научное издание

УЩЕРБ ОТ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ

Коллективная монография

Материалы коллективной монографии публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-00279-144-6

Подписано в печать 22.04.2026 г.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,13. Тираж 100 экз. Заказ № 1821-26

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

Сайт: amirit.ru